Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Польский институт Санкт-Петербург

Шестнадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля

2018

Санкт-Петербург
2019

**Чтения проведены при поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге**

Instytut Polski w Sankt Petersburgu

ISBN 978-5-87857-286-6

© НИЦ «Мемориал», 2019

Ирина Левинская

Элиас Бикерман: нежелательная биография

Ирина Алексеевна ЛЕВИНСКАЯ

СПбИИ РАН,
ведущий научный сотрудник
Отдела источниковедения
и архива,
доктор исторических наук

Для тех, кто занимается наукой о древности, имя Бикермана значит очень много. Трудно себе представить личную библиотеку античника или востоковеда, в которой отсутствовала бы его книга «Хронология древнего мира». Широта научных интересов Бикермана была удивительна – он писал об имени «христиане» (одна из моих любимейших статей), о славянском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, о теологии фигуративного искусства, об Иоанне Предтече, о Селевкидском царстве, о Маккавейских книгах, о Полибии, о Фукидиде, о гомеровских гимнах, о датировке письма Псевдо-Аристея, о библейской книге Есфири, об обвинениях евреев древности в совершении ритуальных убийств, о Пушкине и еще много о чем.

Арнольдо Момильяно считал его одним из наиболее самобытных и глубоких историков Древнего мира[1], самым

[1] *Momigliano A.* L'assenza del terzo Bickerman // *Momigliano A.* Settimo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma, 1984. Storia e litteratura, 161. P. 371; впервые напечатано: Revista Storica Italiana. 94. Fasc. 2. 1982. P. 527–531; англ. пер.: The Absence of the Third Bickerman // Essays on Ancient and Modern

выдающимся в своем поколении. Мартин Хенгель, опубликовавший в 2004 статью о Бикермане, озаглавил ее «Воспоминания о великом историке древности из Санкт-Петербурга»[2].

Каток свирепой истории XX века Бикермана не пощадил. Родившийся в Российской империи в 1897, бежавший в 1921 из большевистской России через Польшу в Германию, а затем в 1933 – из гитлеровской Германии во Францию[3], Бикерман был свидетелем и крушения российского самодержавия, и большевистского переворота, и прихода к власти Гитлера в Германии, и капитуляции Франции. Казалось бы, биография великого ученого, к тому же полная столь драматических перипетий, так и просится на бумагу. Однако вплоть до недавнего времени о жизни Бикермана было написано относительно немного: несколько некрологов и статей, главным образом посвященных научному творчеству историка. Как заметил Хенгель, «наиболее подробная биография Бикермана была написана Мортоном Смитом для третьего тома бикермановских "Исследований по еврейской и христианской истории", и занимает она всего две с половиной страницы»[4]. Его собственная существенно более объемная биографическая

Judaism / Ed. with an Introduction by S. Berti. Chicago, 1994. P. 217–224. Момильяно неоднократно повторял эту оценку значения Бикермана в разговорах с различными людьми. Беседуя с ассириологом Хаимом Тэдмором, Момильяно заметил, что его собственные научные выводы, возможно, не выдержат проверку временем, а выводы Бикермана ее выдержат. Когда Тэдмор пересказал это мнение Бикерману, тот промолчал, но позднее написал, что Момильяно ошибался. Бикерман считал, что самым великим исследователем античности его поколения был Луи Робер, абсолютный знаток античной эпиграфики (*Baumgarten A.* Elias Bickerman on Hellenizing Reformers: A Case Study of an Unconvincing Case // Jewish Quarterly Review. 97.2.2007. P. 152; *Baumgarten A.* Elias Bickerman as a Historian of the Jews. A Twentieth Century Tale. (Texts and Studies in Ancient Judaism) 131. Tübingen, 2010. P. 3).

[2] *Hengel M.* Elias Bickermann. Erinnerungen an einen grossen Althistoriker aus St. Petersburg // Hyperboreus. Vol. 10. 2004. S. 171–198; англ. пер.: Introduction: Elias Bickerman – Recollections of a Great Classical Scholar from St Petersburg by M.Hengel // *Bickerman E.J.* Studies in Jewish and Christian History: A New Edition in English including *The God of the Maccabees* / Introduced by M.Hengel, edited by A.Tropper. Leiden; Boston, 2007 (Arbeiten zur Geschichte des antiken Judentums und des Urchristentums. 68.1). P. XXVII–LV.

[3] Научная карьера Бикермана в Германии, развивавшаяся весьма успешно, оборвалась с приходом Гитлера к власти. В предисловии к английскому переводу своей книги «*Der Gott der Makkabäer*» («Бог Маккавеев») он вспоминает: «О. Эйсфельдт попросил меня написать комментарии к 1 и 2 Маккавейским книгам для его *"Hanbuch zum Alten Testament"* ["Справочника по Ветхому Завету"]. Контракт был подписан Паулем Зибеком, издателем эйсфельдтовского "Справочника", 30 января 1933 г. Когда я вышел из его гостиничного номера в Берлине, в газетах объявили о назначении Гитлера канцлером Германии» (The God of the Maccabees: Studies on the Meaning and Origin of the Maccabean Revolt / Translated by H.R. Moering. Leiden, 1979. P. XI). Память здесь Бикермана подвела: Пауль Зибек умер в 1920, и издательство перешло к его сыну Оскару. Впрочем, учитывая то, что Бикерман часто, рассказывая о себе, видоизменял детали своей биографии, о чем подробно речь пойдет дальше, вполне возможно, что договор был подписан не 30 января 1933, когда Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, а в какой-то другой день, и зловещую историческую дату он назвал ради большей эффектности рассказа. Надо отдать должное издательству «Мор Зибек»: оно не разорвало контракт с Бикерманом даже после его эмиграции во Францию и в своих каталогах послевоенного времени указывало, что Бикерман готовит для него комментарии к Маккавейским книгам (*Hengel.* Elias Bickermann. S. 181–182. = *Hengel.* Elias Bickerman. P. XXXVIII).

[4] *Hengel.* Elias Bickermann. S. 175 = *Hengel.* Elias Bickerman. P. XXXI. Мортон Смит является также автором одного из некрологов (Gnomon. Bd. 54.2. 1982), в котором он воспользовался данными из справочника «Кто есть кто в Америке» (Who is Who in America. Vol. 30 1958/59. P. 234c–235a), к которому Бикерман обычно отсылал всех, интересующихся его биографией. Расширенный вариант статьи

статья о Бикермане появилась на немецком языке в 2004, а затем, три года спустя, в переводе на английский язык была помещена в качестве введения к двухтомнику избранных работ Бикермана[5]. И только в 2010 ученик Бикермана Альберт Баумгартен наконец опубликовал биографическую книгу о своем учителе[6].

Тому, что история жизни великого ученого так долго оставалась ненаписанной, были свои причины. По словам Баумгартена, «Бикерман не хотел, чтобы его история была рассказана»[7]. Например, он распорядился уничтожить все свои личные документы и неопубликованные рукописи. Воля Бикермана была выполнена его коллегой и другом по Колумбийскому университету Мортоном Смитом, который написал в некрологе: «Он был великим ученым, который хотел, чтобы о нем помнили только как об ученом»[8]. Уцелели лишь бумаги, оставшиеся в его рабочем кабинете в Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке.

Когда исследователь решает писать биографию человека, который не хотел, чтобы его жизнь стала «достояньем доцента», и сделал все, чтобы этого не произошло, он сталкивается с моральной проблемой. Насколько праведным окажется его шпионаж, если воспользоваться моим любимым определением ремесла историка, сделанным Сергеем Стратановским: «Шарить в стране беспамятства – вот ремесло историка. Дело разведчика Божьего, праведный шпионаж»?[9]

Эта проблема стала особенно актуальна в последнее время, когда, с одной стороны, происходит замеченный многими исследователями всплеск интереса к биографическому и мемуарному жанрам, а с другой – все чаще появляются сочинения, авторы которых не утруждают себя этическими соображениями, серьезными исследованиями и тщательной работой с источниками[10]. Вопрос о том, как можно оправдать вторжение в чужую жизнь против ясно выраженной воли своего героя, беспокоил Баумгартена. Ответил он на него следующим образом:

> Как ученый Бикерман был продуктом выдающегося европейского академического мира перед Второй мировой войной, мира удивительно богатого.

из «Кто есть кто» Бикерман отдал незадолго до смерти для опубликования в «Международном биографическом словаре центрально-европейских эмигрантов, 1933–1945» (International Biographical Dictionary of Central European Emigres, 1933–1945. Vol. 1–3. München, New York, London, Paris, 1980–1983). Статьи в обоих справочниках представляют романтизированный и существенно отредактированный вариант биографии. Познакомившись с автобиографиями отца и брата Бикермана, Смит в предисловии изменил свой рассказ о жизни Бикермана до эмиграции.

[5] См. прим. 3.

[6] См. прим. 4.

[7] *Baumgarten.* Elias Bickerman. P. 11.

[8] *Smith M.* Elias Bickerman // *Bickerman E.* Studies in Jewish and Christian History. Part III. Leiden, 1986. P. XI–XIII = Introduction to the Original Edition (Part Three) – Elias J. Bickerman by M. Smith. P. XXIII–XXV.

[9] *Стратановский С.Г.* Строки к историку // *Стратановский С.Г.* Стихи. СПб., 1993. С. 52.

[10] Характерным примером является биография Д.С. Лихачева, написанная петербургским писателем Валерием Поповым и опубликованная в серии «Жизнь замечательных людей» в 2013. О грязных разоблачительных пасквилях, иногда начинающихся с приставки «анти-», даже и упоминать не хочется.

> Он учился у наиболее выдающихся специалистов в Санкт-Петербурге и в Берлине и преподавал вместе с ними. Он жил в Париже с 1933 до 1941 г., когда Париж был последним убежищем европейской цивилизации перед лицом наступления фашизма и нацизма. Это прошлое было разрушено сперва коммунистами, а затем и уже бесповоротно нацистами. Эти времена могут быть потеряны из живой памяти. Все современники Бикермана мертвы, многие из его учеников и младших коллег также ушли в мир иной… История Бикермана выцветает, и ее нужно рассказывать сейчас, пока не стало слишком поздно, для того, чтобы сохранить эпоху, в которой он жил, во всей ее славе[11].

Бикерман не хотел, чтобы о нем писали, опираясь на подлинные документы, но ничего не имел против того, чтобы история его жизни стала известной в видоизмененном и отредактированном виде. Он был склонен к мифотворчеству и, рассказывая о своей жизни, изменял, приукрашивал, а то и сочинял события, чем, впрочем, грешат многие люди.

Хенгель писал о том, что многократно просил Бикермана написать автобиографию. Тот был категоричен: никаких автобиографий, никаких фестшрифтов[12]. Он отказал своему младшему брату, когда тот предложил ему стать третьим Бикерманом в книге, вышедшей в итоге под названием «Два Бикермана» и содержавшей две автобиографии – брата и отца[13].

Может быть, большой любитель и знаток Пушкина, посвятивший две статьи его творчеству, Бикерман помнил о его эмоциональном объяснении в письме к П.А. Вяземскому, почему не следует писать автобиографию:

> Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо – а там злоба и клевета снова бы торжествовали. <…> Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать – можно; быть искренним – невозможность физическая. Перо иногда остановится,

---

11 *Baumgarten.* Elias Bickerman. P. 3.

12 *Hengel.* Introduction. P. XXXI.

13 *Bikerman J.* Two Bikermans: Autobiographies by Joseph and Jacob J. Bikerman. New York, 1975. Автобиография Иосифа Бикермана была изначально написана по-русски и опубликована в Париже в нескольких номерах эмигрантского журнала «Возрождение» (*Бикерман И.* Записки журналиста // Возрождение. Литературно-политические тетради. 1951. № 18. Ноябрь-декабрь. С. 92–110; 1952. № 19. Январь-февраль. С. 115–131; Воспоминания // Возрождение. 1964. № 153. С. 105–116; № 154. С. 107–119), а затем переведена на английский для публикации под одной обложкой с автобиографией его младшего сына Якова Бикермана.

> как с разбега перед пропастью – на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать – braver – суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно[14].

История собственной жизни, написанная профессиональным историком, привыкшим тщательно анализировать документы и реконструировать события древней истории по немногим дошедшим до нас крупицам, невольно потребовала бы от Бикермана той же тщательности, некоторой отстраненности и ответственности, как в его научных сочинениях. А сделать это в столь субъективном и эмоционально заряженном жанре, как мемуары, практически невозможно.

Иное дело устный рассказ, который у талантливого рассказчика превращается в литературную новеллу, для которой важны неожиданные повороты и увлекательные детали, чтобы впечатлить слушателя. Для достижения этого эффекта можно пренебречь куда более прозаичной правдой: «вымысел не есть обман», как заметил поэт.

Надо сказать, что Бикерман прекрасно отдавал себе отчет в том, чьи уши услышат его истории, и, оттачивая с каждым пересказом детали, соизмерял их с жизненным опытом и знаниями своего собеседника. Один из повторяемых рассказов – разговор в трамвае (автобусе, метро, на улице) с советскими гражданами, в котором Бикерман открывает им, что служил в Белой гвардии. Баумгартен в своей книге пересказывает его со слов Марселя Сигриста, который, в свою очередь, услышал его от Франсуа Лангламета: «Бикерман ехал в московском метро[15] и прислушивался к разговору молодой пары, обращая внимание на особенности их речи с тем, чтобы понять, насколько изменился язык с момента его отъезда. Он несколько раз перебивал их, чтобы уточнить значение некоторых слов и выражений. После нескольких вмешательств в разговор молодой человек почувствовал раздражение и поинтересовался у Бикермана, почему он им докучает. Бикерман объяснил, и молодой человек спросил: "Вы эмигрант?" – "Да", – ответил Бикерман и добавил, что он гордится тем, что приехал, и тем, что когда-то был офицером Белой армии. На ближайшей остановке все слышавшие разговор пассажиры, которые собирались выходить из вагона, благоговейно прикасались к Бикерману в желании дотронуться до этой иконы из далекого прошлого»[16]. Лангламет, большой поклонник творчества Бикермана, в пересказе которого история стала известна Сигристу, был католическим богословом, и его ментальности был внятен образ почти религиозного почитания его кумира.

---

[14] Письмо П.А. Вяземскому, 2-я половина ноября 1825 // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. 10. М., 1958. С.190–191.

[15] Начиная с 1970, когда в Ленинграде состоялся 5-й Международный конгресс историков-экономистов, Бикерман несколько раз посещал Советский Союз и пользовался любым предлогом, чтобы приезжать на родину.

[16] *Baumgarten*. Elias Bickerman. P. 38–39.

И.М. Дьяконов рассказывает о контакте Бикермана с советскими гражданами несколько иначе: «Бикерман в трамвае защищал пассажирку от хамства молодого парня; тот крикнул ему: “Еще иностранец, а лезет!” Бикерман спокойно объяснил: “Нет, я не иностранец, я белогвардеец”»[17]. Эта история выглядит более реалистично. О публичном оказании знаков благоговейного почитания белогвардейцу в Советском Союзе можно было рассказывать французу, незнакомому с реалиями советской жизни, но не Дьяконову[18].

Объединяет эти истории упоминание о белогвардейском прошлом Бикермана, – которого не было.

В 1918 Бикерман был призван в Красную армию. Это известно из воспоминаний его отца и брата. На семейном совете было решено, что уходить в подполье было бы слишком опасно и что при первой возможности Илья (Элиасом он стал за границей) перейдет на правильную сторону, т. е. на сторону белых. Он был отправлен на фронт, но в боевых действиях участия не принимал из-за того, что заболел тифом (в письме отцу он написал: «Читаю Горация и борюсь со вшами»[19], – вши явно победили) и был снят с поезда, направляющегося к театру военных действий, а затем, благодаря связям отца в ведомстве Троцкого, вернулся в Петроград и до эмиграции в конце 1921 служил в военно-морском ведомстве, т. е. формально был красноармейцем.

О своем участии в Белом движении Бикерман рассказывал своему другу Мухаммеду Абдулкадыровичу Дандамаеву во время одного из визитов на родину. Дандамаев и Бикерман вместе отправились в кино, чтобы посмотреть фильм Александра Алова и Владимира Наумова «Бег», снятый по пьесе Михаила Булгакова. Едва начались константинопольские сцены, Бикерман схватил Дандамаева за руку, на глаза его навернулись слезы. «Все именно так и было, – прошептал Бикерман, – как будто это случилось со мной вчера. Крым, эвакуация войск, Константинополь...»

М.А. Дандамаев верил в то, что Бикерман воевал против большевиков. Как он написал в предисловии к главе «М.И. Ростовцев и И.И. Бикерман: учитель и ученик. Новые архивные материалы»: «Октябрь 1917 г. Бикерман встретил враждебно и с оружием в руках боролся против нового режима, будучи убежденным, что защищает великую культуру Пушкина против варварства»[20].

О своем белогвардейском прошлом Бикерман рассказывал друзьям, ученикам и коллегам в СССР, которые, естественно, ему верили. В Берлине, где в эмиграции жило множество участников Белого движения, это было немыслимо.

---

17 *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 738.

18 В отличие от сцены в Таврическом дворце (см. с. 9), И.М. Дьяконов не говорит о том, что он был свидетелем этого эпизода, но, как мне сообщил Н.Л. Елисеев, которому Дьяконов рассказывал о стычке в трамвае, у него создалось впечатление, что она произошла на глазах у Дьяконова. Впрочем, Дьяконов тоже был хорошим рассказчиком и, следовательно, мог для большей эффектности истории превратить себя в свидетеля.

19 Записки журналиста. Т. 19. С. 120.

20 Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 329.

14 ноября 1925 на ежегодном торжественном собрании, проведенном Русским национальным студенческим союзом в Берлине в своем клубе, которое было посвящено 8-й годовщине со дня основания Добровольческой армии и на котором произносили речи генерал А.А. фон Лампе, генерал-майор Н.И. Глобычев и идеолог движения И.А. Ильин, Бикерман выступил не как ветеран Белого движения, а как представитель студенчества. Вот как описывает его выступление берлинская ежедневная эмигрантская газета «Руль»: «После ряда приветственных речей, произнесенных В.К. Тубенталем, А.А. ф. Лампе, Н.И. Глобычевым и чтения посвященных Белому движению стихов "старшим" ответил студент И.И. Бикерман, указавший, что для молодого поколения Белое движение не одно из его переживаний, а единственное все заполняющее, и призывал "оставить политиканство, блюсти ненависть к поработителями до победы над ними, с тем, чтобы стать незлопамятными после освобождения России"»[21].

Еще одной легендой, распространяемой Бикерманом, было то, что он воевал на фронтах Первой мировой. Он рассказывал об этом И.М. Дьяконову, который вспоминает об этом в своей автобиографической книге:

> Я еще принял участие в 1969 г. в конгрессе историков-экономистов[22], который происходил в Ленинграде в здании Таврического дворца, где когда-то собирались Дума и Учредительное собрание, а теперь была партшкола… Проходя как-то через вестибюль, я увидел Э.Бикермана, стоявшего напротив лестницы, ведущей в парадный зал, вперившись в нее, и подошел к нему. Он сказал мне:
>
> – На этом месте я, зауряд-прапорщик, прибывший с фронта, стоял в 1917 г., а по этой лестнице спускался Керенский, а за ним Милюков и Гучков. Увидя меня в солдатской форме, он подошел ко мне и спросил, каков дух солдат на фронте, и прибавил: «Мы сейчас полагаемся только на вас». Я подумал: «Ну, дела твои плохи»[23].

Сразу же в глаза бросается нестыковка: Бикерман называет себя зауряд-прапорщиком и при этом упоминает, что носил солдатскую форму. Между тем зауряд-прапорщики носили не солдатскую, а офицерскую форму.

---

[21] Руль. № 513. 1925. 22 ноября. С. 6. Баумгартен со ссылкой на «Хронику русской жизни в Германии в 1918–1941 гг.» (Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / *Schlögel K., Kucher K., Suchy B., Thum G.* (herausg.). № 4406. URL: http://russkij-berlin.org/Chronik-1925.html) пишет, что участниками собрания могли быть только ветераны Белой армии и те, кто получил специальные приглашения. Это утверждение основано на неверной интерпретации слова *Mitglieder*, которое означало не членов Белого движения, а членов Студенческого союза; см. объявление о предстоящем собрании в «Руле» (№ 1507. 1925. 14 ноября. С. 4), которое послужило источником для авторов «Хроники»: «В субботу 14 ноября в 8½ часов вечера в клубе Рус[ского] Нац[ионального] Студ[енческого] Союза в ознаменование 8-ой годовщины Добровольческой Армии устраивается "Чашка чая". Вход для не членов союза по особым приглашениям».

[22] И.М. Дьяконов ошибся в дате: конгресс был в 1970.

[23] *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 738.

В армейском послужном листе Бикермана в графе «Прохождение службы после призыва из запаса», которая «заполняется в части войск сведениями о времени зачисления в часть, о бытности в комиссии, о получении ран, увечий и контузий, а также медалей и знаков отличий и о производстве в высшее звание», имеются только две записи: о зачислении в 177-й пехотный запасной полк и об откомандировании в 3-ю Петергофскую школу прапорщиков 9 апреля 1917[24], т. е. Бикерман попал в школу прапорщиков непосредственно из запасного полка.

Таким образом, история о солдате, пришедшем из окопов и попавшемся на глаза Керенскому в Таврическом дворце (и, соответственно, о диалоге, который имел бы смысл только в том случае, если бы Бикерман прибыл с фронта), является очередным мифом.

Истории, сочиненные Бикерманом о себе, начали жить своей собственной жизнью: его друзья и ученики пересказывают их в своих статьях и книгах, и они постепенно обретают статус исторических фактов. На первый взгляд может показаться, что желание Бикермана сохраниться в человеческой памяти в героическом образе воина, защищавшего, по словам Дандамаева[25], «с оружием в руках <…> великую культуру Пушкина против варварства», как некогда воспетые им Маккавеи защищали и «спасли для евреев и, таким образом, для всего человечества принцип монотеизма»[26], вполне безобидно. Но это не так. Бикерман в России выдавал себя за офицера, бывшего в Белой армии до ее трагического конца, эвакуировавшегося с ней из Севастополя и оказавшегося вместе с ней в Константинополе. Между тем известно, что число офицеров-евреев в Белой армии было чрезвычайно мало и что даже те евреи, которые поначалу в ней служили, со временем были из нее изгнаны и отправлены в запас, как, например, участники Ледяного похода Добровольческой армии[27]. Один из таких офицеров прапорщик Абрам Хаим-Рувинович Шафир, так же как Бикерман, прошедший через школу прапорщиков и получивший офицерский чин после Февральской революции, с горечью писал в рапорте на имя А.И. Деникина: «Прослужив в русской армии 3 с половиной года, в Добровольческой Армии 8 месяцев по 22 августа 1919 г., когда был уволен в отставку только из-за того, что я еврей, я понял, что Россия для меня мачеха». Шафир решил эмигрировать в Палестину[28].

Рассказанное Бикерманом о белогвардейской судьбе, если бы было правдой, могло бы внести некоторые коррективы в наше представление о тех возможностях, которые были у офицеров-евреев в Белом движении. Именно

---

24 РГВИА. Ф.409. Послужные списки 347–621. Л. 3об.

25 См. прим. 21.

26 *Bickerman*. Studies in Jewish and Christian History. NE. P. 1034.

27 *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 191–192. К рапорту Шафир приложил Краткую записку о службе, подписанную командиром и адъютантом полка, в которой об увольнении сказано следующее: «Харьковским У[ездным] Воинским начальником уволен в отставку как Офицер-еврей».

28 *Будницкий.* Российские евреи. Указ. соч. С. 206–208.

поэтому важно, чтобы искажение было исправлено. Историческая наука, в отличие от науки белгородской, опирается на факты, а не на легенды и мифы.

Появление книги Баумгартена поэтому не вызывает у меня возражений морального плана. Однако автор биографии Бикермана пошел дальше. Зная, что Бикерман – наихудший авторитет, когда речь идет о деталях его жизни, он решил, что так же обстоит дело и с его научной деятельностью. Баумгартен счел «абсолютно необходимым» найти альтернативное объяснение «фокуса и целей его научных занятий, более правдоподобное, чем предложенное им самим»[29].

Анализ Баумгартена идет вразрез с тем, как Бикерман себя позиционировал и осознавал: Бикерман считал себя позитивистом и филологом-классиком, который ради развлечения и интеллектуального удовольствия вторгся в чужую для него область иудаики. «Хотя я являюсь специалистом в области классических древностей, – писал Бикерман, – я посвятил значительную часть своей жизни вопросам еврейской и христианской истории. Сделал я это, полагаю, по двум причинам. Во-первых, гораздо увлекательнее работать с проблемой в незнакомой области. Специалист, работающий в своей области, возможно, продвинет наше знание о его предмете. Работая в чужой, он учится. Во-вторых, мои занятия классикой снова и снова выводили меня в смежные области. Например, изучение селевкидских документов заставило меня заняться Маккавейскими книгами. Договор Ганнибала с Филиппом V Македонским, процитированный Полибием, непонятен без библейского *berit*[30]; мои статьи "Utilitas crucis" и о преследованиях христиан были плодом изучения провинциального законодательства в Римской империи»[31].

Однако с точки зрения Баумгартена, «целью его научной деятельности было... достичь результата, который Бикерман сам никогда не мог ни сформулировать, ни признать: создать пригодное к использованию еврейское прошлое»[32], сконструированное для того, чтобы служить утешением и путеводной нитью для евреев, живущих в современном мире.

Если историк позволяет идеологической конъюнктуре полностью определять ход его мысли и результат исследования, то на выходе мы получаем, по существу, исторический памфлет. Баумгартен в своей книге превращает Бикермана из великого историка в памфлетиста, использующего прошлое для решения задач настоящего, при этом или не отдающего себе в этом отчета, или осознанно обманывающего читателя утверждением, что в своей работе он ставит перед собой чисто исторические цели. Но это уже другая тема.

---

29 *Baumgarten*. Elias Bickerman. P. 49.

30 תערב – завет (berith).

31 *Bickerman*. Studies in Jewish and Christian History. NE. P. XI.

32 *Baumgarten*. Elias Bickerman. P. 293–294.

Никита Елисеев

Николай Баскаков (1896–1937)

Никита Львович ЕЛИСЕЕВ

библиограф,
литературный критик,
публицист,
Санкт-Петербург

Он вошел петитом в историю русского авангарда. С 1927 по 1928 он был директором Дома печати в Ленинграде. Он предоставил этот дом в художественное распоряжение последним русским авангардистам. Здесь режиссер Игорь Терентьев поставил гоголевского «Ревизора», и его спектакль вошел в историю мирового театрального искусства. Здесь была производственная база Филонова и его учеников – МАИ (Мастерской аналитического искусства). Здесь было создано ОБЕРИУ, «Объединение реального искусства». Манифест и программа последнего авангардистского литобъединения в России, написанные Николаем Заболоцким, были напечатаны в газете, издававшейся при Доме культуры профсоюза журналистов Ленинграда, в «Афишах Дома печати».

В Доме печати был проведен первый и последний афишный концерт обериутов: «Три левых часа». Здесь была впервые поставлена первая русская пьеса «театра абсурда» – «Елизавета Бам» Даниила Хармса. Был продемонстрирован первый русский сюрреалистический фильм, снятый обериутами: «Мясорубка № 2».

И все это не просто позволял Николай Баскаков. Он все это пробивал, что было непросто, учитывая эстетическую обстановку конца 20-х годов.

О Баскакове остались только отрывочные сведения: разорванный или сожженный портрет. Как и у всех крупных людей, эта метафора находит реальное соответствие в судьбе Николая Баскакова. Павел Филонов написал портрет Николая Баскакова. Когда в 1928 Баскакова арестовали, портрет был конфискован и уничтожен. Сожжен или разорван.

Вот что складывается из обрывков: Николай Павлович Баскаков 1896 года рождения. Участник Февральской и Октябрьской революций. Замглавного редактора газеты «Ленинградская правда» до 1927. Об этой его работе довольно много пишет в своих воспоминаниях известный советский историк Николай Полетика, с 1923 работавший в «Ленинградской правде» иностранным корреспондентом:

> Особой любовью и расположением сотрудников редакции пользовался заместитель главного редактора, Сафарова, Николай Павлович Баскаков. Он был редактор-организатор, почти совершенно не писавший статей, но зато державший всю редакционную кухню в своих руках. Его любили за отсутствие чванства в отношениях с рядовыми «винтиками» редакционной машины, за быстрые и смелые решения, за товарищеское и человеческое отношение к людям. Судьба его мне неизвестна[1].

Полетика приехал в Ленинград из Киева и по совету своего брата пошел устраиваться на работу в «Ленинградскую правду». Его сразу направили в кабинет к Николаю Баскакову.

> Баскаков, среднего роста, плотно сколоченный мужчина приблизительно моих лет, поднялся мне навстречу: «Что вам угодно?» – спросил он. Я объяснил, что приехал из Киева, где работал корректором в газетах «Коммунист» и «Киевский пролетарий» и был даже временно выпускающим, и хотел бы работать в «Ленинградской правде». Он расспросил, каково мое образование и благополучно ли у меня с политграмотой. Потом сказал: «Дело в том, что корректоры у нас есть. В выпускающем мы тоже не нуждаемся. Что вы еще можете делать?» Я ответил, что знаю иностранные языки. «Какие?» – «Английский, французский, немецкий, итальянский». – «В каком объеме?» Я ответил, что могу прочесть 100 страниц в день, прибегая к словарю лишь в случаях, требующих особой точности перевода, и свободно говорю на английском, французском и итальянском языках. По-немецки говорю гораздо хуже. «Ну, тогда пойдемте», – сказал Баскаков

[1] *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое: (Из воспоминаний). [Тель-Авив], 1982. С. 235.

и повел меня в иностранный отдел, находившийся в другом конце коридора. Толкнув дверь, он ввел меня в комнату, где сидели два молодых человека и женщина, и представил меня: «Вот, товарищ, приехавший из Киева. Он хочет у нас работать. Знает несколько иностранных языков. Скажите, забастовка докеров в Англии еще не закончилась? Нет? Тогда дайте товарищу Полетике последние английские газеты. Пусть он напишет нам корреспонденцию (не статью, а корреспонденцию) из Лондона об этой забастовке, – обернувшись ко мне, Баскаков сказал: – Даю вам два-три дня. Не задерживайте Вашу корреспонденцию, пока забастовка не прекратилась. Когда напишете, приходите ко мне». С этими словами он простился и вышел. Сотрудники иностранного отдела, с любопытством смотревшие на меня, подобрали пачку английских газет за последнюю неделю, в том числе: «Морнинг пост», «Таймс», «Дэйли Телеграф», «Дэйли Кроникл», «Манчестер Гардиан», «Дэйли Геральд», коммунистическую «Дэйли Уоркер» и пожелали мне успеха. <...> На третий день вечером явился со своим сочинением в редакцию к Баскакову. Он сделал на моей рукописи надпись «перепечатать», предложил мне пойти в машинописное отделение, продиктовать статью свободной машинистке и с перепечатанным материалом вернуться к нему. Я продиктовал статью и явился к Баскакову. Николай Павлович (мой тезка) прочитал ее, вычеркнул два слова, вставил под заголовком «от нашего лондонского корреспондента», затем предложил мне подписать мою статью какой-нибудь английской фамилией и, поставив в верхнем левом углу первой страницы сакраментальные слова «в набор», отправил статью с курьером в типографию. После этого он снова повел меня в иностранный отдел, где заявил сотрудникам: «Товарищ Полетика будет нашим собственным корреспондентом из столиц Европы и США. Он будет писать нам корреспонденции, сидя в этой комнате с вами. Давайте ему все газеты и все журналы всех партий и направлений. Давайте ему темы, а он сам будет выбирать, конечно, согласовывая их с вами или со мной, а когда товарищи П.А. Лисовский (заведующий иностранным отделом) и И.М. Майский (член редколлегии “Ленинградской правды”, в ведении которого находился иностранный отдел) вернутся из отпуска, он будет согласовывать темы своих корреспонденций с ними». Обратившись ко мне, Н.П. Баскаков добавил: «Кроме того редакция поручает вам все гостиницы Петрограда: где бы ни остановился “знатный иностранец” – посол, ученый, член парламента, секретарь ЦК какой-либо иностранной компартии, член Президиума Коминтерна, – немедленно берите у него интервью. Мы будем вам подсказывать, что вы должны спросить у них и о чем должны говорить с ними. В случае каких-либо затруднений обращайтесь прямо ко мне». С этими словами Баскаков простился со мной[2].

[2] Там же. С. 232.

Не могу не привести еще одну обширную цитату из воспоминаний Полетики, связанную с Баскаковым:

> В первую неделю «охоты за скальпами» [«знатными иностранцами». – ***Н. Е.***] я измучился и, главное, упустил двух иностранцев. Когда Н.П. Баскаков упрекнул меня за это, я ответил, что не могу разорваться: пока я обследую гостиницы у Московского вокзала, приезжий, остановившийся в «Англетере» или в «Европейской», уходит в город, а вечером может и уехать из Ленинграда. «Что же делать? – спросил Баскаков. – Чем мы можем помочь вам?» – «Прежде всего, надо поставить телефон в квартире, где я живу, – сказал я, – затем я принесу вам домашние адреса портье всех гостиниц, где останавливаются иностранцы, и пусть редакция бесплатно высылает газеты на адреса этих людей. Тогда зевков не будет». Через три дня я имел в своей комнате старенький деревянный телефон, а портье гостиниц имели газету. Теперь по утрам я садился у телефона и ждал звонков. «Говорит “Октябрьская”, приехал датский посол Скау. Вечером уезжает в Москву». – «Говорит “Европейская”, приехал бывший рейхсканцлер, Вирт, завтра уезжает в Гамбург»[3].

Благодаря такой умело поставленной «охоте за скальпами» в «Ленинградской правде» были напечатаны интервью с датским послом Скау, с немецким послом графом Брокдорфом-Ранцау, с бывшим рейхсканцлером Германии Й. Виртом, с американским сенатором Робертом Лафолеттом и со знаменитым экономистом XX века Джоном Мэйнардом Кейнсом.

«Редакционная кухня» Баскакова была вообще неплохо организована. У «Ленинградской правды», помимо собкора Полетики, печатавшего свои корреспонденции из столиц Европы и США под разными иностранными фамилиями, было два настоящих собкора. Во-первых, это Георгий Димитров, благодаря которому Полетика получил материалы для своей самой знаменитой исторической книги «Сараевское убийство». Во-вторых, это Виктор Серж – Виктор Львович Кибальчич, племянник народовольца Кибальчича, будущий троцкист, в чьих воспоминаниях[4] тоже появляется Николай Баскаков.

Товарищеское и человеческое отношение к сотрудникам Баскакова явлено в доверительной беседе замглавредактора с Полетикой:

> К тридцати годам я все еще был упорно беспартийным: в редакции понимали, что я не карьерист, не лезу в партию, чтобы сделать карьеру. Баскаков говорил мне: «Мы даем Вам читать все, так как Вы для нас, для партии, пропащий, идейно развратившийся человек. Если мы посадим на Ваше

---

[3] Там же. С. 245.

[4] *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001.

место какого-нибудь члена партии, так ведь он тоже… идейно развратится, но Вас он не заменит. У Вас знания, два факультета, дополнительная подготовка к профессуре, четыре языка, легкое перо газетчика. Вы думаете, легко достать Вам замену? Все хотят сделать карьеру, все хотят "руководить", "управлять" и для этого лезут в члены партии. А Вы не хотите. Ну, тем хуже… для нас: мы же видим, что имеем дело с честным человеком»[5].

Это рассуждение Николая Баскакова – мостик к следующему сохранившемуся фрагменту его биографии, к его активному участию сначала в каменевско-зиновьевской, «ленинградской», потом в троцкистско-зиновьевской, так называемой «новой», оппозиции. Принято считать, что это была оппозиция леваков-экстремистов, врагов нэпа, сторонников форсированной индустриализации, наступления на кулаков в деревне, активной внешней политики, экспорта революции. Все так и не так. Если бы это было так и только так, то к левой оппозиции никогда бы не примкнул Григорий Сокольников, наркомфин, отец одной из самых удачных денежных реформ за всю историю России, последовательный сторонник новой экономической политики вплоть до того, что он добивался отмены монополии на внешнюю торговлю. И – не добился.

Все дело в том, что главным пунктом разногласий левых оппозиционеров с их противниками, группировавшимися тогда вокруг Сталина и Бухарина, были не экономические вопросы (это был главный пункт разногласия между Сталиным и Бухариным) и даже не внешняя политика; главным пунктом разногласий был вопрос о партийной демократии, о свободе дискуссий в партии, об отмене «назначенчества» и об исполнении так называемого «завещания Ленина», его «Письма к съезду», то есть снятия Сталина с поста генсека.

Это последнее давало возможность Сталину упрекать оппозиционеров в немарксистском подходе к политике. Тем не менее за распространение ленинского «Письма к съезду» давали сроки. Первый свой срок Варлам Шаламов получил как раз за «завещание Ленина». Нам, глядя из настоящего, то есть будущего для людей второй половины 20-х годов, может показаться, что подлинной, серьезной угрозой для сталинской диктатуры были «правые уклонисты» во главе с Николаем Бухариным, а не левые оппозиционеры во главе с Троцким. Во-первых, нам не может не казаться, что серьезные, принципиальные разногласия были у Бухарина («третьей революции не будет», «кулак – не Колчак») со Сталиным, а не у Сталина с Троцким. Во-вторых, нам не может не казаться, что массовая поддержка должна была быть у «правого уклона», сторонников нэпа, во время которого страна хоть как-то, но вздохнула после гражданской войны и «военного коммунизма», а не у левых оппозиционеров, настаивавших на углублении революционных перемен в обществе.

---

5 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 252.

Помогает такой рецепции то обстоятельство, что тема левой оппозиции была наглухо закрыта в советском обществе. Ее просто не было. Шпионы и диверсанты, белогвардейцы, попы, вредители были, а левых оппозиционеров просто не было. В ментальном советском пространстве их не было. В реальности КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность) была страшнее, чем КРД (контрреволюционная деятельность) по очень простой причине: в 1925–1927 годах Сталин испугался по-настоящему.

Когда целая комсомольская организация на своей конференции принимает резолюцию, отвергающую решения XIV партсъезда, когда на заводах распространяют листовки, а в подпольных типографиях печатают запрещенное до 1956 в СССР «Письмо к съезду» Ленина, когда собираются митинги и демонстрации, которые приходится разгонять, – такое диктатор не забудет. Он и не забыл. Повторюсь, не было страшнее аббревиатуры, чем КРТД, но это было потом, после того, как бухаринский «правый уклон» не смог организовать ничего хотя бы отдаленно напоминавшего пусть и мирные, но бои троцкистов со сталинской партократией. Накал этих боев и не позволил Сталину тогда, в 1927, расправиться со своими противниками так, как он стал расправляться с ними потом.

Репрессии против левой оппозиции были по сравнению с будущими репрессиями вегетарианскими. Баскаков был просто уволен с поста замглавредактора «Ленинградской правды» и отправлен на должность директора Дома печати. Интересна принципиальность расхождений думающих оппозиционеров с их победителями. То, что это были принципиальные расхождения, некая проблема, над которой они думали, доказывает беседа Полетики с Баскаковым. Рискну предположить, что Николай Полетика, убедившийся в человеческой доброкачественности коммуниста Баскакова, мог задать ему действительно очень интересующий его вопрос: а почему коммунист Баскаков доверяет ему, беспартийному, работать с иностранной и эмигрантской прессой?

То, что говорит в ответ Баскаков, – вершина айсберга. Реконструируем его подводную часть. «*Передо мной умный, порядочный, профессиональный, образованный, добросовестный работник. Мы доверяем друг другу настолько, что он задает мне очень опасный вопрос. Этот вопрос обычно задают в других кабинетах и с другой интонацией: "Николай Павлович, а почему у тебя в партийной газете, на таком ответственном участке, как иностранные дела, работает беспартийный?"*

Партийность – мощный приводной ремень. Тут тебе и выговор, и партсобрание, ну и "а вот за это и партбилет можно положить на стол". Оно мне надо? Мне надо, чтобы он языки знал, разбирался в вопросах экономики и культуры, а чтобы он точно и верно выполнял директивы начальства – мне это не надо.

А если бы он взял бы и вступил бы в партию? Для чего бы он вступил в ВКП(б)? Не для того, чтобы бороться за победу мировой революции, а для того, чтобы прикрыть свой ненадежный дворянский тыл надежным партбилетом.

А что это означает? Это означает, что он во время интервью с Кейнсом будет думать не о том, что думает Кейнс, а что думает начальник, я, или кто-то поначальственнее меня. И какую мы партию создали? В худшем случае – партию карьеристов, в лучшем – партию нерассуждающих солдат, берущих под козырек: "Так точно!" Даже во время подполья, когда (по словам Ленина) нам "нужна была война и военная организация", такого не было». Видимо, так думал над вставшей перед ним проблемой Николай Павлович Баскаков.

Интересен вопрос: почему левая оппозиция потерпела поражение? В 1926 в течение двух недель оппозиционеров вычистили из всех руководящих органов парторганизаций Ленинграда. Антисталинскую демонстрацию 7 ноября 1927 разогнали милиционеры и присоединившиеся к ним добровольцы. Это сейчас, после опыта всех разгромов, хочется сказать: целых две недели! И целая демонстрация, манифестация в центре города, причем с демонстрантами приходится драться! Тогда это было поражением.

Таковым оно оппозиционерами не воспринималось. Они были марксистами, то есть верили в непреложные законы истории. Не мытьем, так катаньем Сталин просто вынужден будет выполнять истинно коммунистическую программу. Нам, живущим ныне и сильно усомнившимся в непреложности законов истории, должен казаться удивительным тот факт, что в этом-то пункте догматики-троцкисты оказались правы. В гротесковом жестоком варианте Сталин воплотил в жизнь именно троцкистскую программу.

Как ни странно, поражение левых оппозиционеров было связано с их успехами. В актуальной исторической памяти социально активных людей, каковые и составили костяк левой оппозиции, осталось – с какой легкостью завалилась царская империя. Значит, и сталинский режим, которому без году неделя, может завалиться с той же легкостью. Но эта же актуальная историческая память социально активных людей работала против них в масштабе всей страны.

Революции происходят тогда, когда общим настроением делается: «Хуже уже быть не может...» Лишь обычный человек, отнюдь не социально активный (а таких большинство), на собственном опыте узнает, что может быть хуже, он стопорит на другой максиме: «Лишь бы не было хуже...» Люди, стоявшие в очередях зимы и ранней весны 1917, полагали: «Хуже быть не может...» Очень скоро они столкнулись не с нехваткой продуктов, а с настоящим смертным голодом. Такой опыт даром не проходит.

Поэтому, сколь бы ни были многочисленны манифестации оппозиции, сколько бы молодежи они не вербовали в свои ряды, они были обречены. Они могли бы рассчитывать на некоторый внушительный успех в партии, если бы не великолепный демагогический трюк, проделанный Сталиным в 1924. А именно «ленинский призыв». Массовый прием в партию новых членов, заинтересованных главным образом в своем карьерном росте. Не революционеров, но солдат партии, готовых выполнить любой приказ.

Единственное, что удалось оппозиции, – это напугать диктатора. Тем паче, что после партийного разгрома троцкисты стали уходить в подполье. Таким подпольщиком был и директор Дома печати Николай Баскаков. Вот как об этом пишет Виктор Серж:

> <…> в ленинградском Доме печати <...> на набережной Фонтанки ко мне подошел Василий Никифорович Чадаев [бывший главный редактор «Вечерней Красной газеты»***. – Н. Е.***]. «Мне о Вас говорил Тарас»… «Тарас» было условным именем, которое мне назвали в окружении Пятакова в Москве для вступления в контакт с ленинградской подпольной оппозицией. С 1923 года «троцкисты» в расчете на будущее создавали группу, не участвовавшую в текущей политической деятельности. Это был Центр Левой оппозиции региона, и меня пригласили войти в него. Мы собирались в номере «Астории», обычно у Николая Игнатьевича Карпова, профессора агрономии, бывшего армейского комиссара. <...> У нас было два по-настоящему крупных марксистских теоретика, Яковин и Дингельштедт. Тридцатилетний Григорий Яковлевич Яковин, вернувшийся из Германии, написал превосходную работу об этой стране. Спортивный, с беспокойным умом, красивый парень, записной сердцеед, после нескольких лет изобретательной, дерзкой и рискованной нелегальной деятельности он отправится в тюрьму и исчезнет там в 1937-м. Федор Дингельштедт в свои 20 лет вместе с мичманом Рошалем, Ильиным-Женевским и Раскольниковым был большевистским агитатором, в 1917-м они подняли Балтийский флот. Он руководил Лесным институтом и опубликовал книгу «Аграрный вопрос в Вест-Индии». У нас он представлял крайне левое крыло, близкое к группе Сапронова, которая считала перерождение режима совершившимся. Лицо Дингельштедта, поразительно и вдохновенно некрасивое, выражало неколебимое упорство. «Этого, – думал я, – никогда не сломать». Я не ошибся – он, не выказав слабости, прошел тем же путем, что и Яковин. На наших собраниях обычно председательствовала «Бабушка». Отяжелевшая, седовласая с добрым лицом, Александра Львовна Бронштейн была сама верность принципам и здравый смысл. За плечами у нее было около 35 лет революционной деятельности, ссылка в Сибирь; она была подругой первых лет борьбы Троцкого, матерью его дочерей Нины и Зины (обе погибли…). Теперь ей разрешали лишь преподавать начала социологии подросткам, не достигшим 15 лет [Александра Бронштейн была преподавателем обществоведения и завучем в бывшей Петришуле***. – Н. Е.***], но и это продолжалось недолго. <...> Николай Павлович Баскаков, невысокий энергичный человек с большим шишковатым лбом и голубыми глазами, считал оздоровление режима проблематичным. Не знаю, что сталось с ним в тюрьмах. <...>

> Баскаков руководил Домом печати и прекрасно чувствовал себя там, среди призраков, вышедших из мастерской великого художника Филонова. Где эти произведения, где эти люди? В своей манере Филонов двигался параллельно Пикассо и западным сюрреалистам, с которыми совершенно не был знаком. Окруженный двумя десятками голодных и полных энтузиазма учеников, он, невзирая на отсутствие официального признания, творил свое обновление искусства – разумеется, полное. Баскаков поручил ему оформление Дома печати, и там между колоннами в стиле ампир можно было видеть большие безумные панно, где одни фигуры вписывались в другие, так, что глазу было дано как бы аналитическое видение, и при близком рассмотрении открывался мозг, полный образов. К тому же Филонов работал в разных перспективах, чтобы показать, что видит вымышленный глаз, находящийся где-то посредине полотна… Баскаков прогуливался среди этих персонажей иной реальности и считал, что оппозиция не поспевает за событиями[6].

Судя по воспоминаниям Сержа, самым пессимистически настроенным человеком из этого подполья был Баскаков. Но кроме этого, очевидно какое-то странное неунывание директора Дома печати: «прекрасно себя чувствовал там, среди призраков, вышедших из мастерской Филонова», «прогуливался среди персонажей иной реальности». Эта безмятежная, счастливая прогулка Баскакова вдоль полотен Филонова и филоновцев выглядит тем паче оксюморонно, что над ним нависала угроза ареста. Не более года Баскаков занимался подпольной деятельностью и покровительствовал левому искусству:

> 15 февраля 1928 года был арестован Николай Баскаков. Ему было предъявлено обвинение в подпольной троцкистской деятельности. Подобные обвинения в течение последующих десяти лет предъявлялись такому количеству вполне лояльных к режиму граждан, что невольно возникает соблазн счесть их и на этот раз облыжными. Но это не так. Баскаков действительно был одним из руководителей подпольной троцкистской организации, действовавшей в Ленинграде. Другим ее руководителем был Виктор Серж (Кибальчич). Повод к аресту был следующий. В январе 1926 года на ленинградских заводах появились листовки, «требующие освобождения арестованных и прекращения высылок лидеров оппозиции» (Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, дело Н.П. Баскакова). Якобы в феврале 1928 года появились новые листовки на ту же тему, «в заметно большем количестве». Возможно, повторное появление было провокацией. [Возможно, а возможно и то, что чекистам просто не удалось ничего узнать

---

6 *Серж В.* Указ. соч. С. 251–253.

от арестованных о том, где печатались листовки и кто их распространял. – ***Н. Е.***] <...> Никто из группы Виктора Сержа не проходил по делу Баскакова (позднее все они, кроме Виктора Сержа, погибли насильственной смертью – в основном во время Большого террора). В деле явно идет речь о другой группе, собиравшейся в квартире у Баскакова в I Доме Советов. Арестовано было 38 человек, осуждено 15. Большинство признало свою вину. Баскаков «после неоднократных допросов… признал свое участие в подпольной антисоветской работе и принадлежности к руководящему центру… В то же время он заявил, что давать какие-либо показания по сути дела не намерен, так как это дело не ГПУ, а партийной организации» (Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, дело Н.П. Баскакова). Подобное поведение в 1928 году было своего рода донкихотством, героическим анахронизмом[7].

Если называть «донкихотством» верность своей картине мира, то да... донкихотство. Для Баскакова важнейшей проблемой была проблема партийной демократии, то есть пусть и своеобразной, но законности, пусть и необычного, но правопорядка. В полном соответствии со своими представлениями о законности и правопорядке он и поступил. Разделение властей: партия – это партия, ГПУ – орган государства. ГПУ нечего делать в нашем споре с товарищем Сталиным.

Если же понимать «донкихотство» как следование абсолютно искаженной, не имеющей ничего общего с действительностью стратегии, то эта метафора будет неправильна. Баскаков так вел себя на допросах, что вывел весь состав Дома печати из-под удара. Никто из авангардистов, которых Баскаков приветил в подведомственном ему учреждении, не был привлечен к этому делу. Более того, поэты, художники, режиссеры были так выведены из-под удара Баскаковым, что смогли переписываться с ним, сосланным в алтайский город Камень-на-Оби. С Баскаковым переписывались и Хармс, и Филонов. В условиях полицейского сыска и террора ни дружба с Баскаковым, ни переписка с ним никогда не ставились в вину ни Филонову, ни Хармсу, ни Введенскому. Когда в декабре 1931 были арестованы обериуты Хармс и Введенский, в вину им ставился... монархизм, а отнюдь не троцкизм.

С самого начала своего сотрудничества с «левыми» деятелями искусства Баскаков «выводил их из-под возможного удара». Цитирую:

В октябре 1927 года Хармсу позвонил Николай Павлович Баскаков, директор Дома печати. <...> Несколько дней спустя состоялся уже формальный, деловой разговор директора Дома печати с тремя «левыми

[7] *Шубинский В.И.* Даниил Хармс: Жизнь человека на ветру. СПб., 2008. С. 211–212.

классиками» [так именовали себя тогда будущие обериуты. ***– Н. Е.***] – Хармсом, Введенским и Бахтеревым. <...> Баскаков щедро предложил молодым авангардистам статус «гостей Дома печати», наравне с Мастерской аналитического искусства Филонова. Для начала решено было провести большой литературно-театральный вечер и написать несколько установочных статей для журнала «Афиши Дома печати». <...> Директор Дома печати выдвинул только одно условие: сменить название группы «Левый фланг искусства». Слово «левый», еще недавно священное, вызывало нежелательные ассоциации. Едва ли не сложивший оружие сторонник левой оппозиции хотел, чтобы название литературной группы привлекло внимание к его продолжающейся борьбе[8].

Любопытно, как Баскаков отговорил молодых поэтов от опасного слова «левый». У него было два пути. Первый: не стоит дразнить гусей. Тогда Баскаков оказывается перестраховщиком, ограничивающим свободу самовыражения тех, кому он собрался предоставить полную свободу. Второй вариант лучше: в Москве уже есть «Левый фронт» («ЛЕФ») – зачем вам повторяться? Придумайте что-то свое. Это хороший вариант, но Баскаков выбрал наилучший. Цитирую:

Направленность в искусстве, – дипломатично заметил Баскаков, – следует определять словами собственного лексикона[9].

Не начальник, как черт от ладана шарахающийся от ставшего опасным слова, а свой брат, теоретик искусства. Что Баскаков был свой брат для художников и поэтов – доказывает то обстоятельство, что и Филонов, и Хармс переписывались с сосланным Баскаковым. Причем, судя по отрывку из письма Баскакова, который цитирует в своем дневнике жена Филонова, Елена Серебрякова, переписка была откровенная и доверительная:

Не думайте, чтобы я перестал думать о вопросах, поднятых Вашим искусством. <...> Наоборот, в работах над общими вопросами случается приходить к темам о развитии, о методе, как о причине этаких «гражданских войн» <...> в «надстроечных областях», глядя на Вашу изумительную борьбу с Эссеном, Рафаилом и Исаковым [авторами разгромных статей о живописи Филонова и филоновцев: некоторая пикантность этого перечисления состоит в том, что Рафаил стал в 1927 году главным редактором «Ленинградской правды» после увольнения со своих должностей троцкистов Сафарова и Баскакова. ***– Н. Е.***] Я и сейчас уверен, что тогдашнее дело шло

---

8 *Шубинский В. И.* Указ. соч. С. 182–186.

9 *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми: Воспоминания о Заболоцком. М., 1984. С. 87.

> о важнейшем новом этапе и о коренном в искусстве. Отбрасывая даже свою уверенность, что тогда в маленьком Доме печати была не иначе как передовая точка, – все же имею чрезвычайно много, этакий узел развития…[10]

Это письмо скороговорочно, коряво. Но в этой корявой скороговорке Баскаков своим марксистским вокабуляром пытается изложить очень нетривиальные мысли. Например, об активной роли «надстройки». В этой корявой скороговорке есть некая гордость, что ли: все-таки я что-то сделал – подарил год свободной работы талантливым людям.

А вот почему Николай Баскаков, занимавшийся подпольной троцкистской деятельностью, одновременно с этим устроил в подведомственном ему учреждении гнездо авангардистов? Николай Баскаков принадлежал к тому типу людей, которых можно назвать тотальной личностью. Не узким специалистом, у которого в одном отсеке души выполнение следственных задач по уловлению диссидентов, а в другом отсеке – интерес к мемуарам Деникина, но человеком, который все свои интересы и устремления связывает с общей стратегией своей жизни.

Баскакову хотелось хорошо работать на новом месте. А что такое «хорошо работать» для руководителя культурного учреждения? Работать так, чтобы в его учреждение ходили. В качестве директора дома культуры работников печати Баскаков должен был приглашать (и приглашал) участников ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей), официальных философов. Лапповцы читали свои рассказы, философ Презент (будущий соратник Лысенко в его титанической борьбе с вейсманизмом/морганизмом, лет эдак на 50 отбросившей назад развитие советской биологической науки) рассказывал про психологию творчества – и мухи дохли с тоски в зале.

А Баскакову хотелось, чтобы было интересно. Вот он и приглашал из Москвы конструктивистов, Веру Инбер и Илью Сельвинского, а в Ленинграде нашел обериутов и Филонова с филоновцами. Этот идейный враг нэпа действовал… по-нэповски, по-рыночному. Это ведь настоящему советскому руководителю плевать, сколько на его мероприятие придет человек. На идеологии не экономим. Мероприятие проведено. А то, что в зале сидит десять человек, из них – пять знакомых писателя или поэта, а другие пять присланы по разнарядке и двери в зал заперты, чтобы не расползлись, – мало кого волнует.

Баскакова волновало. Он выполнял долг не перед начальством, против которого конспирировал, а перед… интеллигентными жителями Ленинграда. И этот свой долг он выполнил: и на выставках филоновцев, и на «Ревизоре» Терентьева, и на «Трех левых часах» обериутов были аншлаги. Разумеется, был здесь и элемент умной конспирации. «Где умный человек прячет лист?» –

---

[10] *Серебрякова Е.А.* Дневники. ОР ГРМ. Ф. 156. Ед. хр. 43. Л. 18об.

спрашивает честертоновский сыщик-священник отец Браун и сам же отвечает: «В лесу». Где угодно будут искать следы подполья, в том числе и типографию, где печатают листовки, только не в том учреждении, которое на виду и на слуху благодаря слишком ярким и уже не вписывающимся в неотвратимо сереющий фон советской культуры представлениям, выставкам и концертам. Там и не искали.

Помимо этих трех объяснений, есть и еще одно, но оно очень уж трудно формулируется. Я его сформулировать, во всяком случае, не смогу. Попытаюсь дать его примерный очерк. В середине и конце 20-х годов честные, думающие, порядочные революционеры даже не поняли, а скорее почувствовали: что-то пошло не так. Победа оборачивается какой-то запредельной бедой. Отсюда искренний интерес Баскакова к изломанному, взорванному миру поздних русских авангардистов. Какие выводы он бы сделал, останься жив, мы не знаем. Ему не дали выжить. Сначала он был сослан в Камень-на-Оби. После ссылки в 1932 он перебрался в Саратов, где год работал фотографом. В 1933 снова был арестован. Отправлен в Севвостлаг, где был расстрелян в 1938. По справке «Мемориала» – «за участие в лагерном сопротивлении». Над его жизнью мне видится мотто из «Четырех жизней» Варлама Шаламова: «Я был участником великой проигранной битвы за действительное обновление человечества».

Сергей Прудовский

Архивное уголовное дело «японского шпиона»

Сергей Борисович ПРУДОВСКИЙ

независимый исследователь, Москва

Благодарю организаторов за предоставленную возможность сделать это сообщение, основанное на воспоминаниях и документах архивного уголовного дела моего дедушки Степана Ивановича Кузнецова.

Дедушка родился 11 (24) июля 1889 в деревне Шумилово Богородской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Отец, Иван Николаевич, трудился наемным землекопом; мать, Евдокия Кузьминична, занималась сельским и домашним хозяйством.

В автобиографии дедушка пишет:

> <…> семья состояла из 8 человек, земельный надел – 3 десятины, жили очень бедно, своего хлеба хватало лишь до декабря месяца, заработки отца как землекопа были ничтожны, живности никакой не имели, за исключением 6–8 кур…[1]

[1] *Кузнецов С.И.* Воспоминания. (Машинопись.) Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 1. Оп. 5. Д. 1348. Л. 1.

В 1901, по окончании трехклассной приходской сельской школы, был отдан родителями в трактир мыть посуду. В 1902–1911 работал сначала учеником, а затем маляром по найму и на Сормовском судостроительном заводе. Там его застали революционные события 1905 года. Принимал участие в забастовках, за что его неоднократно увольняли с работы.

В ноябре 1911 Степана призвали в армию.

Местом его службы были определены артиллерийские мастерские Московского Кремля, где он служил солдатом до февраля 1918, а затем, до 1920, – красноармейцем.

Февральский и Октябрьский перевороты Степан Иванович всячески приветствовал и принимал в них посильное участие (проводил агитацию, организовывал сбор средств).

В октябре 1918 Замоскворецкий райком принял его в партию большевиков. Красноармейцы арсенала дважды выбирали его в Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В декабре 1920 Степан поступил, а в августе 1922 завершил обучение на рабфаке им. Покровского при Московском университете. Затем учился в сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, которую окончил в 1927.

С 1928 дедушка трудился агрономом в отделе семеноводства Наркомата земледелия РСФСР.

Через год его командировали в Харбин для закупки соевых бобов как посевного материала, но из-за военного конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) ему пришлось вернуться в Москву.

Командировка возобновилась в январе 1930. Вскоре 300 тыс. пудов семенного материала было закуплено и отправлено в СССР. По ходатайству управления КВЖД дедушку оставили работать в должности агронома Земельного отдела КВЖД.

Карьера у дедушки продвигалась успешно – его назначили сначала заведующим опытным полем, а потом временно исполняющим должность начальника Земельного отдела.

Весной 1935 Советский Союз продал КВЖД, и все советские служащие вынуждены были возвратиться в СССР, где их ждал теплый прием.

Газета «Правда» 16 апреля 1935 писала:

> <…> у перрона Казанского вокзала остановился второй поезд специального назначения. С ним приехали бывшие руководящие советские работники Китайско-Восточной железной дороги <…>
>
> На перроне вокзала собрались друзья, родные, делегации рабочих Казанской дороги. Поздравить работников КВЖД с приездом в столицу прибыли <…> [перечисляются руководящие работники Наркоматов путей сообщения и иностранных дел. ***– С. П.***].

Благополучие длилось не долго. Издававшаяся в Париже газета «Возрождение» в сентябре того же года, писала:

> Вначале возвращающихся в СССР харбинцев встречали чрезвычайно радушно: в Чите, Иркутске и Новосибирске – даже с музыкой, нарядами от профсоюзов. Достаточно «ласково» были приняты сначала все харбинцы и в Москве, где они представлялись Молотову и Кагановичу. Однако как только эвакуация из Харбина закончилась, отношение сильно изменилось. Никто из харбинцев не получил мало-мальски приличного поста, и теперь их постепенно выпроваживают из Москвы, назначая на второстепенные должности в провинцию[2].

По возвращении в Москву дедушка работал сначала в Наркомате путей сообщения, в Наркомате земледелия, а в 1939 был переведен в Наркомат заготовок на должность инспектора-агронома.

Жизнь складывалась удачно: мальчик из крестьянской семьи получил высшее образование, обзавелся семьей, имеет хорошую работу…

Массовые репрессии в отношении «бывших харбинцев», проводившиеся в 1937–1938 в соответствии с Приказом НКВД № 00593, обошли Степана Ивановича стороной, несмотря на то что они коснулись подавляющего большинства бывших работников КВЖД. В ходе «харбинской операции» было репрессировано, по данным из разных источников, от 34 тыс. до 46 тыс. человек, притом что в 1935 в СССР вернулось около 24 тыс. бывших сотрудников КВЖД и членов их семей.

В феврале 1941 без объяснения причин дедушку уволили из Наркомата заготовок, и он устроился на работу старшим агрономом в Загорский совхоз…

Настала его очередь…

В постановлении на арест, датированном 21 апреля 1941, говорилось:

> Имеющимися материалами Кузнецов С.И. изобличается как агент японской разведки, по заданиям которой долгие годы проводил разведывательную работу против СССР. Кроме того, будучи враждебно настроенным против ВКП(б) и советской власти, в кругу своих единомышленников высказывает антисоветские взгляды и подвергает критике с контрреволюционных позиций мероприятия партии и советского правительства <…>
>
> <…> КУЗНЕЦОВА Степана Ивановича, 1889 года рождения, – арестовать, произведя в его квартире тщательный обыск[3].

---

[2] Судьба советских руководителей КВЖД // Возрождение. 1935. 19 октября. URL: http://qps.ru/liBnJ.

[3] ЦА ФСБ. АУД № Р-2178. Л. 1–6.

Из воспоминаний:

> 25 апреля 1941 года, утро [8:30], только что кончилась разнарядка, я вошел в контору, сел за стол, приготовился позавтракать, но не успел выпить кружку молока, как ко мне в комнату без стука влетели три «молодчика», довольно солидных по комплекции, в штатской одежде[4].

В конторе произвели обыск и увезли в Москву, на Лубянку, где поместили во внутреннюю тюрьму.

В московской квартире (пер. Садовских, 5), обыск начался немногим позднее, в 11 часов дня. Во время обыска соседка по квартире пишет (точнее, диктует) четырехстраничное заявление уполномоченному НКВД. Чего в нем только нет: и мешки с пшеницей, и грабеж с убийством, и прием у японского императора, и пишущая машинка с пятью портфелями и пятью фотоаппаратами, и контакты с бывшими харбинцами, и посещение квартиры детьми врагов народа, а в заключение: «...хорошо жил, позволял себе покупать яблоки, арбузы, помидоры, мороженое...»[5]

И другая соседка не могла остаться в стороне. Из воспоминаний:

> Обыск производился не только в моей комнате, но его производили на чердаке, в сарае, там копали и рыли землю, ища чего-то. Впоследствии я узнал, что они искали где-то якобы зарытые в землю деньги.
>
> Оказывается, Полонская Е.Н., живущая с нами в одной квартире, рассказала работникам НКВД, что я из Маньчжурии привез 25–30 тысяч руб. Нигде ничего инкриминирующего меня найдено не было, так как у меня такого материала не было, да и быть не могло[6].

Но вернемся на Лубянку. Из воспоминаний:

> Я сам себе не верил, что нахожусь в тюрьме. Откровенно говоря, я считал, что это есть какое-то недоразумение…
>
> Мысленно просматривая свою прожитую пятидесятидвухлетнюю жизнь и двадцатитрехлетнее мое пребывание в рядах Великой Коммунистической партии, я не мог себе представить, чтобы где-нибудь, когда-нибудь я согрешил против своей родной партии и своего советского народа, и пришел к выводу, что это есть просто какое-то недоразумение… И, вот мол, недельки две подержат, все выяснят, разберутся и отпустят. Я еще не терял надежды успеть хотя бы к концу весенней посевной[7].

---

4 *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 3об.

5 ЦА ФСБ. АУД № Р-2178. Л. 33–34.

6 *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 11, 12об.

7 Там же. Л. 15–16.

Так или примерно так думали большинство людей, попавших в жернова репрессий.

Дедушку тщательно обыскали, сняли отпечатки пальцев, сфотографировали и заполнили анкету арестованного.

В семь вечера начался первый допрос. После фиксации установочных данных следователь сообщил, что дедушка привлекается по статье 58 п. 1а и п. 11. На вопрос, что это за статья и пункты, последовал ответ:

> Ст. 58 это политическая, пункт 1а гласит «измена родине», пункт 11 групповой, что, мол, «в этом гнусном деле вы не один участвовали, а участвовало вас несколько человек»[8].

Дедушка виновным себя не признал, подписал постановление об избрании меры пресечения и ответил на пару вопросов – как он оказался в Харбине. Допрос окончен...

Ранним утром 26 апреля его перевезли в Лефортовскую тюрьму. Здесь допросы проводились ежедневно/еженощно. Следователя интересовало все, что связано с периодом работы на КВЖД: когда, как и кем был направлен в Харбин, с кем там имел контакты, чем занимался и с кем имел встречи, когда и кем был завербован для работы на разведку Японии... На все вопросы дедушка давал подробные ответы. Говоря о сослуживцах, а таковых в протоколах допросов упомянуто около сотни, никому из них не дал никаких отрицательных характеристик... Вербовку и шпионаж категорически отрицал.

Эти допросы продолжались практически месяц. Из воспоминаний:

> И вот суббота 24 мая на очередном ночном допросе следователь мне говорит, что у нас следствие идет плоховато, – может быть, нам надо сменить обстановку? «Не лучше ли нам выехать на «дачу»... Это было сказано с большой иронией и издевкой[9].

В ночь на воскресенье дедушку в «воронке» перевезли, как впоследствии выяснилось, в Сухановскую тюрьму[10].

Солженицын так вспоминал «Сухановку»:

> Сухановка – это та самая страшная тюрьма, которая только есть у МГБ. Ею пугают нашего брата, ее имя выговаривают следователи со зловещим шипением. <...>

---

[8] Там же. Л. 19.

[9] Там же. Л. 47об, 49.

[10] Официально она называлась «Спецобъект 110», чекисты же именовали ее «Дача Берии» (или просто «дача»).

Сухановка — это бывшая Екатерининская пустынь, два корпуса – срочный и следственный из 68 келий[11].

Сейчас там располагается Свято-Екатерининский мужской монастырь. О тех мрачных временах напоминает только поклонный крест и небольшой музей...

Из воспоминаний:

И вот с этого дня опять пошли одни и те же вопросы и расспросы, а иногда целыми сутками сидел и следователь не задавал ни единого вопроса или же вели разговоры, совершенно не относящиеся к следствию.

Если было тяжело сидеть в Лефортовской тюрьме, то в Сухановской во много раз тяжелее: нормально давали спать одну ночь в неделю, с воскресенья на понедельник; в течение недели я не имел возможности ни на одну минуту сомкнуть глаз.

<…> В особенности оказывало сильное действие на нервную систему нижеследующее: ночь, сидишь у следователя, кругом тишина, и вот вдруг слышишь из соседних комнат раздается истерический крик, плач, стоны мужчин и женщин <…>

Первоначально я думал, что это инсценировка. Я не мог представить в мыслях, чтобы в советской тюрьме такими недозволенными методами велось следствие[12].

В Сухановке дедушка узнал о начале войны. Из воспоминаний:

Понедельник, 23 июня, я только что от следователя пришел в камеру. Мой сосед спрашивает меня:

– Ты в следовательском корпусе ничего не слышал?

– Нет, да что там услышишь? А что?

– Объявлена война, но с кем – пока неизвестно, не то с Германией, не то с Англией[13].

Допросы с этого дня прекратились, а 27 июня дедушку возвратили в Лефортово, где 29-го состоялся последний допрос. Если все предыдущие допросы проводились только одним следователем и без избиений, то на этом присутствовало шесть чекистов (следователя, ведшего дело, среди них не было) и состоялось избиение резиновой дубинкой. Требовали признаний, но дедушка выстоял...

---

[11] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Книга 1 // *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 132.

[12] *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 57об., 61.

[13] Там же. Л. 69.

В тот же день, его ознакомили с материалами следственного дела, и дедушка подписал протокол об окончании следствия.

6 июля ознакомили с обвинительным заключением, в котором Кузнецов Степан Иванович обвинялся в том, что:

> 1. Являлся участником антисоветской организации на КВЖД, по заданиям которой проводил подрывную работу против СССР.
>
> 2. Являлся агентом японской разведки и проводил шпионскую работу против СССР[14], –

и перевезли в Бутырскую тюрьму, куда свозили обвиняемых из различных тюрем.

На следующий день, 7 июля, состоялся суд – заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Из воспоминаний:

> За столом сидели три довольно солидных человека, среднего возраста, одетые в белые костюмы, как потом я уяснил, что это были – один из них председатель суда [Буканов] и два члена суда [Чепцов и Бояркин] <…>
>
> Суд был закрытый, защитника и прокурора не было, а также на суд не были вызваны лица, оговорившие меня.
>
> Председатель суда спросил:
>
> – Получили ли вы обвинительное заключение?
>
> – Да. Получил, сегодня в 4 часа утра, но я его не читал и читать не мог вследствие отказа мне в выдаче очков.
>
> Председатель суда:
>
> – Это не суть важно. Я сейчас его вам зачитаю.
>
> И зачитал…
>
> После зачтения обвинительного заключения председатель обратился ко мне с вопросом:
>
> – Почему на вас наговорил Рудый?
>
> Ответ:
>
> – Вызовите Рудого в суд и спросите у него.
>
> – Исключались ли вы из партии?
>
> Ответ:
>
> – Нет.
>
> И вот на этих двух вопросах судебная процедура Верховного суда Союза ССР была закончена.
>
> Соблюдая судебную формальность, председатель суда предоставил мне последнее слово.

---

[14] ЦА ФСБ. АУД № Р-2178. Л. 113.

Так как я считал себя абсолютно ни в чем не виновным, что суд не предъявил мне никакого обвинения, то я суду заявил:

– Прошу суд из-под стражи меня освободить и дать мне возможность идти работать так же честно, как я работал честно до ареста на благо своей Родине.

Председатель суда заявил:

– Суду все ясно![15]

Суд удалился на совещание и через пять минут вернулся и огласил приговор:

<…> подвергнуть лишению свободы на пятнадцать лет в ИТЛ с поражением в политических правах на пять лет, с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит[16].

Затем две недели в Бутырской тюрьме – подготовка к этапу.

22 июля эшелон сквозного конвоя отправился со станции Кусково, увозя 176 заключенных: 19 женщин и 157 мужчин… Остановка на станции Киров. Из воспоминаний:

На ст. Киров наш поезд пришел в середине дня; к нашим вагонам стал подходить народ и рассматривать, кого и куда везут.

И вот из толпы выделилась одна женщина, лет 40, и стала громко кричать в наш адрес: «Вот везут фашистов! Их надо уничтожать!»[17]

Этот эпизод имел неожиданное продолжение, описанное другим заключенным – бывшим дипломатом Евгением Гнединым (сыном Парвуса):

Перед нашим вагоном собралась толпа. Видимо, распространились слухи, будто в вагоне везут шпионов. Толпа бушевала под окнами нашего вагона, готова была ворваться в вагон и растерзать нас.

Года через два один из моих попутчиков по этапу из Москвы спросил меня в лагере, не запомнил ли я наружность той женщины, которая на станции, стоя у самого вагона, угрожала расправой нам, мнимым «пособникам фашизма». Я действительно помнил, что в первых рядах бушевавшей толпы стояла взволнованная, на вид интеллигентная женщина. «Так вот, – сказал мой собеседник, – вчера я встретил ее на соседнем лагпункте. Ее недавно загребли...»[18]

---

[15] *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 110–114.

[16] ЦА ФСБ. АУД № Р-2178. Л. 120.

[17] *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 125об.

[18] *Гнедин Е.* Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982. С. 105.

Конечным пунктом была станция Весляна Коми АССР, куда эшелон прибыл 29 июля. В 14 километрах от станции расположен поселок Вожаель, в котором находилось управление Устьвымлага.

Началась долгая лагерная жизнь. Менялись лагерные пункты, менялись виды работ, и постоянное недоедание, тяжелый физический труд на лесоповале, зимние холода не могли не сказаться на здоровье. Дедушка обессилел и попал в стационар. Выкарабкался.

По возможности писал жалобы на свое осуждение, то же делала на воле и его жена – моя бабушка, Елизавета Андреевна, но жалобы оставались или без ответа, или в ответах сообщали, что оснований для пересмотра приговора не имеется...

Из воспоминаний:

> В зимний период 1944/1945 гг. народ сильно отощал, так что страшно было смотреть на людей: на человеке остались кости да кожа, животы подтянуло к нижней части спины; смотришь, по зоне ходят одни дистрофики.
>
> <…> надо сказать, что со стороны заключенных не было слышно жалоб на плохое питание, все учитывали – война, мы, мол, здесь, как-нибудь перенесем это злосчастное время, мол, война кончится и нас отпустят по домам, и все будет хорошо...[19]

По окончании войны освобождения не последовало, но некоторое послабление заключенные получили:

> <…> разрешили через конторы почтовой связи принимать вещевые и продовольственные посылки <…> Народ мало-помалу стал поправляться. Раскассировали слабосильные команды, полустационары, несравненно стало меньше дистрофиков, уменьшилась смертность, уменьшилось число отказников и симулянтов, возросло количество рабочих, повысилась производительность труда[20].

Постепенно наладились и условия содержания. Из воспоминаний (начало 1949 года):

> <…> я уже здесь ассимилировался, прожил 4 года, работа меня вполне устраивала как заключенного: бытовые условия приличные; отношение администрации к заключенным, в том числе и ко мне, человеческое; ежегодно на свидание приезжает жена. С перепиской и получением посылок

---

19 *Кузнецов С.И.* Указ. соч. Л. 236.

20 Там же. Л. 240.

дело обстоит хорошо. Есть возможность читать книги и газеты; в бараке радио, шахматы, шашки и домино. У каждого своя койка со всеми постельными принадлежностями; хорошее медицинское обслуживание и т. д. Так что с точки зрения лагерника лучшего и желать нечего[21].

Но и это «благополучие» длилось недолго: 10 марта 1949 дедушку отправили в составе большого этапа в Казахстан. Из воспоминаний:

Наш этап был большой и дальний, в нем были старики и больные, для чего специально были оборудованы вагоны. Вагоны были товарные, внутри с двойными общими нарами; в каждом вагоне для обогрева была поставлена чугунная печка. Уборная была импровизированная – в полу проделана дыра, куда ходили и за большим и за маленьким. Женщины помещались в отдельных вагонах. В каждом вагоне можно было разместить 40 человек[22].

На восьмой или девятый день эшелон остановился в Свердловске. Рядом на путях стоял поезд с немцами-военнопленными, отправляемыми в Германию:

Надо откровенно сказать, как мы завидовали этим немцам. Их как бывших преступников против нашей родины везли в свою страну с плакатами и лозунгами на вагонах, они были веселы и радостны, а нас, советских граждан, под усиленным конвоем везли в спецлагерь[23].

Еще несколько дней пути, и конечный пункт, пересылка «Карабас» – ворота Карлага. И новый, теперь пеший, 40-километровый этап в Степной лагерь.
Из воспоминаний:

В Спасске для нас был установлен довольно строгий режим. На окнах были поставлены массивные железные решетки, на ночь дверь запиралась на замок. В коридоре барака с окончанием вечерней поверки устанавливалась параша, от чего было большое зловоние в помещении. Ночью ни в бараке, ни в коридоре не было света. Писем писать разрешалось только два в год. <…> Одним словом, режим мало чем отличался от режима тюрьмы, только что здесь гоняли на работу, а там – нет[24].

Дедушка стал работать по своей специальности – агрономом. Ему выделили земельный участок (75 гектаров) под создание парникового хозяйства и для

[21] Там же. Л. 272.

[22] Там же. Л. 274об.

[23] Там же. Л. 280.

[24] Там же. Л. 292об., 294.

выращивания капусты и других культур. В 1950 Спасское отделение передали в самостоятельный лагерь – Луговой (Особлаг № 9), который, в свою очередь, был закрыт в сентябре 1951, а Спасское лаготделение передали в состав Песчаного лагеря.

> Выделили мне участок, и мы приступили к рытью котлованов и устройству парников. Произвели набивку парников навозом, засыпали землей, засеяли капустой и помидорами; получили капустную и помидорную рассаду в первом рамообороте, а во втором рамообороте засеяли огурцы и посадили томаты и другие культуры.
>
> Вся эта довольно нелегкая работа была проделана руками стариков – инвалидов и только за дополнительные 50 гр. хлеба[25].

1953 год. Умер Сталин…

> Особый лагерь был переведен на режим ИТЛ. Первым долгом: сняли с окон массивные железные решетки. Ночь не стали держать на запоре. Барак освободили от параши – воздух в бараке стал чище. Было разрешено писать одно письмо в месяц, а не два в год. За работу стали платить в соответствии с существующими расценками, вычитая из заработка стоимость содержания в размере 6 руб. в день.
>
> В ларьке заключенных появились: сахар, чай, печенье, табак, папиросы, мыло и прочая мелочь. Иногда продавались крупа и хлеб. Были организованы буфеты, где можно было иметь вкусный горячий завтрак и обед за небольшую плату[26].

Дедушка любил и умел работать, – наверное, это и давало ему жизненные силы в лагере…

14 июля 1954 Президиум Верховного Совета принял постановление об условно-досрочном освобождении из лагерей лиц, отбывших две трети срока наказания. В начале 1955 в лагере приступила к работе судебная комиссия по условно-досрочному освобождению.

> Наконец наступил долгожданный день 24 апреля 1955 года, одного дня не хватило до 14 лет со дня моего ареста – меня арестовали 25 апреля 1941 года. Время прошло порядочно, за это время много воды утекло…
>
> Приехал суд. Нас в количестве около 30 человек вызвали в столовую.
>
> Здесь уже находился суд в составе: председатель суда, два заседателя, секретарь, прокурор и защитник.

---

[25] Там же. Л. 322.

[26] Там же. Л. 334об, 336.

Заседание было открытое, народу пришло много, каждому желательно было посмотреть на процедуру суда. Председатель суда открывает заседание суда, объявляет: состав суда, секретаря, прокурора и защитника.

Берет дело того или иного заключенного, зачитывает: фамилию, имя, отчество, возраст, статьи, пункты обвинения, срок, начало срока, конец срока.

После всего этого подсудимому задает вопросы.

Потом слово предоставляется защитнику. Защитником был начальник лагпункта.

Он кратенько зачитывал характеристику своему подзащитному и просил суд освободить его подзащитного от дальнейшего пребывания в лагере.

Прокурор был согласен с ходатайством защитника.

После всего этого суд удаляется на совещание и через несколько минут снова возвращается в зал заседания и объявляет решение суда: «На основе того-то и того-то считать такого-то, имярек, от дальнейшего пребывания в лагере освобожденным»[27].

3 мая 1955 оформили справку об условно-досрочном освобождении и 5 мая дедушку освободили из лагеря. 11 мая он приехал в Москву, но здесь жить ему было запрещено – местом жительства определен подмосковный город Воскресенск.

Несмотря на запрет, он три дня провел дома с семьей, а только потом уехал и устроился в Воскресенске. Начинаются хлопоты о реабилитации и прописке в Москве. «Дохлопотался» до того, что с инфарктом оказался в больнице, где в день своего 66-летия (24 июля 1955) получил радостное известие – 23 июля дело пересмотрено, он полностью реабилитирован. 28 июля 1955 датирована справка о пересмотре дела, подписанная председателем Военной коллегии Верховного суда Союза ССР генералом-лейтенантом юстиции Александром Чепцовым, тем самым Чепцовым, который за 14 лет до этого, 7 июля 1941, будучи тогда военным юристом I ранга, судил дедушку и вынес ему обвинительный приговор.

Чуть позже прописали в Москве, восстановили в партии, назначили персональную пенсию республиканского значения...

Я не помню, чтобы он когда-либо рассказал о пережитом, хотя он много и охотно занимался со своими внуками – братом и мной. Запомнилось, как он читал нам книжки, как приезжал погостить к нам в Тбилиси, где мы с ним много гуляли по городу, как, сидя за большим письменным столом, писал свои воспоминания...

Они остались недописанными... Дедушка умер 30 мая 1962 года.

---

[27] Там же. Л. 344–346.

Андреа Гуллотта

Псевдонимы соловецких литераторов: вопросы исторической и творческой биографии

Андреа ГУЛЛОТТА

Университет Глазго

Как известно, изучение биографий жертв советских политических репрессий является сложной задачей из-за малодоступности или отсутствия архивных документов о них. Судьбы и биографии тысяч узников советских тюрем и лагерей до сих пор неизвестны – восстановить биографические сведения многих жертв на основе доступных документов невозможно. Как это ни парадоксально, часто о жертвах мы знаем лишь из информации, содержащейся в уголовных делах, расстрельных списках или анкетах, написанных жертвами при аресте, – т. е. о многих жертвах знаем лишь то, что было написано по требованию той же власти, которая их арестовала, мучила, казнила.

Еще сложнее восстановить биографические сведения жертвы, если личность скрывается за псевдонимом. Надо уточнить, что псевдонимы в контексте советских политических репрессий встречаются довольно редко: это либо псевдонимы мемуаристов, не желающих скомпрометировать своих солагерников, либо используемые в лагерных публикациях

псевдонимы[1]. В первом случае настоящие имена авторов всплывают со временем; во втором случае обычно такого не бывает. В общем, исследователи не изучают псевдонимы сотрудников прессы ГУЛАГа. Однако это интереснейшая и полезная работа, благодаря которой можно воссоздать не только более детальную культурную историю советских лагерей, но и несколько аспектов биографий жертв, причем аспектов не только «исторических», но и «эстетических» или «интеллектуальных».

В этом контексте чрезвычайно интересным является исследование использованных в журналах, газетах и других органах Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) псевдонимов. Первые публикации появились в лагере уже через шесть дней после официального создания лагеря, т. е. 29 октября 1923 – в тот день появилась стенгазета «Островок», орган печати 95-й ячейки РКП(б) ОГПУ[2].

С созданием лагерного журнала «СЛОН» началась традиция псевдонимов Соловецкой печати. Первый номер журнала содержал множество псевдонимов: псевдонимы-инициалы (С. К.), художественные псевдонимы (Рабин, Сандеро), аббревиатуры (ГКРАКХ), идеологические псевдонимы (Трудовой, Пролетарка) или загадочные (Геттерас). Псевдонимы использовали во всех изданиях – такая традиция продолжалась и когда журналы и газеты лагерных Соловков стали более качественными благодаря вкладу ученых, писателей и поэтов, обладающих публицистическим даром. В двух главных органах лагеря (журнал «Соловецкие острова» и газета «Новые Соловки») немало текстов, опубликованных под псевдонимами. Наиболее типичными были «лагкорские» (т. е. псевдонимы лагерных корреспондентов) и литературные.

Но зачем заключенные советских лагерей использовали псевдонимы?

Ответ на этот вопрос, кажется, можно получить от Алексея Чекмазова в его статье в «Новых Соловках» от 26 июля 1925 (№ 30). Чекмазов был одним из ведущих авторов художественного коллектива «Свои» – «очага» пролетарской (уголовной) культуры, созданного в противоположность художественному коллективу «ХЛАМ», который являлся выражением так называемой «буржуазной» культуры. Создание таких коллективов было одним из наиболее значительных моментов подпольной битвы за культурную гегемонию в Соловецком лагере, в которой участвовали противостоящие друг другу интеллигенты и пролетарии и которая возникла благодаря роли Федора Ивановича Эйхманса, начальника управления СЛОН. Эйхманс способствовал созданию культурной панорамы

---

[1] Можно в редких случаях также встретить и псевдонимы палачей или сотрудников тюремных учреждений. Например, многие циркуляры Главного управления местами заключения (ГУМЗа) подписаны «Дьябло». См.: Постановления Совнаркома РСФСР и Всеукраинского центрального исполкома и Совнаркома Украинской ССР, доклады губернских инспекций мест заключения и переписка с ними об издании газеты «Голос заключенного», об увольнении сотрудников, о периодических изданиях. ГАРФ. Ф.4042. Оп. 4. Д.63. Л.61, 118.

[2] *Шенберг П.* Соловецкая печать // Материалы СОК. №17. 1927. С. 65–91.

высочайшего уровня в Соловецком лагере, используя множество талантов и навыков заключенных, прибывших на Соловки, – об этом свидетельствуют не только мемуары, но и лагерная пресса и архивные документы[3]. Доминирующая позиция так называемой «соловецкой богемы» в лагере спровоцировала реакцию как подталкивающей к созданию уголовно-пролетарского искусства КВЧ (культурно-воспитательной части) лагеря, так и самих уголовно-пролетарских писателей. Спор о культуре в лагере вызвал реакцию Чекмазова, написавшего в своей статье:

> Где же общественность в прессе? 25 статей, 3–4 стихотворения, 25 псевдонимов, а под двадцатью пятью псевдонимами пять-шесть литераторов-профессионалов[4].

Судя по словам Чекмазова, использование псевдонимов было результатом специфической стратегии управления лагеря, которому нужно было показать «внешней публике», что авторов в соловецкой печати было много. Это, безусловно, убедительное объяснение, однако нам кажется, что есть и другое. На самом деле, зачем начальники лагеря «создавали» авторов, если СЛОН был полон интеллектуалов, которых они могли нанять в любое время? Изучение биографий авторов, использовавших псевдонимы в соловецкой печати, вызывает и другую интерпретацию этого феномена.

Как упоминалось ранее, во многих случаях невозможно восстановить биографию человека, писавшего под псевдонимом в советской лагерной прессе. В тех редких случаях, когда это удается, можно отметить интересные детали, касающиеся интеллектуальной биографии таких людей. Надо сказать, некоторые из раскрытых псевдонимов подтверждают то, о чем написал Чекмазов в вышеупомянутой статье. Так было с латвийским узником лагеря Тибериусом Тверосом, автором многих публикаций в ранние годы соловецкой печати под псевдонимами «Тиберий», «Т. Тверье» и «Тверье» (и возможно, под другими). Так было и с русским поэтом и писателем Борисом Николаевичем Ширяевым. За время пребывания в лагере Ширяев использовал и собственное имя, и псевдонимы «Акар», «Акаревич», «Акарский» и «Сергей Акарский»[5]. Другие случаи, по-видимому, опровергают тезис Чекмазова. Среди них – история Бориса

---

[3] См.: *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 121–122; *Эйхманс Ф.* К вопросу о лагерной общественности // Соловецкие острова. 1925. № 4–5. С. 38–40; Письмо начальника управления СЛОН Ф.И. Эйхманса Наркомвнуделу РСФСР Главумзак (25.3.1926). ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 4. Д. 126. Л. 28. Более подробное описание культурной истории Соловецкого лагеря см.: *Gullotta A.* Intellectual Life and Literature at Solovki 1923–1930: The Paris of the Northern Concentration Camps. [*Гуллотта А.* Интеллектуальная жизнь и литература на Соловках 1923–1930 гг.: Париж северных лагерей]. Cambridge, 2018.

[4] *Чекмазов А.* О соловецкой прессе // Новые Соловки. 1925. № 30. С. 3.

[5] 12 апреля 1925 Ширяев опубликовал короткий текст за подписью «Б. Акаревич-Ширяев», в котором дистанцировался от коллектива «ХЛАМ». См.: *Акаревич-Ширяев Б.* Письмо в редакцию // Новые Соловки. 1925. № 15. С. 4.

Глубоковского, использовавшего во время пребывания в Соловецком лагере псевдоним «Борис Емельянов».

Борис Александрович Глубоковский родился в Москве в 1894 (1895?). Окончил юридический факультет Московского университета, начал блестящую карьеру юриста, но ушел в театр: служил в театре Корша, в Камерном театре Таирова; был близок с имажинистами. После революции опубликовал несколько литературных произведений в разных журналах под псевдонимом «Борис Веев». 1 ноября 1924 Глубоковский был арестован и приговорен КОГПУ 27.03.1925 «за участие в контрреволюционной организации, террористических актах и шпионаже» к 10 годам концлагеря (в рамках так называемого дела об «Ордене русских фашистов», что привело к расстрелу поэта Алексея Ганина). В 1929 «разгрузовная комиссия» сократила срок с 10 до 8 лет. В 1930 вместе с руководством лагеря уехал в Кемь, в 1932 освобожден, переехал в Москву, вновь поступил в Камерный театр[6]. Реабилитирован по делу 1924 года Главной военной прокуратурой 30.11.1993.

Прибыл Б.А. Глубоковский на Соловки в мае 1925 и сразу стал одним из ключевых деятелей культуры лагеря – работал в театре, публиковал стихи, рассказы и очерки в журналах и газетах, был одним из важнейших членов коллектива «ХЛАМ». С самого момента прибытия на острова Глубоковский стал главным двигателем того, что мы назвали бы ***«соловецким культурным переворотом»*** под эгидой Ф.И. Эйхманса. Драматург, актер, писатель, журналист, этнограф, Глубоковский использовал поэтический псевдоним «Борис Емельянов». Борис Емельянов стал поэтическим исполнителем культурной программы Б.А. Глубоковского, для которого искренность – самый главный аспект соловецкого искусства. Емельянов/Глубоковский – автор довольно смелых стихов/песен в культуре ГУЛАГа:

«Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим, приезжайте сюда сами,
Посидите здесь годочков три иль пять –
Будете с восторгом вспоминать»[7].

«Я стихи не пишу для редакций
Лишь для тех, кто поймет строчек рать...

---

[6] *Марков В.* Гостиница для путешествующих в прекрасном: Из книги «Очерк истории русского имажинизма» // Звезда. 2005. № 2. С. 211–219. См. также: Борис Глубоковский (псевд. Борис Веев), Уездный Оскар Уальд. Рассказ РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 1. Ед. хр. 141; *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб, 1996. С. 515.

[7] *Емельянов Б.* Море Белое – водная ширь // *Тюкина С.* Теперь вы в Соловках (лирика времен СЛОНа) // Соловецкое море. 2003. № 2. С. 181.

Мне на золото тысячи акций
В эту синюю ночь наплевать!»[8]

«Буду всегда поэтом,
Я, не согнувший плечи»[9].

Газета «Новые Соловки» и журнал «Соловецкие острова» в 1927–1929 не выходили[10].

Незадолго до прекращения этих изданий – в 1926 – многие их авторы были досрочно освобождены. Глубоковский – единственный из постоянных авторов соловецкой печати, которого не освободили досрочно. Когда в 1929 публикации на Соловках возобновились после перерыва 1927–1929, имена «Глубоковский» и «Емельянов» больше не появлялись среди авторов (о причинах этого феномена пишем дальше). Глубоковского перевели в Кемь. О его дальнейшей судьбе можно только строить предположения. Умер, по одной версии, от наркомании, по другой – отравился морфием в больнице, по третьей – покончил с собой в ссылке в Сибири в 1937[11].

Другой, менее важный, но все же интересный автор Соловков – это Макс Кюнерт (настоящее имя – Макс Николаевич Гинценберг). Гинценберг родился в 1906 в Москве. С 1924 работал журналистом в газете «Молодая рать» под псевдонимом «Макс Московский»[12]. Издал на свои деньги три книги стихов под псевдонимом «Макс Кюнерт». Первая книга, составленная из «эротических стихов», «Голубой слон» (1924), была запрещена Главлитом. «Эгофутуристические» сборники «Желтая сирень» и «Чудесное кольцо» он издал за свой счет в 1926[13]. В них Кюнерт предчувствовал свою судьбу:

«Сколько раз по знакомой дороге
Возвращаясь из клуба домой,
Я просил Вас, жестокие боги,
Не шутить так жестоко со мной»[14].

---

8 *Емельянов Б.* Перед утром // Соловецкие острова. 1925. № 8. С. 5.

9 *Емельянов Б.* Отрывки из поэмы // Соловецкие острова. 1926. № 1. С. 43.

10 Последний номер «Новых Соловков» вышел 12 декабря 1926, до конца года должны были выйти еще два-три номера; первый номер возобновленных «Новых Соловков» вышел 5 января 1930. Последний (7-й) номер журнала «Соловецкие острова» вышел в июле 1926, возобновился журнал в августе 1929.

11 См.: *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Указ. соч.

12 См.: Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина. М., 1991. (Репринт издания 1928 года.) Т. 1. С. 158–159. URL: https://qps.ru/AM4IJ.

13 *Кюнерт М.* Желтая Сирень. М., 1926; *Он же.* Чудесное кольцо. Поэзия. М., 1926.

14 *Кюнерт М.* Сколько раз // Желтая сирень. Указ. изд. С. 5.

Весной 1929 Макс Гинценберг готовил к изданию свой четвертый сборник – «Муза на время». 2 апреля его арестовали. В СЛОНе сотрудничал с лагерными изданиями и опубликовал несколько стихотворений под псевдонимом «Макс Кюнерт». В них иронично рассмотрел свои предарестные мечты:

«Аляска... Джек Лондон... И золота звон...
И виски... И вьюга... И ветер...
О, юношеский увлекательный сон
за книгой, при ласковом свете...
О, юношеский увлекательный бред!
Желанье скитаний, лишений и странствий,
<...>
Какая наивнейшая мечта.
Что Север? – Лишенья, борьба да удача...»[15]

Освобожденный в 1931, Кюнерт жил в ссылке в пос. Мадмас (Республика Коми). Повторно арестован 8 декабря 1937, по ст. 58–10 приговорен к ВМН (высшей мере наказания), расстрелян в Ухтпечлаге 1 марта 1938.

Мы видим два разных мотива использования псевдонима: Борис Глубоковский, находясь в лагере, решил отказаться от литературного псевдонима, который он использовал до ареста («Борис Веев»), и создал новый («Борис Емельянов»). Макс Гинценберг решил опубликовать свои тексты в журналах Соловецкого лагеря, используя тот же псевдоним, который он использовал в своей литературной деятельности до ареста («Макс Кюнерт»). Нам кажется, что именно этот факт доказывает, что использование псевдонимов было не только результатом политических действий со стороны администрации лагеря, но и личных эстетико-биографических решений авторов.

Анализируя действия Глубоковского и Кюнерта, в частности их литературную деятельность до и во время пребывания в лагере, можно сказать, что на выбор псевдонима оказали влияние эстетические, личные и политические мотивы, тесно связанные с саморепрезентацией, – на самом деле, во многих случаях использование псевдонима связано с вопросом идентичности. Автор решает использовать псевдоним и именно этим конкретным жестом заявляет о своем существовании как «авторского существа» отдельно от конкретного, «исторического» человека. Его жест обозначает ясное осознание себя как автора: это почти божественное, мифотворческое действие.

[15] *Кюнерт М.* Стихи (Не ценишь звезд. Аляска) // Соловецкие острова. 1929. № 2. С. 17.

Макс Сандерс пишет, что у решения использовать псевдоним есть и другие причины: это может происходить по личным причинам (например, автор не хочет раскрывать личную информацию) или для маркетинга – когда, например, автор хочет использовать новое имя, чтобы указать, что это новый, «свежий» автор[16]. Скорее всего, у Гинценберга и Глубоковского были подобные соображения, когда они решили писать под псевдонимами на воле. Однако в лагере эти причины были у них разными. Как сказано выше, Глубоковский стал одним из «строителей» культуры СЛОНа. Он отказался от своего старого псевдонима «Веев» и принял новый. Глубоковский написал еще и «автофикшн» на основе своего опыта во время революции – под своим собственным именем. Повесть «Путешествие из Москвы в Соловки» рассказывает о герое по имени Борис – нет сомнений, что у персонажа кое-какие элементы биографии совпадают с элементами биографии автора[17]. Его выбор псевдонима, нам кажется, явная попытка отказаться от своего художественного прошлого в пользу нового авторского «я».

Рожденное в СЛОНе, новое авторское «я» Глубоковского проецируется на будущее – Глубоковский напоминает о своем собственном прошлом только как об основе своей идеологической пригодности к новой жизни. В некотором смысле позиция Глубоковского идеально вписывается в процесс переписывания собственной жизни во время сталинизма, описанный Йохеном Хеллбеком. Немецкий историк обнаружил, что тексты о себе («эгодокументы») часто свидетельствуют о вере в советское государство, несмотря на пережитые на собственном опыте преследования или репрессии. Авторов советских эгодокументов часто отличает стремление предоставить доказательства того, что они вписываются в советскую идеологическую структуру[18]. Вероятно, культурная карьера Глубоковского в СЛОНе может рассматриваться как попытка другого подхода к его новому контексту и что его новый псевдоним – это его «эстетическая мера лояльности» к партии. Не случайно Борис Емельянов «умирает» после досрочного освобождения большинства писателей – коллег Глубоковского. После того как его надежды на освобождение и, возможно, на будущую художественную

---

[16] *Saunders M.* Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction and the Forms of Modern Literature [*Сандерс М.* Самовпечатление: жизнеописание, автобиографикшн и формы литературы модернизма]. Oxford, 2010. P. 112, 113.

[17] Глубоковский, Б., *Путешествие из Москвы в Соловки* // Соловецкие острова. 1925. № 10–11. С. 5–16; № 12. С. 3–9; 1926. № 1. С. 24–42; № 2–3. С. 41–71; № 4. С. 80–101; № 5–6. С. 46–69; № 7. С. 60–73.

[18] См.: *Hellbeck J.* Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Self and Story in Russian History / Ed. by L. Engelstein and S. Sandler [Написание о себе во время Большого террора: Дневник Александра Афиногенова от 1937 года // «Я» и писание в русской истории / Ред. Л. Энгельштейн и С. Сандлер]. Ithaca & London. 2000. P. 69–93; *Hellbeck J.* Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts [Работа, борьба, становление: автобиографические тексты сталинской эпохи] // The Russian Review. 2001. № 60. P. 340–59; *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin [Революция в моем сознании: Ведение дневника при Сталине]. Cambridge & London, 2006.

карьеру вне лагеря не оправдались, «множественные “я”» Глубоковского потеряли все свое значение и исчезли[19].

Мотив выбора псевдонима Гинценбергом совершенно противоположен мотивам Глубоковского. Когда ему предоставилась возможность опубликовать стихи за колючей проволокой, он решил использовать именно тот псевдоним, который использовал на воле. Этот выбор, нам кажется, касается и идентичности, и эстетики автора: человек Макс Гинценберг (точнее, узник Макс Гинценберг) представляет себя как автора, как Макса Кюнерта. Таким образом, он подтверждает свое собственное самоощущение, осознание себя как поэта. И не просто поэта, а поэта, чьи взгляды на жизнь, по всей вероятности, привели его к аресту: в отличие от Глубоковского, его выбор псевдонима является результатом заявления, сделанного «в настоящем» на основе прошлого автора – здесь нет ничего о будущем. Такой же акт совершен и другими писавшими под псевдонимами авторами СЛОНа, такими как Юлия Данзас / Юрий Николаев и Владимир Свешников / Кемецкий. Другими словами, этим же действием Кюнерт и другие авторы сформулировали свою позицию и как авторы, и как люди – т. е., используя тот же творческий псевдоним, что на свободе, они декларировали, что и за колючей проволокой они остались теми же авторами, что и на воле, то есть теми же людьми, которых арестовали. Этот акт является сам по себе ***актом культурного сопротивления на пересечении исторической и творческой биографии.***

Изучение псевдонимов, использованных узниками ГУЛАГа в лагерной печати, как видно, может помочь прояснить в биографиях авторов много аспектов, которые часто недоступны ни в архивных документах, ни в мемуарах. Проанализированные здесь казусы Глубоковского и Гинценберга показывают, что за использованием псевдонимов есть причины, выходящие за рамки исторической биографии. Печать советских лагерей является одним из наименее изученных аспектов ГУЛАГа. Данной статьей мы приглашаем коллег исследовать эту тему, чтобы еще больше углубить наше понимание истории, культуры и социологии советских лагерей и восстановить как можно больше биографий, выходя за рамки исторического факта.

---

[19] Тут мы используем термин «множественное “я”», ссылаясь на теорию Сюзанны Налбантян об эстетической автобиографии, которая, как объяснила Клаудия Кривеллер, может применяться к эгодокументам в репрессивных контекстах. См.: *Nalbantian S.* Aesthetic Autobiography: From Life to Art in Marcel Proust, James Joyce, Virginia Woolf and Anaïs Nin [*Налбантян С.* Эстетическая автобиография: от жизни к искусству у Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Вирджинии Вулф и Анаис Нин]. New York, 1994; *Crivellеr C.* «Lo sono il padrone del mio sogno». Evgenij Charitonov e la letteratura del sottosuolo come costruzione dell’io [*Кривеллер К.* «Я хозяин своей мечты». Евгений Харитонов и литература подполья как конструкция самости] // eSamizdat. 2010–2011. № 8. P. 119–33.

Наталья Крук

Библиотека Академии наук и госбезопасность. Штрихи к истории БАН

Наталья Семеновна КРУК

Санкт-Петербургский «Мемориал»

Академия наук СССР одной из первых организаций нового государства подверглась массовым репрессиям уже в конце 1920-х годов. 20-е годы в целом характеризовались давлением властей на Академию в стремлении поставить ее на службу «социалистическому строительству». Особое недовольство вызывало то, что Академия переполнена представителями дореволюционных привилегированных сословий, аристократических фамилий, сановных царских бюрократов.

В 1929–1931 было сфабриковано Академическое дело. Арестованным было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии.

15–16 июля 1929 была утверждена Комиссия по чистке аппарата Академии наук во главе с Ю.П. Фигатнером. В комиссии Фигатнера состояли, по крайней мере, двое сотрудников ОГПУ: Ю.В. Садовский, занимавший пост от народного

контроля РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции) и от областного РКИ – Разоренов. В работе комиссии эпизодически принимал участие член коллегии ОГПУ и член ЦКК (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Я.Х. Петерс, возглавлявший центральную комиссию по чистке. Первейшей задачей этих комиссий было пересмотреть кадры АН СССР.

Как уже отмечалось в предыдущем сборнике «Биографики»[1], в 20-е годы XX столетия фонды Библиотека Академии наук (БАН) значительно пополнялись, и особенно возрос фонд иностранной литературы. И администрация БАН принимала на работу большое количество образованных сотрудников, знающих иностранные языки: бывших военных, преподавателей, профессоров университетов, духовных академий и семинарий, чиновников, выпускниц институтов благородных девиц и др. Появление такого числа неблагонадежных сотрудников в АН, и в частности в БАН, очень настораживало молодую советскую власть. И карательные структуры с пристальным вниманием следили за развитием событий в АН и, конечно, в БАН.

У меня создалось впечатление, что структура охранительных и карательных органов советского государства в БАН была более жесткой, чем в ряде других учреждений. Традиция неблагонадежности в БАН, с моей точки зрения, оказалась достаточно живучей со времен 1920–1930-х. Не поэтому ли охранительные структуры БАН в 1970–1980-х годах были представлены достаточно крупными фигурами? Для примера приведу справки из Биографического словаря сотрудников БАН на начальника 1-й части БАН Ивана Васильевича Ульянова и начальника отдела кадров БАН Николая Семеновича Павлова.

Ульянов Иван Васильевич родился 26.12.1908 в деревне Окуловская Вожегодской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии. В 1936 окончил Высшую пограничную школу. Проходил службу в НКВД. В 1939 – лейтенант госбезопасности во 2-й отдельной Краснознаменной армии. Был начальником отдела Северо-Западного пограничного округа. Вышел в отставку в звании полковника запаса. В БАН работал с декабря 1966 по январь 1983. Заведующий 1-й частью. 25 января 1983 уволился по собственному желанию. 26 января 1983 принят в БАН на должность слесаря-газосварщика в АХО (административно-хозяйственный отдел). 14 февраля 1983 уволился из БАН по собственному желанию. Ветеран Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу», имел и другие награды.

Ходили слухи, что Иван Васильевич Ульянов был комендантом Будапешта, а позднее состоял в непосредственной охране Сталина.

Павлов Николай Семенович родился 25.08.1913 в деревне Трошино Вяземского уезда Смоленской губернии. В 1925–1930 учился в Вяземской школе-

---

[1] *Бекжанова Н.В., Крук Н.С.* Сотрудники Библиотеки Академии наук: репрессии 1920–1980-х гг. (из истории отдела научной систематизации литературы) // Пятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». СПб., 2018. С. 15–24.

девятилетке, в 1932 получил специальность техника-нормировщика. До 1935 работал на станции Вязьма Московской железной дороги стрелочником, переписчиком вагонов, техническим конторщиком, техником-нормировщиком, инженером технического бюро, заместителем начальника станции по труду. С 1935 по 1955 – кадровый военный, прошел путь от рядового до заместителя начальника особого отдела армии. Окончил Высшую школу органов безопасности по специальности оперативник. В 1950–1952 был слушателем Университета марксизма-ленинизма. Служил в органах госбезопасности советской армии в различных районах СССР и Германии. В БАН работал с 1957 по 1983. До 1966 – старший инспектор отдела кадров, далее до ухода на пенсию – начальник отдела кадров. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии и флота».

Хочу рассказать, как складывались мои личные отношения с этими людьми. Не надо забывать к тому же, что я дочь расстрелянного врага народа!

Что касается Н.С. Павлова, то отношения складывались таким образом. Я поступила на работу в БАН в 1970. Принимал меня на работу начальник отдела кадров Н.С. Павлов. Мне предложили заполнить обычную анкету для поступающих на работу в БАН. В анкете был вопрос о родителях: о матери, об отце. Об отце я написала: погиб на финской войне. Так говорила мне моя мать, и так всегда я говорила о своем отце, несмотря на то что в 1970 я уже знала, что отец был арестован и находился в заключении. И еще к тому времени я уже знала, что отец был посмертно реабилитирован. Но ни со стороны начальника отдела кадров, ни со стороны администрации БАН никаких вопросов ко мне не последовало.

В 1973 на доске объявлений БАН появилось приглашение поехать в туристическую поездку в Болгарию. Поехать за рубеж в то время – моя голубая мечта. И я решила попытаться это сделать. Для того чтобы поехать, нужно было пройти собеседование в партбюро БАН, а затем – в Василеостровском райкоме партии. И опять в графе «отец» пишу: погиб на финской войне. И, как ни странно, я благополучно прошла обе комиссии и съездила в Болгарию. В 1975 я таким же образом съездила в Румынию, а в 1977 – в совмещенную поездку Польша–Чехословакия. И опять ни от кого никаких вопросов. Надо отметить, что все эти три поездки были в страны народной демократии, а посему оформление было упрощенным. А в конце 1979 я собралась ехать не куда-нибудь, а в капиталистические страны: ОАР (Объединенная Арабская республика – Египет) плюс Италия. К этому времени появились два усложняющих момента: усложнилась анкета и добавилась еще одна инстанция при оформлении документов: сначала нужно было обсуждать кандидата на поездку на общем собрании отдела.

В анкете для поездки в капиталистические страны неожиданно для меня появился уточняющий вопрос о родственниках: был ли кто-нибудь из ваших родственников под судом и следствием? Этот вопрос просто сразил меня. Я не знала, что мне делать. Отказываться от поездки мне не хотелось.

У меня сложилось впечатление, что Николай Семенович Павлов – начальник отдела кадров – относится ко мне весьма доброжелательно. И я отправилась к нему в кабинет за советом. Николаю Семеновичу я сказала, что оформляюсь на поездку в ОАР–Италию и что не знаю, как мне отвечать на один из вопросов анкеты: вопрос об отце. Он умер в заключении, а я в предыдущих случаях писала, что он погиб на финской войне. И что же сказал Николай Семенович? Он сказал очень спокойно, бесстрастно: «А мы все знаем!» Вот так! А я-то думала, что всех перехитрила! И далее Николай Семенович так же спокойно добавил: «Пишите: реабилитирован посмертно». После разговора с начальником отдела кадров у меня было шоковое состояние! Второе шоковое состояние я испытала на собрании отдела, когда все узнали, что мой отец был арестован и находился в тюрьме. Ну а это уже другой вопрос. Следует только уточнить: о том, что он был расстрелян как враг народа, я узнала значительно позднее.

С Иваном Васильевичем Ульяновым – начальником 1-й части – у меня сложились более тесные рабочие контакты. Я работала в систематическом каталоге БАН. Кабинет Ивана Васильевича находился рядом с систематическим каталогом. На том же пятом этаже располагался отдел спецфондов (или иначе спецхран) с отдельным фондом ДСП (для служебного пользования). Спецхран был засекреченным отделом и, конечно, находился под особым контролем Ульянова. В спецхране тоже был свой систематический каталог. Но индексировать свои книги сотрудники спецхрана не могли – у них не хватало квалификации для этой работы. Поэтому сотрудники отдела систематизации литературы БАН были привлечены к систематизации литературы ДСП.

Работа по индексации книг ДСП проходила в двухкомнатном кабинете Ульянова и под его особым контролем. Я тоже была привлечена к систематизации литературы по своим разделам, но еще почему-то меня привлекли к распределению всей литературы из ДСП среди сотрудников систематического каталога и своевременной сдаче ее в фонд ДСП. Были моменты, и не такие уж редкие, когда мы оставались с Иваном Васильевичем вдвоем и вели, можно сказать, задушевные разговоры. Я думаю, что такая комбинация была заранее задумана и инициатива исходила от него. К моему счастью, никаких предложений определенного свойства от Ивана Васильевича я не услышала. А может быть, его интерес к моей персоне объяснялся тем, что на всякий случай нужно было держать ситуацию под контролем – как бы чего не вышло!

Вспоминаются и другие любопытные моменты. В БАН работали женщины, которых я почти не знала, но визуально они как-то отпечатались в моем сознании. Правда, с одной из них я даже общалась, но не знала о том, что нас с ней

объединяет тайна. А потом, в 90-е годы, этих женщин я встретила уже в обществе «Мемориал». Они были членами «Мемориала» и такими же, как и я, дочерьми врагов народа и тоже потом реабилитированными, как и их отцы.

В Биографическом словаре сотрудников БАН имеется на Елену Петровну Янович следующая справка. Родилась 30.11.1920 в Ленинграде. В 1953 окончила отделение французского языка факультета иностранных языков Пермского государственного педагогического института по специальности «преподаватель французского языка». До поступления в БАН с 1953 по 1957 – учитель французского и немецкого языков в школах Перми. После переезда в Ленинград исполняла обязанности воспитателя в детских садах. В БАН работала с февраля 1959 по декабрь 1984. До июля 1978 – старший библиотекарь отдела обработки и каталогов, затем перешла в ОМА (отдел механизации и автоматизации), где работала в должности старшего редактора до ноября 1981, позднее была сотрудницей НМО (научно-методический отдел) в той же должности.

В картотеке НИЦ «Мемориал»: отец Елены Петровны – Янович Петр Александрович – 17.03.1935 выслан из Ленинграда с женой и дочерью в Соликамск. 28.09.1935 арестован в городе Березники. Расстрелян за антисоветскую деятельность. Репрессированы были также братья П.А. Яновича – Владимир Александрович и Николай Александрович, а также мать Елены Петровны, жена Яновича Петра Александровича – Ксения Николаевна.

На Ольгу Сергеевну Кондратьеву также имеется справка в Биографическом словаре сотрудников БАН. Родилась во Владивостоке. В 1940 окончила школу рабочей молодежи Октябрьского района Ленинграда. С начала Великой Отечественной войны и блокады оставалась в Ленинграде. С 1941 по апрель 1942 работала медсестрой в эвакогоспитале № 1170. В 1942 была эвакуирована в Калининскую область, где с декабря 1942 по 17 сентября 1944 состояла делопроизводителем, медсестрой в эвакогоспитале № 3341 при 1-м Белорусском фронте. С сентября 1944 по июль 1947 – заведующая производством и машинистка при штабах артиллерии ряда военных округов. С декабря 1947 по март 1948 – секретарь-машинистка в Ленкоопинсозартели «Металл» в Ленинграде. В ОНОЛ (отдел научной обработки литературы) БАН работала с 25 июня 1948 по 30 августа 1990 в секторе организации генерального алфавитного каталога. Занимала должности библиотекаря, редактора. В 1954 окончила заочно отделение библиотечного техникума. Умерла в 2016.

По данным картотеки НИЦ «Мемориал», отец Ольги Сергеевны Кондратьев Сергей Кондратьевич (1882 г. р., Харьков) арестован 14.10.1937, ст. 58-6, ст. 58-7. Приговорен к ВМН (высшей мере наказания) 20.10.1937. Реабилитирован 29.12.1956.

Есть справка в Биографическом словаре сотрудников БАН и на Худовекову (урожд. Миронову) Лилию Ефимовну. Родилась 23 июля 1920 в Павлограде. Ее отец, Ефим Григорьевич Миронов (1898–1938), был заместителем

директора свиносовхоза Дальзавода (Владивосток); арестован 30.12.1936; 22.05.1938 приговорен выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР по ст. 58, п. 7, 8 и 11 УК РСФСР к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день в Хабаровске; реабилитирован 06.12.1957 ВК ВС СССР[2]. Лилия Ефимовна в 1941 окончила Московский библиотечный институт по специальности библиограф. В ООК (отдел обработки каталогов) БАН работала с 27 февраля 1957 по 9 июня 1976 в должности библиотекаря и старшего библиотекаря. Умерла в 1997.

Эти три женщины и я, конечно же, относились к числу неблагонадежных сотрудников БАН. Таких женщин в БАН, я думаю, было немало. И не только женщин. И все они были под пристальным контролем охранительно-надзирательной системы, работающей в БАН.

Как я уже говорила ранее, неблагонадежность кадрового состава БАН сохранялась и в послевоенные, и в последующие годы. Можно в этом убедиться на примере Владимира Юрьевича Пореша. Родился в 1949 в Ленинграде. С середины 1970-х – член семинара Огородникова. С Огородниковым редактировал журнал «Община». Арестован, будучи младшим научным сотрудником БАН, в 1979. По приговору судебной коллегии Ленгорсуда от 25.04.1980 приговорен по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) к пяти годам лишения свободы в ИТЛ с последующей ссылкой на три года. Срок отбывал в Пермских лагерях (Пермь-35). Освобожден в 1986. Работал в котельной. В начале 1990-х основал религиозно-философскую школу и общество «Открытое христианство». Реабилитирован 18.10.1991. Был председателем Центра «Дом прав человека» в Санкт-Петербурге, преподавал французский язык в Институте философии и богословия. Последнее время живет и работает в Казахстане.

Все то, о чем было здесь сказано, касалось неблагонадежности кадров БАН. Но был и другой аспект в жизнедеятельности БАН, который привлекал большое внимание органов госбезопасности. И это фонды БАН, их цензурирование.

Цензура в библиотеках, в том числе в БАН, – это прежде всего спецхран. Жизнь специальных фондов текла по предписанным сверху инструкциям[3]. Они определяли, что именно необходимо передавать из общего хранения в специальное, у каких книг изъять предисловие, введение или иллюстрации, прежде чем выдавать их для чтения, а какие и вовсе уничтожить. И то, что предназначалось для уничтожения, то есть печатные издания, вредные по своему содержанию, согласно этим законам, называлось спецмакулатурой.

В конце актов обычно указывался способ уничтожения книг (подлежит сжиганию, подлежит списанию и передаче в перемол) или фиксировался

---

[2] Жертвы политического террора. URL: http://lists.memo.ru/index13.htm.

[3] Например: Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети. М., 1981.

свершившийся факт (произведено уничтожение путем мелкой резки, разорвано в моем присутствии, превращено в бумажную массу).

Помимо полного уничтожения книг, журналов или газет, в кочегарке БАН или на районной базе утильсырья применялось еще и частичное уничтожение текста в виде соскабливания, вырезания ножницами, замазывания тушью или вырывания и заклеивания страниц.

Спецфонд БАН был создан Полномочным представительством ОГПУ ЛВО в лице его начальника С.А. Мессинга 19 октября 1929.

Деятельность отдела спецфондов БАН направляли Горлит (Управление Главлита Ленинграда) и Леноблгорлит (Управление Главлита Ленинграда и области). Официально Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств) подчинялся Совету министров, но реально Главлит подчинялся Отделу пропаганды ЦК КПСС, в котором был человек, курировавший Главлит. А он – этот человек – подчинялся секретарю ЦК, ведавшему вопросами идеологии. Главлит отчасти также руководствовался еще указаниями Отдела культуры ЦК КПСС.

Кроме спецфонда, в БАН существовали еще два сверхсекретных отдела: бронированный грифованный фонд Президиума АН СССР, созданный в 1950 из изданий, переходящих в разряд секретных, и грифованный картографический фонд, созданный в 1948. В 1954 оба сверхсекретных фонда были объединены в одну «библиотеку при 1-й части». Библиотека при 1-й части просуществовала в составе БАН около 10 лет. При ликвидации библиотеки 1-й части в 1962 одни издания были переданы в открытые фонды, другие отданы в спецфонд или 1-е отделы академических институтов, многие книги были отосланы в издавшие их организации. Картографические материалы были переданы в отдел картографии БАН.

В «Положении об отделе спецфондов БАН СССР» указывалось: «Основной задачей отдела спецфондов является организация учета, хранения и правильное использование политически дефектной литературы <…>. В соответствии с приказами Главлита и его местных органов, указанная в них литература изымается из общих фондов либо возвращается для всеобщего пользования».

После доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии начался обратный поток книг – из спецхрана в открытые фонды. И делалось это тоже по приказам Главлита.

Процесс раскрытия спецфондов продолжался и позже. Однако при этом не прекратилось запрещение, а следовательно, и изъятие книг из общих фондов. Оба эти процесса – засекречивание и рассекречивание литературы шли параллельно.

В 1977 в спецхране был создан научно-методический совет (НМС), непременным членом которого был начальник 1-й части. Главная задача НМС спецхрана БАН – создание всевозможных положений, инструкций и памяток по работе отдела спецфондов БАН.

В 1987 началась работа по ликвидации спецфондов, и к 1989 спецфонды перестали существовать.

Накануне 1991 года директор Библиотеки В.П. Леонов подписал приказ «О передаче фондов из отдела спецфондов в другие отделы БАН СССР».

14 июля 1994 года В.П. Леонов подписал приказ об образовании в составе отдела фондов и обслуживания (ОФО) сектора литературы русского зарубежья – ЛРЗ – на основе бывших спецфондов.

Режимом дозированного чтения нанесен громадный урон культуре, науке и нравственности нашего народа. И этот урон является непосредственным следствием тоталитарного режима в стране, а не самостоятельной деятельности спецхрана и Главлита, направляющего деятельность спецхрана.

Источники:

Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: из истории секретных фондов. СПб.: БАН, 1999. 204 [18] с.

Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. В 2 тт. СПб., 2014. 1142 с. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия. Т. 13–14.)

Сергей Фокин

Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) и его окружение

К 100-летию лаборатории генетики и экспериментальной зоологии, организованной в Петроградском университете

Сергей Иванович ФОКИН

профессор Университета Пизы (Италия),
ведущий научный сотрудник СПбГУ,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Среди известных выпускников Зоотомического кабинета Санкт-Петербургского университета начала XX в. Юрий Александрович Филипченко занимает видное место[1]. Ученик профессора В.Т. Шевякова (1859–1930), он окончил курс университета с дипломом I степени в 1906. Работа в Германии (1912) и знакомство в лаборатории Р. Гертвига с Р. Гольдшмидтом (1878–1958)[2], незадолго до того увлекшимся генетикой, по-видимому, послужили одной из причин обращения Филипченко к экспериментальной зоологии, и особенно

[1] Литература о Ю.А. Филипченко достаточно обширна, но некоторые детали биографии ученого до сих пор либо в ней не отражены, либо искажены публикаторами.

[2] Рихард фон Гертвиг (1850–1937) – известный немецкий протозоолог, зоолог и эмбриолог; иностранный член-корреспондент ИСПбАН; в его лаборатории Мюнхенского университета (1885–1924) работали многие русские биологи. Рихард Бенедикт Гольдшмидт – зоолог-морфолог, эмбриолог и генетик; родился во Франкфурте-на-Майне, учился в Гейдельберге и Мюнхене; директор лаборатории генетики в Институте биологии, Берлин (1913–1935), профессор университета в Беркли, США; автор теории эволюции на основе макромутаций (hopeful-monsters), отличной от дарвиновской; написал интересные воспоминания о европейских зоологах начала XX в.

к проблемам наследственности и изменчивости. После 1912 ученый всецело сосредоточился на генетической работе. С сентября 1913 он в качестве приват-доцента начал читать в университете первый в России курс генетики. В 1918 Филипченко организовал в составе Кабинета лабораторию генетики и экспериментальной зоологии, преобразованную через год в одноименную кафедру. Это первое в российских университетах генетическое учреждение положило начало Петроградской (Ленинградской) генетической научной школе. Перед революцией и в первые годы советской власти Филипченко активно включился и в научно-организаторскую деятельность. Венцом этой активности было создание (вместе с рядом других университетских профессоров-биологов) Петергофского естественно-научного института (ПЕНИ–1920) и организация, по предложению профессора Н.К. Кольцова (1872–1940), Бюро по евгенике при Академии наук (1921). На основе этого бюро (с 1925 по 1927 – Бюро по генетике и евгенике) в дальнейшем была создана лаборатория генетики Академии наук СССР, а в 1933, уже после смерти Филипченко, – Институт генетики АН СССР.

Большинство публикаций Ю.А. Филипченко советского периода (за исключением учебников и цикла статей по евгенике) были посвящены выяснению механизмов наследования количественных признаков и прежде всего связаны с изучением генетики мягких пшениц. Результатом этой гигантской многолетней работы стала монография «Генетика мягких пшениц», к сожалению увидевшая свет только в 1934. Всего перу Ю.А. Филипченко принадлежит около 120 работ, в том числе учебники и монографии по изменчивости, наследственности, эволюции и общей биологии. Морфология, систематика, генетика и эволюционная теория применительно к зоологическим и ботаническим объектам в равной степени были полем его научной деятельности.

С открытием, скорее формальным[3], университетской лаборатории генетики и экспериментальной зоологии и вскоре одноименной кафедры вокруг Филипченко образовалась группа соратников и учеников, среди которых были известные впоследствии ученые: И.И. Соколов, В.М. Исаев, А.П. Владимирский, Д.М. Дьяконов, Я.Я. Лус, Ф.Г. Добржанский и многие другие. Талантливый учитель, исследователь, популяризатор и организатор науки, один из основателей отечественной генетической школы Ю.А. Филипченко, несмотря на короткую жизнь, внес значительный вклад в развитие биологии, и особенно генетики, в России XX в.

Настоящая статья представляет собой краткий конспект книги, подготовленной автором совместно с членом-корреспондентом РАН, профессором И.А. Захаровым-Гезехусом (Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва) к предстоящему 100-летнему юбилею кафедры генетики (генетики и экспериментальной зоологии, генетики и селекции, ныне – генетики

[3] Лаборатория в 1918 не имела собственных помещений и административно не была выделена из Зоотомического кабинета Петроградского университета.

и биотехнологии) Петроградского–Ленинградского–Санкт-Петербургского университета[4]. Смена названий является отражением долгой и непростой истории этой кафедры.

Биография Ю.А. Филипченко в целом хорошо известна – наиболее полно она представлена в монографии его ученика Н.Н. Медведева[5]. Но в книге Н.Н. Медведева, как и в других публикациях, посвященных Ю.А. Филипченко, недостаточно, если не сказать – мало, отражена та научная и человеческая среда, в которой сформировалась личность ученого и в которой он жил и работал. Именно этот пробел мы и старались заполнить в подготовленном сборнике. В книге достаточно полно представлены ближайший круг и судьба лиц, окружавших Филипченко. В общении с ними Юрий Александрович сформировался как ученый и педагог, и с их помощью и во взаимодействии с ними он создал ту знаменитую кафедру, 100-летие которой отмечается в 2019.

Существенная часть готовящейся книги, к сожалению, абсолютно невоспроизводима в рамках настоящей публикации: это большая коллекция фотографий, собранная авторами и связанная с Ю.А. Филипченко и его окружением. Многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Два протагониста – учитель Ю.А. Филипченко В.Т. Шевяков и младший брат Александр Александрович Филипченко – уже ранее были героями моих выступлений в рамках «Биографики»[6], что избавляет меня от необходимости описывать в настоящем сообщении их судьбы.

Большинство первых сотрудников Ю.А. Филипченко, как и он сам, были выпускниками Зоотомического кабинета и, следовательно, по начальному образованию зоологами. Широта биологического образования в тогдашнем университете, и в особенности на зоологических кафедрах, давала возможность выпускникам проявить себя в различных областях биологии, и в данном случае в такой тогда новой области знания, как генетика.

Известный отечественный зоолог и цитолог, естествоиспытатель-натуралист в самом широком и лучшем понимании этого слова Иван Иванович Соколов (1885–1972) профессионально был связан прежде всего с Санкт-Петербургским (Петроградским, Ленинградским) университетом и Институтом цитологии АН СССР. В университете, который Соколов окончил в 1909, он застал плеяду замечательных ученых и преподавателей-биологов и был близко знаком практически со всеми, кто составил славу советской биологии. Так, Иван Иванович начал работать с Ю.А. Филипченко (1922) на кафедре генетики

---

4 *Фокин С.И., Захаров-Гезехус И.А.* К 100-летию кафедры генетики. (В печати.)

5 *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко. 1882–1930. М., 2006.

6 *Фокин С.И.* Забытая жизнь. Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930) // Десятые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». 2012. СПб., 2013. С. 98–109; *Его же.* «Россия уже мало похожа на ту, которую я знал». Жизнь и смерть доктора Александра Филипченко (1884–1938) // Тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». 2015. СПб., 2016. С. 103–123.

и экспериментальной зоологии (КГЭЗ) почти с самого ее основания (1919). Знакомы же они были, вероятно, еще с 1904, так как оба, будучи студентами, специализировались в Зоотомическом кабинете ИСПбУ.

Если бы не печально известная сессия ВАСХНИЛ (1948), вероятно, Соколов продолжил бы работу на кафедре генетики, где он уже был к тому времени профессором и исполняющим обязанности заведующего[7], однако жизнь, а точнее, советская действительность, распорядилась иначе. Формально ученый в 1948 не пострадал, как многие другие генетики[8], но он был лишен возможности работать более пяти лет в любимой им области цитогенетики и после семи лет преподавания на кафедре эмбриологии в 1955 покинул университет, где провел почти 50 лет жизни. С момента основания в Зоологическом институте АН СССР лаборатории цитологии (1955) и организации на ее базе Института цитологии АН СССР (1957) профессор Соколов работал в АН, где возглавлял Лабораторию морфологии клетки. Он был известен не только как первоклассный цитогенетик, но и как всемирно признанный специалист по группе водяных клещей (Hydracarina).

Имя Виталия Михайловича Исаева (1888–1924) едва ли знакомо большинству специалистов-зоологов, и тем более историкам науки[9]. Трагически оборвавшаяся жизнь не позволила этому талантливому ученому вполне проявить свои способности на ниве генетики и экспериментальной зоологии, которую он выбрал для себя не без влияния одного из своих старших коллег и друзей – Юрия Александровича Филипченко, положившего начало петербургской школе генетиков.

В.М. Исаев был главным помощником профессора Ю.А. Филипченко при организации лаборатории (1918), а затем и КГЭЗ (1919). По воспоминаниям друга Виталия Михайловича, Александра Александровича Любищева (1890–1972):

> Это был исключительно жизнерадостный, остроумный, разговорчивый и общительный человек[10] <…>. Среднего роста, худощавый, он отличался по отзывам всех, кто имел с ним дело в длительных экскурсиях, совершенно изумительной выносливостью и ловкостью. В этом, как и во многом другом, он напоминал любимого героя молодежи д'Артаньяна – ловкий, смелый, находчивый, выносливый, великолепный товарищ[11]..

---

[7] Соколов исполнял обязанности заведующего кафедрой генетики животных в эвакуации, в Саратове.

[8] Профессор Соколов получил только взыскание по административной линии за «неправильную позицию в борьбе за мичуринскую биологию».

[9] См.: *Фокин С.И.* Виталий Михайлович Исаев (1888–1924) и экспериментальная зоология в Петербургском-Петроградском университете // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. №1. С. 17–38.

[10] По воспоминаниям современников, В.М. Исаев писал в университете юмористические рассказы и поэмы, героями которых были однокурсники и преподаватели-биологи.

[11] ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

К этой характеристике В.М. Исаева следует добавить написанное о нем самим Ю.А. Филипченко:

> Это был человек совершенно исключительной энергии, благодаря которой ему и удалось, приступив к работе в лаборатории еще молодым, начинающим ученым, за 5 лет произвести несколько таких крупных исследований, которые сразу создали ему заметное положение в науке[12].

Исаев поступил в ИСПбУ в 1907 и специализировался в Зоотомическом кабинете профессора В.Т. Шевякова. Еще в университете Виталий Михайлович начал изучать морфологию и биологию многоножек. После окончания обучения (1911) он был оставлен при Кабинете для подготовки к профессорскому званию, однако скоро ему надолго пришлось отвлечься от науки. Всю Первую мировую войну (не считая нескольких месяцев после ранения) ученый был на фронте, пройдя путь от прапорщика до капитана. Уже при большевиках (1918) он сдал магистерские экзамены и с 1919, защитив магистерскую диссертацию, стал читать практический курс «Экспериментальная зоология» на новой кафедре Ю.А. Филипченко. Собственные экспериментальные исследования Исаева касались проблемы органической индивидуальности и проводились на пресноводном полипе Hydra. Несколько опубликованных им статей говорят о значительном научном потенциале ученого, который, к несчастью, ему не удалось реализовать. Во время экскурсии в горы Кавказа в августе 1924 В.М. Исаев был убит бандитами.

Трагически сложилась судьба еще одного из ближайших помощников Ю.А. Филипченко в первые годы существования КГЭЗ Петроградского университета, выпускника этого же университета Дмитрия Михайловича Дьяконова (1893–1923). Один из пионеров отечественной генетики и, безусловно, весьма перспективный экспериментальный зоолог успел сделать в науке обидно мало – он умер, не дожив до 30 лет. Тем не менее история становления первой в России кафедры генетики без упоминания имени Д.М. Дьяконова была бы неполной. Собственно, кроме имени, обычно об этом сподвижнике профессора Филипченко в литературе до сих пор не сообщалось ничего[13].

Дмитрий Михайлович окончил в Санкт-Петербурге Тенишевское училище и поступил в университет в 1911. Как и все предыдущие герои этой публикации, он специализировался в Зоотомическом кабинете, но уже при профессоре В.А. Догеле (1882–1955). В 1911–1916 Дьяконов работал на Мурманской биологической станции, где изучал простейших (грегарин – Gregarinia) –

---

[12] *Филипченко Ю.А.* Лаборатория генетики и экспериментальной зоологии // Труды Петергофского естественно-научного института. 1925. № 1. С. 44.

[13] См.: *Фокин С.И.* «Интерес мой к области генетики растет». Короткая жизнь зоолога Д.М. Дьяконова (1893–1923) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 4. С. 52–69.

паразитов иглокожих (голотурий – Holothuroidea). После окончания обучения с дипломом первой степени в 1916 ученый получил место ассистента во вновь организованном Пермском университете, где он работал до 1921. В Перми ученый заинтересовался генетикой и начал экспериментальные и биометрические исследования насекомых-уховерток (Forficula, Dermaptera). О них он писал в Петроград летом 1918 Ю.А. Филипченко следующее:

> Интерес мой к области генетики растет. К сожалению, за это время я успел только кое-что почитать – проштудировал основательно де Фриза, прочитал Pearl'a (Modes of research in genetics) и штудирую Johannsen'a[14]<…>. В конце этого лета, которое я провел близь Перми, я наткнулся на довольно богатое «месторождение» обыкновенных уховерток и решил попытаться использовать этот материал[15]. <…> Мне захотелось повторить работу Бэтсона, сравнить результаты, и, если окажется возможным, разводить уховерток в неволе – поставить опыты с наследованием этого диморфизма самцов <…>. У меня имеется свыше 400 самцов в спирту и свыше 100 живых. <…> Буду так же очень благодарен, если Вы что-нибудь выскажете по поводу моей предполагаемой работы и дадите какие-нибудь советы[16].

Уже в 1920 Д.М. Дьяконов начал готовиться к возвращению в Петроград, на кафедру Ю.А. Филипченко. Юрий Александрович активно способствовал этому переходу.

«Согласно заявлению Отделения биологии учреждена третья должность преподавателя (ассистента) по Кафедре экспериментальной зоологии и генетики. Представленный отделением кандидат на эту должность Д.М. Дьяконов единогласно избран факультетом в ассистенты университета с 1-го июня 1921 г. при 18 часах занятий в неделю», – гласит запись в протоколах заседаний Физико-математического факультета Петроградского университета[17]. Летом 1921 Д.М. Дьяконов вернулся в Петроград и активно включился в научную и преподавательскую работу на КГЭЗ.

В декабре 1922 в Петрограде проходил I-й Всероссийский съезд зоологов, анатомов и гистологов, в организации которого Ю.А. Филипченко со своими учениками принял активное участие. С 15 по 20 декабря в помещениях

---

[14] *Raymond P.* Modes of research in genetics [Методы генетических исследований] // The plant World. Vol. 19. 1916. № 8. P. 243–245; *Johannsen W.L.* Elemente der exakten Erblichkeitslehre. [Элементы точного учения наследственности.] Jena, 1909. Упоминаемые генетические работы – одни из первых в этой области и теперь считаются классическими.

[15] Насекомые отряда Dermaptera, самцы которых обладают на брюшке особым приспособлением для копуляции – «клещами» – видоизмененными церками.

[16] ОР РНБ. Ф. 813. Д. 293. Л. 3об.–5.

[17] АСПбГУ. Оп. 1. Св. 21. Д. 176. Л. 2–3.

кафедры Ю.А. Филипченко работала секция генетики и экспериментальной зоологии[18]. На ее заседаниях с результатами своих исследований дважды выступал Д.М. Дьяконов. Вместе с Я.Я. Лусом Дьяконов представил на съезде сообщение «О наследовании специальных способностей у человека», выполненное в рамках работы Бюро по евгенике, начатой еще до формального основания этой организации в Петрограде в феврале 1921. Материалом для этого доклада послужили ответы 330 ученых Петрограда на специальную анкету, распространенную среди членов Дома ученых в начале 1921. Параллельно результаты были опубликованы и в только что основанном печатном органе Бюро – «Известиях Бюро по евгенике».

На том же съезде Д.М. Дьяконов сделал доклад «О диморфизме *Forficula* и о диморфной изменчивости вообще». В этом сообщении ученый обосновал сложную зависимость между появлением в одной популяции насекомых самцов двух морфотипов (с короткими и длинными щипцами) и условиями существования этой группы особей. В это же время он почти полностью подготовил соответствующую статью на английском языке. Однако весной 1923 Д.М. Дьяконов тяжело заболел и не смог довести эту работу до конца. Фактически ее не переведенная на английский язык обширная вводная часть о происхождении диморфной изменчивости была использована для русской публикации[19]. Этих двух статей автор уже не увидел опубликованными – 30 сентября 1923 он скончался от туберкулеза надпочечников[20].

На освободившуюся после смерти Дьяконова ставку был приглашен из Киева Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975), представляя которого в заседании факультета 29 октября 1923 Ю.А. Филипченко характеризовал как «ценного работника и очень желательного сотрудника»[21]. Эта характеристика оказалась провидческой, и вполне вероятно, если бы Добржанский вернулся в Ленинград из своей американской командировки (1927–1929), кафедра генетики ЛГУ смогла бы стать уже в 1930-е годы крупнейшим центром генетико-эволюционных исследований в Европе. Впрочем, эта возможность вряд ли могла быть реализована в тогдашнем СССР, а Добржанский, ставший

---

[18] В начале января 1922 подразделение переехало в помещения бывшего Историко-филологического института (Университетская наб., 9), где Ю.А. Филипченко было отведено шесть комнат на первом этаже (см.: ОР РНБ. Ф. 813. Д. 9. Л. 3, 11). На секции было представлено 32 доклада из Петрограда, Москвы и Перми (см.: Труды Первого Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов. Секция экспериментальной зоологии и генетики / Дерюгин К.М. (ред.). Пг., 1923. С. 141–166).

[19] *Дьяконов Д.М.* Диморфная изменчивость как результат сложной реакционной нормы // Известия Бюро по евгенике. 1926. № 4. С. 97–104; *Diakonov D.M.* Experimental and biometrical investigations on dimorphic variability of *Forficula* // J. Genetics. 1925. Vol. 15. № 2. P. 201–232.

[20] Запись в дневнике Ю.А. Филипченко: «В самом начале семестра скончался 30 сентября 1923 г. от туберкулеза надпочечников Д.М. Дьяконов. Его место занял Ф.Г. Добржанский, бывший преподаватель Киевского политехнического ин[ститу]та» (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 9. Л. 15об).

[21] АСПбГУ. Д. 911. Л. 1. Добржанский был зачислен ассистентом на кафедру генетики и экспериментальной зоологии ПтГУ с декабря 1923.

невозвращенцем, полностью состоялся в США как генетик-эволюционист мировой величины[22].

Ф.Г. Добржанский родился 12 января 1900. В его родословной слились польские и русско-украинские корни[23]. Добржанский окончил гимназию в Киеве и в 1917 поступил в местный университет. Первым научным увлечением его была энтомология, по которой он уже в 17 лет опубликовал статью, посвященную божьим коровкам. В 1922 Добржанский получил первые линии плодовой мушки (Drosophila melanogaster) – признанного в США генетического модельного объекта – и начал исследования в этой области биологии. Зимой 1923/1924 Феодосий Григорьевич переехал в Петроград и начал работу на КГЭЗ Петроградского-Ленинградского университета, став ближайшим сотрудником Филипченко. В конце 1927, благодаря усилиям Ю.А. Филипченко, Добржанский получил стипендию Рокфеллера для годичной работы в знаменитой генетической лаборатории Т. Моргана (США). После продления стажировки еще на год Dobzhansky (так стала писаться фамилия ученого в Америке) все еще собирался вернуться в СССР, но после смерти Филипченко и значительных колебаний решил этого не делать. В августе 1931 ученый окончательно остался в США.

В середине 1930-х Ф.Г. Добржанский добился очевидного признания в Америке: в октябре 1936 он прочел курс лекций в Колумбийском университете, на основе которого вскоре была написана книга «Генетика и происхождение видов» (1937), сделавшая автора одним из отцов синтетической теории эволюции. Авторитет Добржанского среди генетиков и эволюционистов постоянно рос и после Второй мировой войны. Благодаря специально сделанному Добржанским английскому переводу «труда» Т.Д. Лысенко англоязычный научный мир смог убедиться в бредовости «мичуринской генетики». Однако на родине он продолжал числиться невозвращенцем. Несмотря на его желание побывать в СССР в 1960-е, в советской визе ученому было отказано. Он умер в США от сердечного приступа 18 декабря 1975.

Янис Янович Лус (1897–1979) еще студентом начал участвовать в генетических исследованиях, проводившихся на КГЭЗ и в ПЕНИ под руководством профессора Ю.А. Филипченко. Последний в начале 1920-х годов увлекся евгеникой и в организованном им Бюро по евгенике проводил обследование разных групп интеллигенции Петрограда-Ленинграда.

Кроме участия в этих исследованиях, немногочисленные сотрудники Ю.А. Филипченко изучали изменчивость различных беспозвоночных принятыми в то время биометрическими методами. Первые публикации Я.Я. Луса

---

[22] *Конашев М.Б.* Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 241–263.

[23] Кроме того, Ф.Г. Добржанский был внучатым племянником Ф.М. Достоевского: мать Феодосия Григорьевича, Софья Васильевна, была дочерью Олимпиады Ивановны Войнарской, двоюродной сестры Федора Михайловича; их общий дед – Андрей Григорьевич Достоевский.

относятся и к одному, и к другому из вышеупомянутых направлений исследований.

С 1926 Лус участвовал в животноводческих экспедициях КГЭЗ в Среднюю Азию, целью которых было генетическое изучение локальных популяций домашних животных (яков, овец, лошадей). Помимо генетики домашних животных, Лус всю жизнь занимался и генетикой божьих коровок (род Adalia).

В 1934 Институт генетики АН СССР, созданный на базе генетической лаборатории профессора Филипченко, переехал в Москву, и Лус работал там (с перерывом на войну) до 1948. В результате гонений на классическую генетику и генетиков после августовской сессии ВАСХНИЛ, профессор Лус несколько месяцев был безработным. В 1949 он получил место профессора зоологии в Рижском университете, где работал до смерти (1979), читая лекции по различным разделам зоологии, а после 1964 – и по генетике.

После смерти Филипченко заведующим КГЭЗ был избран А.П. Владимирский (1886–1939), также выпускник Зоотомического кабинета, где он учился и при профессоре В.Т. Шевякове, и при профессоре В.А. Догеле. Как и его предшественник, Александр Петрович скончался в полном расцвете сил в возрасте всего 53 лет.

А.П. Владимирский родился в Крыму в семье сельского священника и получил аттестат о среднем образовании в Ялте. В ИСПбУ он учился с 1907 по 1913, затем работал в Кабинете ассистентом (1916) и доцентом (1925). При этом он активно помогал Ю.А. Филипченко в организации лаборатории и кафедры и, таким образом, был полностью в курсе работы КГЭЗ. Более того, в 1928 Владимирский работал в генетической лаборатории Р. Гольдшмидта (Берлин), одном из главных генетических центров Западной Европы. В 1932, когда КГЭЗ была разделена на два подразделения (кафедры) – генетики животных и генетики растений, профессор Владимирский возглавил кафедру генетики животных, как и соответствующую лабораторию в ПЕНИ. Во время заведования кафедрой Александр Петрович концентрировал свои работы на изучении мутационных процессов у животных в природных и лабораторных условиях. Среди его учеников в это время был и М.Е. Лобашёв (1907–1971), ставший заведующим кафедрой с 1957 и начавший возрождение классической генетики в СССР.

Материалы, собранные нами в подготовленной книге, конечно, не представляют собой в полной мере историю возникновения и первых этапов становления кафедры генетики Санкт-Петербургского университета. Однако наряду с уже опубликованным[24] они, безусловно, являются частью этой, пока

[24] *Кайданов Л.З.* Формирование кафедры генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете (1913–1920) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 6–11; *Горощенко Ю.Л.* Юрий Александрович Филипченко – основатель отечественной генетической школы // Исследования по генетике. СПб.: СПбГУ, 1994, вып 11. С. 12–22; *Ватти К.В.* Разгром генетики в Ленинградском университете (августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г.) // Исследования по генетике. СПб.: СПбГУ, 1994. Вып. 11. С. 85–90; *Инге-Вечтомов С.Г.* К 90-летию кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного университета // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 1. С. 110–112.

полностью не написанной истории. Включенные в книгу очерки об ученых – участниках создания нового подразделения тогдашнего Физико-математического факультета Петроградского университета, рисуют, на наш взгляд, достаточно полную картину становления и начального развития коллективов двух первых отечественных генетических учреждений – КГЭЗ Петроградского университета и Бюро по евгенике / Бюро по генетике при Российской академии наук. Оба эти учреждения были созданы вскоре после 1917 выдающимся ученым и организатором науки Ю.А. Филипченко.

Отличавшие Юрия Александровича преданность науке, принципиальность, высокая интеллигентность были восприняты и долго сохранились в среде его учеников, работавших в организованных Филипченко учреждениях. Ленинградская школа генетиков, с ее «отпочкованием» в Москве, куда был переведен выросший из Бюро по евгенике Институт генетики Академии наук СССР, десятилетия оставалась среди ведущих отечественных научных школ в этой области биологии. Таковой она является и в настоящее время.

Татьяна Шманкевич

«Только не дай бог никому такого счастья». Чтобы трагедии не повторялись, о них нужно помнить

Татьяна Юрьевна ШМАНКЕВИЧ

кандидат социологических наук, ассоциированный научный сотрудник Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург

Вместо вступления

С Сатеник Фарамазян и Тиграном Паскевичяном мы встретились в сентябре 2016 на Байкальской школе[1], где они представляли свой фильм «Родина моя холодная». Сразу после школы Сатеник и Тигран уезжали на Алтай снимать свою следующую картину. Перед Новым годом от них пришло письмо с просьбой посмотреть документальный фильм «Правила биографии»[2] и прислать на него рецензию. В ответ я предложила организовать презентацию и обсуждение фильма на Шестнадцатых чтениях памяти В.В. Иофе «Право на имя. Биографика 20 века». Презентация состоялась, «Правила биографии» вызвали большой интерес, и в своей статье я попытаюсь не просто передать содержание фильма, а рассмотреть его с точки зрения сохранения исторической памяти.

---

[1] IX Байкальская международная школа социальных исследований «Исследование и документалистика: интерпретация, публикация, экспонирование частной памяти». Иркутск – пос. Хужир (остров Ольхон), 9–16 сентября 2016.

[2] URL: https://drive.google.com/file/d/0Byzc5LrVargnWGJXdm9oUEYxR2M/view?usp=sharing.

Авторы фильма Тигран Эдуардович Паскевичян (руководитель проекта, сценарист) и Сатеник Андраниковна Фарамазян (продюсер фильма, исследователь, работающий с фотографиями, хроникой, личными архивами и прочими документами) не социологи. Но фильм можно без натяжек рассматривать в качестве успешного социологического исследовательского проекта, в фокусе которого – не просто история послевоенной депортации армян в Алтайский край, а скурпулезное изучение того, каким образом в наше время эта история сохраняется и воспроизводится. Сейчас уже не надо доказывать, что единой объективной истории не существует. Поэтому вместо глубинного погружения в дискуссию ограничусь упоминанием концепции коммеморации Пьера Нора, в которой историческая память интерпретируется не как статичный конечный продукт, но как активный процесс. В отличие от истории, которая случилась в прошлом, историческая память – это то, что происходит здесь и сейчас. Поскольку ее акторами[3] выступают живые социальные группы, память находится в постоянной эволюции, в диалектической логике запоминания и амнезии.

Во французском языке память – это «la mémoire», а «la commémoration» означает поминовение или, иными словами, конструирование того, что мы помним и, следовательно, того, что мы знаем. В концепции Пьера Нора понятие «коммеморация» – это не просто актуализация событий, образов и персоналий прошлого в контексте современных воззрений и потребностей, это *возможность истории*[4]. Задача исследователя – описать эту возможность истории, попытавшись понять, каким образом, кем и в каких целях актуализируется именно данное представление о прошлом.

При обсуждении исторических событий высказывания формата «*на самом деле это происходило так*» звучат как минимум ненаучно, наивно. В предлагаемой статье не будет рассказа о том, как «на самом деле» проходила депортация армян. Это будет попытка реконструировать процесс становления современного знания (знаний) об этой трагедии. Выражаю искреннюю благодарность Сатеник и Тиграну за предоставленную информацию, без которой этого текста не было бы.

«Возвращение на круги своя»

В 2011 Тигран Паскевичян и Сатеник Фарамазян приступили к сбору материала о большой репатриации армян 1946–1949 годов. О том, что послужило импульсом для этой работы, Тигран так рассказал в интервью для Radio France International:

---

[3] Словосочетание «носители памяти» привычней, чем «акторы памяти», но оно не подходит для нашего контекста, так как не отражает активной сущности процесса конструирования исторической памяти.

[4] Об этом подробнее: *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

> Я родился в Советском Союзе, мне 52 года. Половину своей жизни я прожил в советское время, а половину – в постсоветское. У меня возник интерес изучить, что такое советскость. Однажды в учебнике моей дочери я прочитал о репатриации. Я, конечно, знал, что она была. В учебниках по истории об этой огромной репатриации была написана всего одна строчка. Я начал заниматься этим вопросом, увидел, что никогда никто его не изучал, и решил снять фильм[5].

То, что никогда никто не изучал этот вопрос, – не совсем точно. Так, советский дипломат и журналист Яков Ломакин (1904–1958) отмечал, что победа Советского Союза над фашистской Германией вскружила головы многим мигрантам и в советские консульства стали подавать большое число запросов о репатриации, в том числе от армянских диаспор[6]. Вопрос репатриации армян рассматривался в тренде панармянского проекта по возвращению Армении части земель, захваченных Турцией в 1915 (Карс и Ардаган). Так как это не противоречило сталинским имперским планам, в ноябре 1946 было принято решение СНК СССР от 21 ноября 1946 «О мероприятиях по вопросу возвращения зарубежных армян в Советскую Армению». После этого за 1946–1949 было репатриировано 90 тыс. людей из 12 стран. Более 360 тыс. выразили желание переехать на жительство в Армянскую ССР[7].

И все же надо признать, что до последнего времени репатриационная советская кампания 1946–1949 годов была изучена лишь фрагментарно. Среди современных исследователей, занимающихся этой проблемой, прежде всего следует назвать Наталью Аблажей. Найдя в интернете ее статью, Тигран и Сатеник установили с Аблажей контакт, который обернулся многолетним плодотворным сотрудничеством. В частности – организацией совместного проекта «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти»[8].

Почти с самого начала работы Тиграну и Сатеник стало понятно, что временные рамки их исследования гораздо шире, чем 1946–1949 годы. В результате родился проект «Возвращение на круги своя», включающий три документальных фильма об армянской миграции[9]. Первый фильм «Родина моя

---

5 Интервью записано в 2017. См.: *Габриелян Е.* Фильм о репатриации армян: стремились к Арарату, оказались в ГУЛАГе // Голос со всего мира / Кавказ. 17.03.2017. URL: http://ru.rfi.fr/kavkaz/20170317-v-parizhe-pokazali-film-o-repressiyakh-stalina-protiv-armyanskikh-repatriantakh.

6 Репатриация армян. URL: https://sites.google.com/site/jacoblomakin/biografia/nu-jork-1946-1948-gg-holodnaa-vojna/4-7-repatriacia-arman.

7 *Казинян А.* Перепись населения: что за цифрой // Голос Армении. 03.11.2012. URL: http://www.golosarmenii.am/article/16670/perepis-naseleniya-chto-za-cifroj3.

8 По результатам проекта был издан сборник: Депортация армян 14 июня 1949 года: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск, 2016. С. 230.

9 Помимо этого, создан сайт www.hayrenadardz.org, организована выставка «Человек перед лицом насилия».

незнакомая» – рассказ о том, почему мигранты, в том числе успешные, состоятельные люди, возвращались в послевоенную советскую Армению и чем обернулось для них возвращение на историческую Родину. Второй фильм «Родина моя холодная» – по сути, логическое продолжение истории, как вместо обещанного советского рая заклейменные как «дашнаки»[10] армянские репатрианты (и не только они) оказались в ссылке в Алтайском крае. Третий фильм «Последняя мечта, или Game Over» анализирует проблему, почему репатрианты при первой же возможности покидали Армению.

«Правила биографии»

Во время работы над вторым фильмом трилогии, посвященным сталинским репрессиям и массовой депортации армян, съемочная группа побывала на Алтае. Именно в этот край в 1949 году на вечное поселение были сосланы только из Армении около 13 000 армян, в том числе 1578 вновь прибывших репатриантов. Вот как об этом пишет Наталья Аблажей:

> Власть и силовые структуры аргументировали необходимость принудительных переселений борьбой с националистическим подпольем и необходимостью ускоренной советизации. <…> Кульминационной точкой спецоперации стала ночь с 13 на 14 июня 1949 г. За два часа до полуночи начальникам оперативных секторов по высокочастотной связи была спущена директива МГБ СССР о начале спецоперации «Волна». Предписывалось провести выселение в установленные сроки и единовременно по всей территории республики. Операция стартовала в полночь и должна была завершиться с рассветом. Негласное наблюдение за местами проживания высылаемых обычно устанавливалось еще накануне. Само выселение проводили специальные оперативные группы, которые ближе к полуночи прибыли по заранее намеченным адресам и приступили к «подъему семей». <…> Инструкции рекомендовали при выселении проводить обыски с целью возможного изъятия «антисоветских документов, оружия и т. д.». Основное внимание уделялось оформлению бумаг, а через них и проверке наличия всех намеченных к выселению лиц. При приезде на станцию начальник оперативной группы был обязан сдать семью не только в строго определенный эшелон, но и в строго определенные вагоны, обозначенные для посадки. Связано это было с тем, что одновременно высылались три контингента, каждый из которых предназначался для разных регионов: «дашнаки» ехали на Алтай, «турки» – в Нарым, греки – в Казахстан, вследствие чего категорически запрещалось «смешение контингентов в одном вагоне[11].

---

[10] Дашнаки (официальное название на русском языке: Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн») традиционно считаются оплотом армянского национализма и антикоммунистической идеологии.

[11] *Аблажей Н.* Армянская депортационная кампания 1949 года // Депортация армян 14 июня 1949 года. Указ. изд. С. 173–182.

О том, как эти без вины виноватые псевдодашнаки ехали на Алтай, как им удалось пережить эту ссылку, рассказывает фильм «Родина моя холодная». Съемки ленты проходили в Армении, США, Франции и в 2013 году в Барнауле, где было записано несколько интервью для фильма. Понимая, что собранным материалом тема не исчерпывается, авторы решили обязательно еще раз вернуться на Алтай. Как вспоминает Сатеник Фарамазян: *«Просто выкроила немного финансирования, и мы поехали на Алтай. Наталья Аблажей к нам присоединилась»*.

Фильм «Правила биографии» снимался в 2016 на территории Заринского и Залесовского районов Алтайского края. «Всего в Алтайский край в конце июня 1949 г. прибыло 13 основных и в начале октября 3 дополнительных вагона с выселенцами-армянами»[12]. Но так как после смерти Сталина все армянские семьи получили возможность покинуть эти суровые места, авторы фильма записали воспоминания не самих переселенных армян или их потомков, а рассказы местных очевидцев. На протяжении всего фильма алтайские старожилы вспоминают истории об армянских поселенцах. Эти рассказы 60-летней давности перемежаются с собственными воспоминаниями о пережитом, с оценочными суждениями о том далеком времени, в котором им всем вместе выпало жить. В итоге фильм предоставляет богатый материал не только для реконструкции истории насильственного переселения армян в сталинский период, но и для восприятия сталинской эпохи в целом.

На вопрос, откуда такое название фильма – «Правила биографии», – Тигран и Сатеник ответили, что подходящее название искали долго, «*пока не увидели в подтексте нарратива определенные закономерности, предопределяющие биографию советского человека*». Авторы не ставили перед собой одиозной задачи воссоздания коллективной биографии советского человека, но снятый ими фильм убедительно показывает, что истории, проходящие через нашу жизнь, чужими не бывают. Вероятно, эта «разделенность» советского опыта и задает фильму особую доверительную тональность. Поэтому в название статьи осознанно включена цитата из интервью старожила, вспоминающего не конкретно о ссыльных армянах, а об общей участи людей, проживающих в этом крае.

«Такого счастья я не желаю никому»

В концепции коммеморации Пьера Нора понятие «ме́ста памяти» («lieux de mémoire») занимает центральное место и определяется через главную функцию сохранения коллективной памяти. При этом в качестве «ме́ста памяти» могут выступать не только географические места и памятники, но и люди, события, явления. Именно в такой неразрывности и предстают перед зрителями Алтайский край, живущие в нем люди и те события, о которых они вспоминают.

---

[12] Цит. по: *Олюнина В.* Наталья Аблажей уточняет данные по репатриации и депортации армян в 1940–50 гг. // Армянский музей Москвы и культуры наций. URL: https://www.armmuseum.ru/news-blog/2017/10/9/-1940-50.

Хотя фильм «Правила биографии» изначально был задуман как действенный инструмент в борьбе против возрождения сталинизма и реставрации этой идеологии в Армении, зритель практически не ощущает авторского давления. В этом фильме, в отличие от трилогии «Возвращаясь на круги своя», авторы постарались минимизировать свое присутствие. Избегая исторических справок и собственных политических оценок, они предоставили слово очевидцам тех давних событий, иллюстрируя их рассказы картинами повседневности сегодняшнего Алтая.

Съемки начинаются в селе Тягун. Заброшенный участок леса, который далеко не сразу идентифицируешь как кладбище. Местный краевед Виктор Тырышкин взялся показать армянские захоронения:

Вот в этом месте имеются захоронения. Пойдемте, я вам покажу. Только смотрите под ноги. Я вот перешагнул. Вот тут за елочкой холмик имеется. Наверное, тоже. Вот памятник, тоже 54-й год. Проходим дальше. Вот Нерсесян. Дальше надо посмотреть. Вот, наверное, тоже что-то связано. Табличка, может, с той стороны. Ну да. Вижу тут надпись. Посмотрите, это 1909–1953 год. Проходим дальше. Вот видите, наверное, тоже было захоронение. Это памятник. Может быть, меняли, а может, выкинули. Так, ну давайте посмотрим. Здесь уже навряд ли. Так, дальше. Вот с самой Галиной поговорите. Она постарше меня, конечно. Может, что-то знает[13].

Заброшенное кладбище – как метафора памяти. Вот уже много лет никто не вспоминал об армянских могилах. Да и прочие захоронения тех лет выглядят не более ухоженными. Далеко не везде есть таблички, встречаются просто безымянные холмики. Но сохранились воспоминания живых людей. Верней, оставшихся в живых местных старожилов.

Галина Максимова (село Тягун):

– Никто никогда не спрашивал про армян. Первый раз вот вы. Я даже удивилась. И даже как-то интересно, растерялась. Про семью Григорян немножко расскажу. Ну, как мы его звали: дядя Гриша, тетя Валя. У них была дочка Мариэтта. С Мариэттой мы дружили. Жили они у нас. Когда они приехали, я не помню. Но жили прямо у нас во дворе, в летней кухне. Потом дядя Гриша построил избушку, которая в Больничном переулке. <...> Это улица Больничная, как была, так и есть. Ну, тут уже перестроено. А вот с той стороны <...> вот эту половинку они строили сами. Тоже была комната и кухня. <...> И вот они ее строили, видишь как, вот плетеная. Где-то бревно, где-то это. Ну и потом они жили. Открыть не можете [вопрос к односельчанину***. – Т. Ш.***]*? Видишь, как делали?*

[13] Все интервью из фильма приводятся в аутентичной транскрипции и в тексте статьи выделены курсивом.

Утепляли. Холодно. Зимы холодные. Зимы очень холодные были. Под 50 градусов. <...> Вот сейчас он это откроет. Конечно, там уже... Но как было, так и есть. Как печка была, все так же.

– А кто там сейчас живет?

– Да никто не живет. Видишь, вот тут уже все завалилось. <...> Вот такая... как была печка, так и есть, ее переделывали. Вот это комната. Вот тут уже все провалилось. Это была комната. Это была кухня. Дядя Гриша готовил всегда очень вкусно. Эту его бастурму я никогда не забуду. Бастурму сушили на крыше, на этой избушке. А мы с Мариэткой лазили, дергали ее, ели, отрезали кусочки и ели. Ну а Мариэтта закончила первый класс, и в 56-м году, по-моему, по осени, они уехали. <...> Я родилась здесь. Мой дед был белорус. Но они наполовину... дед наполовину казак. Они тоже, скорей всего, сюда попали не просто так. Но тоже никогда не говорилось в семье.

Андрей Вуккерт (город Заринск):

– Я родился в Саратовской области, в городе Красноармейске, южней Саратова 70 километров. Мать была в трудармии. Отец был взят по 58-й статье. Это политическая статья. 10 лет или высшая мера. Приехал сюда в 41-м году 3 октября. Добровольно-принужденно [смеется***. – Т. Ш.***]. *Переселили. Переселили. Как тебе сказать?.. Из-за недоверия. Если вам надо, у меня есть даже приказ Сталина о переселении нашем. Можете сфотографировать его. Как недоверие. Мы же там кучно жили, а война началась – они боялись, что мы бунты. Первый, что я встречал из армян, но я фамилии не знаю, был... Лева его звали. Инженер-электрик. Был Хачатурьян, Месисьян, Табакьян. Вот этих я фамилии запомнил. Они каменщиками работали. Когда надо, лес заготавливали. И я вместе с имя в тайге был. Рабочие руки нужны были. С работы придешь и... топор на плечо – и на другую работу. Что они потерпели, так и мы потерпели. Сталинские законы. Ну как сейчас сказать? Жаловаться на кого-то невозможно было. И зачем?.. Это шило – подарок мне от Хачатурьяна. Когда они собирались уезжать в Армению, он стоял на базаре и кое-что из мелочи продавал, чтобы не тащить обратно. А так как мы дружили с ним и работали вместе, он мне подарил как память. Валенки подшивать... что надо. Ну у меня и свои есть, но это как память осталось.*

Таисия Красикова (город Заринск):

– Вот их везли по нашей улице туда, в сторону Кемеровской области, мы видели. Вот я слышала, как они пели песни на своем языке. Много армян стало, семей армянских. А стали их расселять, кто смог, приняли. И они вот... Мама у нас была гостеприимная очень. Всех она накормит. И они пришли, ну и у нас жили три года. Вот муж и бабушка Варсеник. И два сына, Михаил

и, ну, по-русски уже их звали... и Александр. Они работали в поселке Рассыпная, 30 километра от нас. Ездили они вот каждую субботу, в лесу работали и приезжали по выходным, на субботу-воскресенье. Она у нас вообще гостеприимная была, мама. Трудяга такая. Да она и, мать-то, тоже, господи, пережила всего. Отца-то раскулачивали. Кулаки были. Два раза их раскулачивали, и бабушку мою вместе с дедом выслали в Нарым. Шесть лет они в Нарыме пробыли. Два мальчика были. Одному 12 лет, одному семь. И они там шесть лет пробыли, в Нарыме, а потом приехали... они там, где жили... в Луговике. И его по линии НКВД в 37-м году забрали – и все. Пришли и забрали. Ну, как враг народа. Как вроде враг народа. Что он делал? За то, что трудился, как пчелка. Ну и потом, помню, мама говорила, пришло письмо ей из тюрьмы от деда: вышлите мне носки теплые и чеснока. Но не разрешили ей выслать. А потом так он там и умер. Тоже пережили сколько много...

Юрий и Надежда Некрасовы (город Заринск):

– И везли их на лошадях. Мне запомнилось, значит, ну, скарб, это само по себе, две вещи. И почему-то эти телеги были застланы коврами, и они сидели на коврах. Мы тогда такой красоты не видели. Вот они все были будто бы ярко-красного цвета такого. Ехали они так молча. Осматривали эту местность, куда нас везут, ну, чувствовалась такая растерянность. Ну, мы стояли у дороги. Везут, везут, мы стоим. Как ребятишки, есть ребятишки.

– Среди них семьи врачей. Семьи, значит, портных, семьи фотографов, сапожников. Скорее всего, это были депортированные армяне, которые, согласно распоряжению Сталина, были сосланы к нам сюда в Сибирь и на Алтай. Ну, в общем, они все были востребованы в тех тяжелых послевоенных условиях. Вот это я хорошо помню.

– Адская работа. Адская работа. Адская. Как таковых механизмов не было, пилили все вручную, ручными пилами. Кряжевали там по размерам сколько, все было, все было вручную. Вручную, вручную. А весной уже, когда половодье наступало, реки поднимались, вот они этот лес сплавляли, значит, и сплавом он шел в лесокомбинат.

– У нас первые армянские дети появились, когда я училась в третьем классе, это 53-й год. Это уже моя одноклассница была и Женечка, и Левка у нас Мнацаканян тоже учился в этом классе. Главная трудность для этих детей, наверное, все-таки не климатические условия, а языковой барьер. Во всех протоколах заседания педагогического совета тех лет я находила фамилии армянских детей, у которых экзамены по русскому языку – 2, запись «оставлен на второй год или на осень» и редко-редко где перевод сразу был по результатам. Вот, пожалуйста, наша любимица. В 1953 году в третьем классе мы вступили в пионеры. И вот такая фотография, где с ошибкой – от армян мы требовали,

кстати, абсолютной грамотности, а тут: «Буть готов» через букву «т» с мягким знаком. «Буть готов», ну... мы под пионерским салютом. И вот Женечка, наша лапочка, и я, по-моему, руку выше всех держим. Мы были готовы к этим испытаниям.

Анастасия Апарина (город Заринск):

– Мне 16 лет было, меня посылали работать поваром на поле, там и армяне были, и работали они. Был армянин на тракторе. И они два брата. Старший за рулем, Раштун был, Бабаян фамилия... забыла, как фамилия-то... я записывала и забыла, а младший Рафик, он был на плугу. Вот это я запомнила. Это был 50-й год. 7 ноября – день рождения советской власти, это установлено, уже было до 30 градусов мороза, и снегу было вот так. Сейчас стало теплее, климат мягче стал, а то вот так было. И это, считай, ноябрь, декабрь, январь, февраль – это все снег, а в марте, апреле уж начнет только таять. Зимы суровые у нас. «Сибирь, Сибирь, люблю твои снега...»[14] Одна девушка простыла, схоронили ее... И шали были вот так на них надеты, шали. А одежда-то у них!.. У нас в Сибири шуба да фуфайка, а у них не было ничего. Это я помню. Я ничего уже не знаю сейчас. Кого бы спросить, кто больше меня знает, с имя работал больше, но этих людей уже никого в живых нет.

Варвара Мальцева (село Тягун):

– Помните, как армян привозили?

– Кой-чё-то помню, а чё не помню, мама рассказывала. Вот она, внучка, уж помнит, а я уже забывать стала. Так они чё-то мало побыли у нас. Потому что негде было жить-то. Холодно же было. Сажали картошки, по 600, по 700 ведер накапывали на семью, если кто не ленивый был. И лопаткой копали все. Картошка есть – значит мы богатые. Все, мы сытые.

Алексей Тимофеев (село Тягун):

– Я помнить, это, не помню. Я только помню, тогда, в то время, в Рассыпной основная была их участковая. Тогда, видите... а они были вольные, они, вообще-то, значит... но под контролем они были милиции, значит.

Павел Марин (село Тягун):

– Дисциплина была лучше, чем сейчас. Это я заключение даю. Раньше прогул сделал – тебя наказывают и выслугой, если ты получаешь, а если

---

[14] Песня Л. Лядовой на стихи Л. Кондырева. Была популярна в 1960-е годы в исполнении С. Машинского и Н. Халезина.

не выслугой, так зарплатой накажут. А сейчас шалтай-болтай. Понимаешь, я, пожалуй, наговорю, за решетку сажать...

– А тогда Вы были счастливы?

– Нормально.

– Нормально или счастливы?

– Нормально, счастливы...

Слова, одобряющие жестокую дисциплину и, по сути, сталинскую репрессивную политику, резко выбиваются из общего контекста записанных нарративов. Но тем самым только подчеркивают уникальность и ситуации, и фильма, не затушевывающего факта, что в восприятии прошлого нет однозначности. Вот как «нормальность» сталинского счастья раскрывается в воспоминаниях других алтайских старожилов.

Полина Куковякина (село Кордон):

– Тут армянскую свадьбу делали. Я даже свадьбу смотрела. Ночью с факелами ходили. Помню, один армян... жена болела, умерла, и осталось два мальчика. Одному, наверное, года четыре было. Другому – лет шесть. И вот они зимой жили в бараке. Выскочат, голые совершенно, и по тропинке сколь пробегут и обратно домой, а он один работал. Сильно бедно жили. Это невыносимо – так жить.

Анна Кузьмина (село Тягун):

– А потом-то они довольные были, рады были и что, видишь, как хорошо все. Пели и плясали, и да, все было. Я одного помню. Размик, он такой шустренький мальчишка был, ну... он уже шофером потом работал, нам доверял руль, мы ездили. Дак вот я его хорошо помню. И одна девушка была с ним же тоже. А вот как звать, я уже забыла.

Агафья Булатова (село Тягун):

– Помню, приехали... они заблудились было, но вот отец ходил, проводил. Познакомилися. Его звали Бала, он... у них девочки Седа, Люся. Мальчик Баграт был. Познакомилися. А мать, она, наверное, русский язык не знала, она все сидела. Вот мы заезжали к им разок, познакомились когда... мы ночевали как-то у них, приглашали. Но вот Седа, она старшая была, она хорошо по-русски разговаривала, мы общалися с ней и на полянку как-то ходили, там играли. Ну, там были еще армянские ребята, играли, но их не знаю, не знакомились. Вообще-то, я тоже и небольшая была тогда, все как-то боялася, тоже нерусские, видишь, приехали, армяне, но вот как-то боялись все.

Виктор Мелбусов (село Кордон):

– Палатки были где-то вот здесь. Такой как поселочек был здесь поставлен. Их привезли же осенью. А это мастерские были. Здесь токарный цех был и, это, моторы делали, двигатели здесь вот. Тут слесаря тоже армяне работали, хорошие были слесаря, учили еще тут вот некоторых парней наших. Народу было много. Народ... Много было армян. И девочки, и мальчики были. В классе седьмом, помню, Паргев был, Багдасарян парень был. Девчонок не помню. Агаян была с первого класса девочка, учились в одном классе. В три смены учились в школе по первости. Небольшая была школа первая. <...>

– По-вашему, почему их выслали?

– Ну не знаю. Иосиф Сталин чё-то там. Так говорили, вроде что Сталин вроде чё-то выселили их оттуда. Чё-то они вроде... не знаю даже путем. Чё-то говорили. Я уж сейчас не помню.

– А Вы помните день смерти Сталина?

– Помню, как раз в марте было. Помню, то ли в третьем классе учился, то ли в четвертом, не помню. Помню, что плакали все, отец родимый умер.

– А после этого жизнь стала лучше?

– После чего?

– После смерти Сталина.

– Да чего она стала лучше-то? Как говорится, крестьянину-то все равно тут шибко, житье-то какое было. Все равно, как говорится, плохо.

Геннадий Решетов (село Тягун):

– Вот что было. Овечку держишь, полторы шкуры отдай. А полшкуры где брать? Свою отдавать? Да там не налоги, а обдираловка была. Картошка еще не успела поспеть, уже приехали. Давай, план надо выполнять. Картошку выкопали, приехали, забрали, все, до свидания. Курицу держишь – сто яиц отдай. А она снесет сто яиц, то ли нет, а отдай. Не отдал – значит на будущий год будешь должен. У-у-у... тогда нам счастье валило вовсю. Только не дай бог никому такого счастья! Я не желаю даже никому, никому, никому. <...> Это не жизнь была, это действительно была каторга. Что они сюда сосланы были на каторгу, а мы по собственному желанию жили на каторге...

Фильм на этом не обрывается. Но слова из этого интервью «*не дай бог никому такого счастья!*» представляются квинтэссенцией разделенной трагедии. Перед нами возникает не просто конструкт общей биографии советских людей, но убедительное напоминание необходимости сохранять память о случившейся в прошлом трагедии, чтобы не допустить ее повторения в настоящем и будущем.

Марина Муравьева

Фрагменты судьбы: барон Георгий Алексеевич фон-дер Остен-Сакен (1888–1937)

Марина Владимировна МУРАВЬЕВА

независимый исследователь

Жизнь, характер, идеология и деятельность моего мужа дают мне полное основание утверждать, что причиной его ссылки являются не его преступления, которых за ним нет, а злая воля отдельных лиц, давших совершенно неверное освещение делу и использовавших в этих целях его «громкую» фамилию.

Из заявления
Е.А. Эллисон Остен-Сакен[1]

В статье воссозданы фрагменты биографии барона Георгия Алексеевича фон-дер Остен-Сакена, представителя старинного дворянского рода Российской империи. Обнаруженные архивные документы периода 1920–1930-х годов позволили восстановить цепь трагических событий, приведших к гибели барона Остен-Сакена, повторившего судьбу большинства представителей титулованной знати в период сталинских репрессий.

[1] Заявление Е.А. Эллисон Остен-Сакен. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1101. С. 33.

Георгий Алексеевич Остен-Сакен родился в 1888 в Митаве[2], в семье барона Алексея Александровича фон-дер Остен-Сакена.

В начале Первой мировой войны добровольцем ушел на фронт. В 1915 получил тяжелое ранение, следствием которого стало *«укорочение левой ноги после огнестрельного перелома левой бедренной кости»*[3]. *«За боевые отличия награжден двумя Георгиевскими крестами и представлен к производству в прапорщики. Опять возвращается в действующую армию»*[4].

11 апреля 1918 в Петроградском городском отделе назначения пенсий от казны подпоручику 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка Георгию Алексеевичу фон-дер Остен-Сакену была назначена пожизненная пенсия как *«военно-увечному»*[5]. Несмотря на инвалидность, в том же 1918 он добровольно вступил в Красную армию, и только туберкулез легких, перенесенный в 1922, заставил барона покинуть службу.

10 марта 1922 Георгий Алексеевич демобилизовался и возвратился в Петроград, в квартиру на Фонтанке, 52, где он жил со своей женой Ольгой Александровной Остен-Сакен (урожденной Коль)[6].

Всего через несколько месяцев, 5 августа 1922, уехал в Петрозаводск[7], где устроился работать бухгалтером в трест «Петролес»[8]. В марте 1923 он получил приглашение стать председателем вновь созданного яхт-клуба. Первый в Карелии яхт-клуб декларировал цели по развитию парусного, гребного, моторного спорта, плавания, возбуждение в населении интереса к воде и сближение между собой любителей водного спорта. Уставом были предусмотрены членские взносы в размере 2 % от оклада и дисциплинарные требования, за нарушение которых ждало исключение из клуба.

Почти сразу после открытия между председателем-бароном и членами клуба стали возникать разногласия, которые скоро переросли в открытое противостояние. Георгий Алексеевич планировал развивать яхт-клуб в соответствии с европейскими и дореволюционными традициями, при которых клубное общество существовало на членские взносы. Комсомольцы же противились оплате взносов из-за небольших заработков. Многих раздражали установленные требования к дисциплине. В местной прессе критиковалось

---

2 Домовая книга. ЦГА. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 3074. С. 58.

3 Личное дело служащего Петроградской казенной палаты Г.А. Остен-Сакена. ЦГА. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 3325. С. 1.

4 [Заметка без названия] // Новое время. 14 марта 1915. С. 83.

5 Личное дело служащего Петроградской казенной палаты Г.А. Остен-Сакена. ЦГА. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 3325 С. 1, 1 об.

6 Домовая книга. ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 3074. Л. 58.

7 Там же.

8 Домовая книга. ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 3075. Л. 53.

«антипролетарское»[9] руководство клуба и титул председателя. 5 июля 1923 под давлением коммунаров-комсомольцев Георгий Алексеевич был уволен. «Скатертью дорога и попутный ветер, господин барон», – гласила публикация в петрозаводской газете[10].

25 июля 1923 Остен-Сакен вернулся в Петроград[11]. В домовой книге появилась запись о месте службы – «Союз инвалидов». В Союзе инвалидов в Лесном, на Железнодорожной улице, он проработал несколько лет[12].

В 1927 Георгий Алексеевич расстался с супругой. 1 сентября Ольга Александровна вернула себе девичью фамилию Коль и покинула Ленинград[13].

В 1932 при Ленгорсовете был образован Городской отдел социального обеспечения, в котором Георгий Алексеевич возглавил учебно-производственный сектор. Должностной регламент включал в себя *«руководство хозрасчетными предприятиями Горсобеса, организацию Учебно-производственных мастерских и направление их деятельности в соответствии с общими планами трудоустройства, обучение и переобучение инвалидов»*[14].

31 января 1932 по распоряжению Ленсовета Остен-Сакен в составе экспертной комиссии выехал на обследование Свирского хозяйства № 2 ведомства Облсобеса, расположенного в помещениях бывшего Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря в 300 километрах от Ленинграда. Целью экспертизы было установление *«пригодности помещений и местности к целям содержания в указанном хозяйстве 1200 человек аномаликов. Пригодность указанного хозяйства к разворачиванию соответствующих мастерских с целями перевоспитания аномаликов путем вовлечения их в трудовые процессы»*[15]. В это же время в Ленинграде закрывался 1-й Трудпрофилакторий, находящийся в составе венерического диспансера на Б. Подьяческой ул., д. 30[16]. Профилакторий передали Ленсобесу, а воспитанниц – женщин, больных венерическими заболеваниями и уличенных в занятии проституцией, в срочном порядке требовалось вывезти из города.

Бывший монастырь подошел по всем параметрам, и вскоре в его стенах разместилось предприятие закрытого типа Трудпрофилакторий № 2 – крупнейший в Ленинградской области режимный объект для принудительного

---

9 К барону с пролетарским уставом не ходи // Карельская коммуна. 13.06.1923. № 115.

10 Как волка ни корми, всё в лес смотрит // Карельская коммуна. 07.07.1923. № 135.

11 Домовая книга. ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 3075. Л. 53.

12 Там же. Л. 68.

13 Там же.

14 Проект постановления президиума Ленгорсовета об образовании и структуре Ленгорсо. ЦГА СПб. Ф. 2554. Оп. 2. Д. 1. С. 2.

15 Докладная записка комиссии по обследованию Свирского хозяйства № 2 ЦГА СПб. Ф. 2554. Оп. 2. Д. 18. С. 1.

16 ЦГА СПб. Ф. 3861. Оп. 1. Д. 4. С. 3.

трудового перевоспитания граждан с социальными аномалиями. Директором была назначена врач Наталия Даниловна Чигир, ранее руководившая ленинградским Трудпрофилакторием № 1, заведующим учебно-производственной частью стал Георгий Алексеевич Остен-Сакен.

Итогами первого года работы проверяющая комиссия осталась довольна. 15 января 1933, выступая с докладом на собрании в Свирском хозяйстве, председатель Ленгорсобеса Поликарпов хвалил руководство и благодарил воспитанников:

> Общая установка руководства со стороны новой дирекции <…> была безусловно правильной и продуманной. <…> Вы, рабочие и работницы, были вовлечены в работу на производстве, в хозяйство, по изживанию тех или иных прорывов и дефектов. <…> к моменту нашего обследования в Вашем хозяйстве буквально ни одного человека не выполняющего общественно полезной работы нет. <…> В этом Вам, работницы и рабочие, хвала и честь. Я позволю себе от имени Ленсобеса выразить Вам глубочайшую благодарность[17].

Поликарпову вторил сотрудник общепита профилактория Тихомиров:

> Заслушав доклад <…> о работе Свирского хозяйства, общее собрание рабочих и служащих отмечает, что за время работы новой дирекции ею проведена громадная работа в сторону улучшения на всех участках нашего хозяйства как по линии производства, так и по линии воспитания и перевоспитания, а также и по линии культурно-бытового обслуживания[18].

Но, несмотря на расположение со стороны Ленинградского начальства, в Трудпрофилактории отношение к Георгию Алексеевичу было неоднозначным. 14 января 1933 в Свирском хозяйстве состоялось заседание коллектива ВКП(б), на котором рассматривалось самоубийство заведующего кадрами Антонова. В протоколе собрания обозначен особый интерес ОГПУ к Остен-Сакену. Приведены показания свидетелей о давлении на потерпевшего и требовании написать донос на бывшего барона, что в итоге обернулось трагедией (здесь и далее орфография и синтаксис цитируемых документов сохранены):

> Тов. Колосова, как бывший секретарь партячейки характеризует тов. Антонова, как хорошего работника, сурьезно относящегося к работе, несмотря на его молодость. Последнее время, когда он стал жить на квартире

[17] Протокол заседания Свирского трудпрофилактория № 2. ЦГА СПб. Ф. 2554. Оп. 2. Д. 50. Л. 5, 6.

[18] Там же. Л. 9.

Остен-Сакен, с моей стороны было замечено удручающее состояние т. Антонова. Во время его допроса агентом ОГПУ т. Исаевым, я заинтересовалась этим и спросила у последнего «Зачем т. Антонова допрашиваешь». Т. Исаев мне ничего не сказал. <…>

Тов. Чигир: – <…> Уполномоченный ОГПУ т. Исаев к нам в Тр[удовой] Пр[офилакторий] приезжал к нам не один раз. В последний раз он при приезде вызвал т. Антонова 5-го вечером и 6-го утром. При возвращении его в комнату я спросила у него «Почему он такой грустный и зачем так рано вызывал т. Исаев». Он ответил <…> что Исаев заставляет подписать ложные сведения о том, что в х[озяй]стве имеется вредительство, во главе которого стоит Остен-Сакен. Сведения он подписать отказался. Я отмечаю, что все эти события удручающим образом действовали на Антонова, он стал замкнутым, не разговорчивым. Я посоветовала ему поехать в район к Нач. ОГПУ для выяснения этого вопроса, что он на другой день выполнил 8/I утром за 3 часа до его смерти я разговаривала с т. Антоновым, где он еще раз подтвердил, что он был в ОГПУ, Начальника не было, а был заместитель т. Сысоев. Разрешить волнующий его вопрос с ним не удалось. Выходя от зам. Начальника ОГПУ снова встретил Исаева который сказал, что ходишь сюда с жалобами, все равно подписать сведения заставлю, даю тебе 2 дня сроку и если не подпишешь – выгоним из партии и снимем с работы и посадим. На что я ему ответила «Ничего еще не потеряно и у нас есть партячейка» – и посоветовала обратиться к секретарю. <…> Через 1 час мне сообщили о самоубийстве т. Антонова. <…> мы сейчас-же пошли в комнату Антонова, где Начальником пикета т. Бутасовым обнаружены предсмертные записки, составленные т. Антоновым и в одной из них было указано, что виновником в его гибели является Исаев[19].

19 февраля 1933 года Георгий Алексеевич Остен-Сакен был арестован по обвинению во вредительстве. Не был еще вынесен приговор, а на партсобрании в профилактории уже списывали текущие хозяйственные проблемы на «вредительскую деятельность» «бывшего барона». Недавние соратники обличали:

Тов. Сигов: При выступлении сейчас некоторых членов партии видно, что б[ывший] барон Остен-Сакен явно вредил. Но тогда, когда я был в х[озяй]стве в качестве члена комиссии по обследованию его, выступления были за то, что тов. Остен-Сакен, как работник для х[озяй]ства полезен. А факты теперь совсем в другую сторону. Такая близорукость парторганизации, а также двуручничество отдельных партийцев в корне недопустима <…>.

[19] Протокол партийного собрания сотрудников профилактория № 2 от 14.01.1933. ЦГАИПД. Ф. О-396. Оп. 1. Д. 260. Л. 11, 12.

Тов. Родионов: У наших отдельных коммунистов еще на сегодняшний день есть мнения, что Остен-Сакен все таки был полезным для х[озяй]ства человеком. Этого среди нас быть не должно. При поступлении на работу в х[озяй]ство б[ывшего] барона Остен-Сакена РК ВКПб обсуждал это назначение и только по рекомендации тов. Поликарпова РК партии он был допущен до работы. Во время обследования х[озяй]ства комиссией из Района, в которую входил и я в акте обследования конкретно было указана вредительская роль работы в х[озяй]стве б[ывшего] барона Остен-Сакен и ставился даже со стороны комиссии вопрос о его изъятии из х[озяй]ства. Благодаря бывшего директора тов. Чигир, которая отстаивала Остен-Сакена с лучшей стороны РК партии эти решения комиссии были сокращены. В общем работа Остен-Сакен целиком сводилась к вредительству в х[озяй]стве. Его автобиография в целом оправдывает роль его вредительства. Контроль его работы со стороны директора тов. Чигир, а также и со стороны парторганизации в лице секретаря тов. Доронина поставлены были плохо, о чем говорят факты и решения бюро РК ВКПб которые были своевременны и правильны.

Тов. Доронин: Работа в прошлом и состояние х[озяй]ства по решению бюро РК ВКПб были правильны и в этом я признаю, что с моей стороны была допущена грубейшая ошибка и классовая слепота по отношению к б[ывшему] барону Остен-Сакен[20].

Чуть позднее директор Трудпрофилактория Василий Ефимович Сигов и секретарь парторганизации Доронин окажутся среди тех «товарищей», поддержки которых, не предполагая предательства, будет просить вторая жена Остен-Сакена, ходатайствуя об освобождении мужа.

20 мая 1933 Георгий Алексеевич был осужден на три года ссылки в Северный край.

Во второй половине 1933 года доцент Ленинградского историко-лингвистического института Евгения Александровна Эллисон Остен-Сакен обратилась с заявлением в ОГПУ:

Мой муж Остен-Сакен Георгий Алексеевич постановлением Ленинградского ОГПУ от 20/V -33 г. сослан в Северный Край с предъявлением ст. 58 УК п. 10 сроком на 3 года.

С 1933 года работал в Ленинградском Отделе Соц. Обеспечения и в 1932 году в должности Зам. Директора и Зав. Производственной и воспитательной Частью Трудового Профилактория для перевоспитания аномаликов г. Ленинграда. Трудпрофилакторий находится в 17 клм. от гор. Лодейное Поле.

---

20 Там же. Д. 174. Л. 28 об., 29.

В феврале этого года был арестован и обвинен во вредительстве, но следствие, обследование и документы показали полное отсутствие почвы под обвинением.

16 мая с. г. из под стражи и 2-го июня с. г. восстановлен в должности с оплатой за все время вынужденного прогула.

13-го же июня был вызван в Ленинградское ОГПУ и одиночным порядком и за свой счет выслан в Северный Край.

В настоящее время он находится в гор. Тотьме.

Жизнь, характер, идеология и деятельность моего мужа дают мне полное основание утверждать, что причиной его ссылки являются не его преступления, которых за ним нет, а злая воля отдельных лиц, давших совершенно неверное освещение делу и использовавших в этих целях его «громкую» фамилию.

Наводящими на эту мысль являются следующие факты: 1) заинтересованность, что подтверждается документом (постановление РИКа), местных организаций в получении для себя хозяйства, в котором муж был Зам. Директора и Директором по производственно-воспитательной части, и, самое существенное 2) при аресте у мужа были отобраны все его документы, которые я прилагаю здесь. При выпуске же его из под стражи в деле оказались исключительно документы царского времени.

Все документы с 1918–1933 гг. были им обнаружены и получены у директора х[озяй]ва, которой они были переданы Нач. Р. О. Лодейнопольского ОГПУ т. Тощенко во время производства следствия и нахождения мужа под стражей и, таким образом, очевидно, в следственном деле не участвовали.

Я глубоко убеждена, что если бы документы моего мужа участвовали в следственном деле, то мой муж, имеющий прекрасные характеристики, премированный 4 раза в промежуток 32–33 года, с вынесением ему благодарности коллектива, был бы оправдан ОГПУ, так как он оправдан абсолютно всеми, членами партии и беспартийными, которые работали вместе с ним.

Краткая биография мужа

Родился в 1888 г. Ни он, ни его родители не имели ни капиталов, ни имений и не пользовались наемным трудом.

Прапорщик военного времени. Инвалид германской войны, признанный совершенно негодным к дальнейшей военной службе в 1918 г.

В том же 1918 г. вступает добровольцем в Красную Армию и не укрывается в тыловой работе, а идет командиром роты 169 стрелкового полка, участвуя в стычках на Финляндском фронте.

Затем, будучи лишен возможности свободного передвижения (перебита нога в германской войне), переводится в штаб в ближайший тыл, заболевает туберкулезом легких и в 1922 г. демобилизуется из Красной Армии.

До 1931 г. состоит в запасе и с этого года увольняется по ст. 88 расписания о болезнях.

С момента увольнения из Красной Армии работает в различных учреждениях всегда на административно-командных должностях. Имеет прекрасные характеристики.

С 1918 г. участвует в профсоюзной жизни.

Под судом и следствием не был.

Как над бывшим офицером (поручик) и титулованным, над ним всегда нависало известное недоверие, он арестовывался органами ОГПУ 3 раза и постоянно был освобожден за неимением состава преступления <…>.

Ту большую пользу, которую он принес своей работой, можно выявить опросив следующих членов партии ВКПб:

1. Завед. Ленсобесом т. Поликарпова,

2. Завед. I Сектором Ленсо. т. Петрова,

3. Контрол. Исполнения Ленсо т. Лемке,

4. Завед. Сект. Гос. <…>, Члена Ленсовета и бывш. Директора Трудпрофилактория т. Чигирь,

5. Секретаря ячейки в Профилактории т. Доронина,

6. Быв. Секретаря Коллектива Ленсо, ныне Директора Трудпрофилактория т. Сигова,

7. Всех членов партии Трудпрофилактория, работающих вместе с моим мужем.

<…> Я дала бы поручительство за моего мужа, но он категорически отказывается принять его.

Мой муж считает, что отдавал в 1918 г. свою жизнь Власти Советов, работая все годы с полным пониманием линии Партии ВКПб и принося пользу, особенно на последней работе, он не может стоять на одной ступени с теми отверженными Партией, которые стоят по ту сторону борьбы, которые признаны классовыми врагами.

Ходатайствую о скорейшем пересмотре его дела и о восстановлении его во всех правах.

Доцент ЛИЛИ[21] Е. Эллисон /Остен-Сакен/ 1933 г.[22]

Ходатайство не удовлетворили, пересмотр дела не состоялся.

2 апреля 1935 Евгения Александровна Остен-Сакен была сослана в Вологду как жена бывшего барона, находящегося в ссылке[23].

---

[21] Ленинградский историко-лингвистический институт выделен из состава ЛГУ, в 1933 переименован в ЛИФЛИ.

[22] Заявление Е.А. Эллисон Остен-Сакен. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1101. С. 33, 33 об, 34, 34 об.

[23] Перечень заявлений политических ссыльных, заключенных и их родственников, направленных Обществом помощи политзаключенным в Народный комиссариат внутренних дел. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 305.

Осенью 1934 при содействии Политического Красного Креста Георгий Алексеевич был переведен из Тотьмы в Вологду. Сохранилось его письмо, адресованное Екатерине Павловне Пешковой:

> Вследствии потери в течении этого 34-го года всех зубов (осталось 3 %) и, как следствие, резкого нарушения пищеварения (удостоверение врач. <…> приложено было к ходатайству о переводе в г. Вологду) угрожающего жизни, мной и моей женой, Доцентом Л. Г. У. Евг. Александр. Остен-Сакен, было возбуждено ходатайство о переводе в г. Вологду. Ныне этот перевод состоялся. Но т. к. я без заработка вот уже 1 ½ года и не имея никаких запасов живу на заработок своей жены, я обратился с просьбой разрешить мне из имеющихся на р. 2.000 займа <…> найма на р. 700 (выдать 60 %) для получения необходимой суммы на лечение и изготовление зубных протезов.
>
> Мне в этом отказано.
>
> Т. как это – единственная возможность сохранить мне жизнь, я беру на себя смелость обратиться к Вам с нижеследующим ходатайством:
>
> Прошу Вашего содействия чтобы мне было разрешено <…> займа на р. 700, я же даю Вам слово, что он будет мной <…> из первых заработков.
>
> Если мне в этом будет отказано, то следовательно, я кроме осуждения в ссылку на 3 года, буду осужден на медленное, но мучительное и верное умирание[24].

4 апреля 1935 года Георгий Алексеевич был досрочно освобожден.

После освобождения он поселился в Казани, где открыл небольшую кооперативную артель «Промполиграф», производившую игрушки из папье-маше и отходов фанеры. В газете «Красная Татария» было напечатано объявление о наборе сотрудников[25].

На объявление откликнулась высланная из Ленинграда художница Вера Александровна Шолпо, которая оставила воспоминания о работе с Остен-Сакеном. Коллектив сотрудников показался художнице несколько странным. Кроме нее, в мастерской работали «бывший морской командир Эдуард Эдуардович Фришмут, высланный, не спрашивала откуда и когда», «пожилой человек, высланный из Ленинграда за религиозные убеждения и прошедший уже ссылку, научный работник Царевский Сергей Федорович», «художник Бобровицкий Иосиф Ефимович, высланный из Баку за принадлежность жены к партии эсеров»[26].

---

[24] Письмо Г.А. Остен-Сакена в адрес Е.П. Пешковой от 12.10.1934. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1101. С. 39, 39 об.

[25] Красная Татария. 1935. № 205 (5277). 04.09.

[26] *Шолпо В.* Осколки зеркала // Казань. 1994. № 9–10. С. 126.

В 1937 было объявлено о вредительстве в мастерской и о «контрреволюционности» игрушек из серии «Красная армия», поскольку они быстро ломались:

> В выпиловочном цехе говорили: «Остен-Сакен – сукин сын, заказывает мощную “Красную армию”, которая в руках детей крошится»[27].

13 декабря 1937 Георгий Алексеевич был приговорен по статьям 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Приговор приведен в исполнение 16 декабря 1937 в Казани.

[27] Там же. С. 128.

Анна Биконт

Как я написала биографию польской национальной героини Ирены Сендлер[1]

Анна БИКОНТ
(Anna BIKONT)

психолог, писательница, журналистка, учредитель и редактор «Tygodnik Mazowsze» (Gazeta Wyborcza) Варшава, Польша

a.bikont@gmail.com

Каждый народ выбирает из арсенала своей истории тех героев, которые ему в определенный момент подходят. В начале нового столетия мы в Польше выбрали Ирену Сендлер.

Многочисленные школы, улицы, скверы носят ее имя, а парламент объявил 2018-й годом Сендлер. Об Ирене Сендлер рассказывают книги – художественные, биографические, комиксы, книги для детей; фильмы – документальные и художественные (среди них – «Храброе сердце Ирены Сендлер» с оскароносной актрисой Анной Пэкуин в главной роли). В Польше, наверное, каждый ребенок – а уж без всякого сомнения, каждый взрослый – слышал, что Ирена Сендлер спасла жизни двух с половиной тысяч еврейских детей, которых вывела из варшавского гетто.

Сендлер родилась в 1910. Была девочкой из хорошей семьи, заласканным матерью единственным ребенком; ее отец умер, когда ей было семь лет. Ирена поступила на факультет полонистики,

[1] Перевод с польского Анны Миркес-Радзивон.

но потом бросила учебу: ей хотелось как можно скорее обрести самостоятельность. Нашла работу – оказывала юридическую помощь матерям в трудных жизненных обстоятельствах. Находила проституток, не знающих, от кого имеют детей, служанок, изнасилованных хозяином. Рассказывала им о методах контрацепции, убеждала бороться за алименты и признание отцовства. Решительная, увлеченная, полная эмпатии, а вместе с тем дельная и трезвомыслящая, одаренная социальной чуткостью, она была типом организованной и чуждой лени бунтарки: удачная комбинация черт для редкого и бесценного вида общественников.

С самых первых дней Второй мировой войны нацисты отдают распоряжение увольнять евреев с работы и отказывать им в какой бы то ни было социальной поддержке. Ирена Сендлер принимается помогать знакомым евреям. Она добывает для них продуктовые карточки, а когда в Варшаве появляется еврейское гетто, Ирена, пользуясь пропуском департамента социальной защиты в городской администрации, где работает, проносит в гетто еду и средства гигиены. После того как нацисты обносят гетто стенами, обеспечивает евреям фальшивые документы и опекает тех, кто решил скрываться на так называемой «арийской стороне». С 1943 Сендлер начинает руководить детским отделом Жеготы[2]. Благодаря сотрудничеству с Жеготой деятельность Ирены набирает размах. Сендлер передает деньги в созданную Жеготой сеть женщин-связных, которые заботятся о еврейских детях, скрывающихся в Варшаве и ее окрестностях, находит квартиры, организовывает срочную медицинскую помощь. В октябре 1943 ее арестовало гестапо. Почти сразу – в течение месяца – Жегота смогла ее выкупить, и ей удалось освободиться. После этого она вынуждена была скрываться сама, но продолжала свою работу.

Ирена Сендлер принадлежит к числу первых поляков, получивших в 1960-е годы медали Праведников народов мира от Яд ва-Шем. Однако долгие годы ее имя не было известно общественности.

Как Ирена Сендлер стала польской героиней? Это случилось по прошествии более чем полувека после окончания войны. Четыре девочки из американского городка Юнионтаун в штате Канзас прочитали вырезки из газет, где речь шла о польке, которая спасла 2500 еврейских детей, а их настоящие имена и фамилии записала на карточках, спрятала в банку и закопала в землю, чтобы можно было найти их после войны. Лицеистки написали для школьного конкурса посвященную этой польке коротенькую, но проникновенную пьесу «Жизнь в банке». Две с половиной тысячи спасенных – в два раза больше, чем спас Оскар Шиндлер, о котором повествуется в фильме Спилберга, незадолго до этого вышедшем на экраны в Америке. Это впечатляло.

Известие о пьесе школьниц из Юнионтауна каким-то образом донеслось до Польши. Дело было в 2001, в Польше как раз широко развернулась

[2] Жегота – Совет помощи евреям, созданный в 1942 году польским правительством в изгнании, подпольная польско-еврейская организация, призванная спасать евреев.

общенациональная дискуссия о польско-еврейских отношениях во время войны. Полемика была вызвана публикацией книги «Соседи» Яна Томаша Гросса. Книга рассказывала о событии 10 июля 1941, когда поляки, жители Едвабне – маленького городка на северо-востоке Польши, как только из него вышли советские войска, оккупировавшие эту часть Польши, и городок заняли немцы, – загнали в овин и сожгли заживо своих соседей-евреев. Гросс писал, что было убито 1600 евреев (в действительности жертв было меньше).

«Две с половиной тысячи спасенных детей» перекрывали страшную цифру «1600 сожженных заживо», они стали успокоительной пилюлей, смягчающей описанную Гроссом историю. Так девяностолетняя женщина, забытая Богом и людьми, в одночасье стала знаменитой.

Вне всякого сомнения, Ирена Сендлер – героиня, достойная восхищения. Однако в пантеон польских национальных героев она попала потому, что ее биография в нужный момент пришлась ко двору. Вот только эта биография была иной, нежели та, которую представляли общественному мнению.

Я открыла это, когда писала книгу о еврейских детях военного времени, которым невероятно повезло – им удалось выжить. Я хотела рассказать, что каждый такой спасенный ребенок был чудом, переворачивающим/ломающим логику событий. Я посчитала, что хорошим проводником по этой истории станет Ирена Сендлер. Она могла бы показать, насколько ничтожны были шансы этих детей выжить, даже если они находились под самой лучшей опекой. Сендлер должна была стать Ариадной с путеводной нитью, связующей мои рассказы об этих детях.

Но чем глубже я копалась в историях о военных подвигах, приписываемых Сендлер, тем больше находила несоответствий. Пойманные/схваченные мной нити прерывались, развязывались, в руках оставалось пусто. А чем меньше было соответствий, тем сильнее меня интриговала фигура Сендлер. Само собой разумеется, что проходимцы всякого толка украшают свои биографии несуществующими подвигами, но разве женщина, ежедневно рисковавшая своей жизнью, чтобы спасать чужие, нуждалась в этом? Постепенно история Ирены Сендлер занимала все больше места в моей новой книге[3], которую я писала через 12 лет после книги «Мы из Едвабне»[4]. Уже в самом конце работы, в тот момент, когда пора было отдать книгу в печать, меня спросили в издательстве, в какой из серий она должна быть опубликована – «Репортажи» или «Биографии». И только тут я внезапно поняла, что написала биографию.

Мне удалось выяснить, что на начальном этапе под опекой руководимого Сендлер детского подразделения Жеготы находилось 100 детей, а в конце войны – более 300. Это очень много. «2500 детей, спасенных Ireной Сендлер» –

---

[3] *Bikont A.* Sendlerowa. W ukryciu. [*Биконт А.* Сендлер: В укрытии.] Wołowiec, 2017.

[4] *Bikont A.* My z Jedwabnego. Warszawa, 2004.

одна из самых известных в Польше и эффектно звучащих формул, но с реальностью военного времени у нее мало общего.

Никто из историков не пробовал проверить эту информацию. А между тем из почти миллиона еврейских детей, живших в Польше в 1939 году на оккупированной нацистской Германией территории, в живых осталось пять тысяч. Среди них – дети, которых нацисты не успели отправить в газовые камеры; дети, которым удалось выжить в трудовых лагерях Германии; дети, скрывавшиеся в лесах и монастырях. Неужели половину из них спасла Ирена Сендлер? Однако эта цифра была бальзамом на национальные раны, и все хотели верить в нее. Поверила в нее и сама Сендлер.

Зачем она описывала события, которых не было, или приукрашивала те, что произошли на самом деле? Может, она научилась сочинять еще в юности, чтобы вырваться из-под контроля матери с ее неусыпной заботой? Может, эта привычка осталась со времен войны, когда ей приходилось придумывать все новые и новые истории для своих подопечных? И как мне рассказать обо всем этом, не оскорбляя памяти человека, в высшей степени достойного уважения и признания? А может быть, конфабуляции помогали ей заглушить тяжкие воспоминания о реально пережитом?

Национальному герою пристало иметь биографию, которая нравится народу. По этой мерке и было скроено официальное жизнеописание Ирены Сендлер. А ведь жизнь этой феноменальной женщины абсолютно идет вразрез с исторической политикой, господствующей нынче в моей стране. Ее личность никак не соответствует типу национального героя, которому сегодня ставит памятники государство. Причем не соответствует с самого начала.

Ирену Сендлер представляют католичкой, ведь «польскость» отождествляется с католицизмом. А она всю жизнь была человеком левых взглядов, не связанным с католической церковью. Ее отец был социалистом, врачом, самых бедных пациентов он лечил бесплатно. Он был далек от католицизма и не собирался крестить дочь. Хотя Ирену все-таки крестили в католическом костеле, как каждого польского ребенка в те времена. Но в кругу друзей она всегда говорила, что не считает себя верующей.

В нашу новейшую национальную мартирологию Ирену Сендлер вписали бойко и без колебаний. Настоящий герой должен пострадать – как в застенках гестапо, так и в казематах политической полиции коммунистического времени. Подчеркивается, что Ирена Сендлер подвергалась преследованиям в годы сталинизма, что ей грозила смертная казнь и что после побоев во время следствия у нее случился выкидыш. Она не опровергала этого, скорее наоборот, акцентировала. А между тем никто не подвергал Ирену Сендлер гонениям в сталинскую эпоху. После войны она была начальницей отдела социальной защиты в варшавской городской администрации, занимала директорские должности в центральных ведомствах и школах. Была в партии с первого до последнего дня

существования ПОРП[5]. В сталинские годы работала на высоких постах и даже состояла членом социальной комиссии ЦК ПОРП – наивысшего органа коммунистической власти.

В сторону левых убеждений Ирену Сендлер еще со времен ранней юности подтолкнуло то, что социалисты и коммунисты считали евреев равноправными гражданами, а отношение к евреям всегда было одним из главных критериев в ее жизни. Сендлер до конца своих дней ощущала себя «левой», а «правые» у нее ассоциировались с антисемитизмом.

Еще одна причина склонности к приукрашиванию, возможно, кроется в потребности сентиментализации Холокоста. Среди канонических историй о Сендлер встречаются рассказы о том, как она выносила детей из гетто. Например, такой: Ирена Сендлер въезжала в гетто с каретой санитарной службы, при ней была огромная овчарка. Когда машина обратно выезжала через ворота, водитель нажимал собаке на лапу, и та визжала, заглушая плач вывозимых в деревянных ящиках грудных младенцев. Однако Сендлер не вывозила сама детей из гетто, она отвечала за логистику – искала квартиры, организовывала перевозки детей из одного места в другое, находила надежных врачей, передавала деньги Жеготы связным.

В польском массовом сознании закрепился образ Ирены Сендлер – почтенной старушки с волосами яркой белизны, добрыми, живыми глазами и мягкой улыбкой. Под ретушью сентиментального мифа о благородной женщине, которая за ручку выводит детей из гетто (чего она не делала), потерялось ее настоящее лицо. Ее представляют как особу огромной скромности и великого сердца. Между тем Сендлер излишней скромностью не отличалась, напротив, любила показать себя с выгодной стороны, быть на виду. Помимо большого сердца, имела выдающиеся менеджерские способности, благодаря которым ей и удалось спасти стольких детей, создать прочную сеть эффективной помощи.

Польская традиция предписывает изображать женщину на фоне мужчины, который героически погибает или же его арестовывают, – и вот тогда жена или возлюбленная всецело отдается конспиративной борьбе. Поэтому делается упор на то обстоятельство, что муж Ирены Сендлер всю войну сидел в немецком лагере для военнопленных польских офицеров. На самом деле в войну она пережила самую большую любовь в своей жизни. Своего возлюбленного, Адама Цельникера, она также укрывала «на арийской стороне» как «Стефана Згжембского». После войны Сендлер развелась со своим первым мужем (с которым впоследствии они поженились снова) и вышла замуж за Згжембского: Цельникер после войны сохранил подпольный псевдоним и прожил под ним всю оставшуюся жизнь. У них родилось трое детей. Один ребенок умер через пару недель после рождения. Сендлер никому не говорила, что ее муж был

[5] Польская объединенная рабочая партия – правящая коммунистическая партия, существовавшая в Польше в 1948–1989. – *Здесь и далее – прим. перев.*

евреем, не призналась даже своим детям. Хотя в 60-е годы серьезно подумывала об эмиграции в Израиль.

Написанная мной биография Ирены Сендлер демифологизирует героиню, не опровергая ее героизма. Развенчивает и распространенный польский миф об обществе оккупационного времени, склонном к исключительно благородным подвигам, – обществе, которое сражалось с нацистами и спасало евреев.

Но даже несмотря на очень надежную защиту, которую обеспечивали Ирена Сендлер и Жегота еврейским детям, – факт, что еврейские дети, о которых здесь идет речь, выжили, граничит с чудом.

Смертельная опасность для них исходила от польских детей. Первым по выходе из гетто столкновением с реальностью «арийской стороны» была встреча с табунами околачивающихся под стенами гетто юных поляков, которые жаждали откупа за неразглашение факта выхода из гетто их еврейских сверстников. И страшнее всех были знакомые дети.

...Девочка пошла в воскресенье в костел вместе с новыми «родственниками» и увидела ровесницу из своего местечка. Та подмигнула и улыбнулась девочке. («Это была единственная за все время войны улыбка, адресованная мне», – рассказывала она мне несколько десятилетий спустя.) Утром следующего дня ее арестовали.

...Мальчик стоял в группе детей в монастыре. Пришли с инспекцией немцы. «Jude!» – указал на него пальцем другой малыш.

...Девочка шла по улице, ее одноклассник громко закричал: «Жидяра идет!» Обоим было по двенадцать лет. В следующий раз была с двумя одноклассницами – пользуясь поддельными документами, ходила вместе с ними на конспиративные школьные занятия – tajne komplety[6]. «Отведем-ка ее в полицию, скажем, что это еврейка. Нам дадут часы – будем носить их по очереди», – сказала одна подруга другой.

Смертельной опасностью угрожали им и встречи с польскими взрослыми.

...Мальчик должен был пару минут подождать в кафе, пока его тетка звонила из телефонной будки в поисках убежища для ребенка. За несколькими столиками в кафе сидели дамы, увлеченные беседой. В какой-то момент мальчик понял, что речь идет о нем. «Жидёнок, уж поверьте мне, жидёнок!» – «Она, может, и нет, но он...» – «Подбросила нам его» – «Нужно сообщить в полицию», – разговаривали друг с другом женщины, готовые между первым и вторым кусочками пирожного послать ребенка на смерть.

---

[6] Tajne komplety – подпольные школы и вузы в период нацистской оккупации (польские школы и вузы были закрыты оккупационным режимом).

Ирена Сендлер спасала евреев от немцев, польских шмальцовников[7] и просто соседей. Разыскивая приют для подопечного с «хорошей внешностью»[8], рассказывала, что нужно помочь ребенку погибшего польского офицера. Она действовала в удушливой атмосфере безразличия, недоброжелательства, ненависти. Решилась помогать наперекор распространенному убеждению, что спасать следует только «своих», то есть чистокровных поляков. Сендлер и ее сотрудники образовывали некий тайный клан. Соблюдали двойную конспирацию – маскируясь и перед немцами, и перед поляками.

В 1993 в Варшаве проходила международная конференция, посвященная Праведникам народов мира. Готовясь к своему выступлению, Сендлер записала на бумаге то, что намеревалась сказать (на конференции она прочитала только часть из записанного). Писала о своих знакомых евреях:

> В то время я много раз слышала, как люди, доведенные до крайней нищеты, полного истощения, в состоянии подавленности и отчаяния, с болью спрашивали: почему все наши знакомые и друзья, многолетние товарищи по общему делу, соседи, которые годами пользовались нашей помощью, отвернулись от нас? Почему не могут решиться даже на пару фраз краткого письма, ни к чему не обязывающий знак того, что помнят о нас? Почему, почему? Они плакали, говоря это. И это общее наше равнодушие не может быть оправдано. Почему польский народ – в чьей истории были целые периоды толерантности, когда мы давали приют евреям, выброшенным из Германии, Испании, – в XX веке был способен, по преимуществу, только к равнодушию? Что же с нами случилось, что мы так деградировали? <...>
>
> Ничем нельзя оправдать тех поляков, которые выдавали немцам людей из гетто. Сколько их было, в точности неизвестно, но они были! Составляли, судя по всему, немалый процент среди польского населения. Но, помимо них, подавляющая его часть оставалась попросту равнодушна. <...> Нам нечем хвастаться, скорее, всем нам должно стать не по себе. В Польше был и есть антисемитизм. Во время войны находились и такие, кто радовался, что Гитлер сделал за нас эту «грязную работу».

---

[7] Szmalcownik – жарг. от пол. «szmal» (жарг. «деньги») и «smalec» (сало), контрабандист, взяточник; в годы немецкой оккупации шантажист и вымогатель выкупа у скрывающихся евреев и помогавших им поляков.

[8] Идиомы «dobry wygląd» и «zły wygląd» – хорошая и, соответственно, плохая внешность. Выражения относились к евреям и означали, насколько семитской была внешность человека и можно ли распознать в нем еврея.

Писала дальше:

> Призываю своих соотечественников к беспощадному и безусловному, предельно честному испытанию своей совести. Пора всем миром покаяться в нашем национальном грехе – антисемитизме.
>
> Великий Поляк, Иоанн Павел II, во всеуслышание заявил, что антисемитизм является грехом. Считаете ли вы, что все католики слушают слова Папы Римского, ежедневно исповедуясь в беззаконии антисемитизма? Я глубоко убеждена, что вы никогда не исповедуетесь в этом грехе. Так считаете ли вы себя истинными католиками или нет?
>
> Я обращаюсь с великой просьбой к нашей польской католической церкви: воспитайте духовенство в согласии с принципами Его святейшества. Год с лишним назад религия стала одним из предметов школьной программы – пусть учителя религии поставят себе за цель борьбу с этим всенародным грехом[9].

Нужно ли говорить, что призыв Сендлер не был услышан?

Ирена Сендлер не раз повторяла и в частных разговорах, и в письмах: «Одно могу сказать точно: в оккупированной Варшаве проще было найти место в какой-нибудь гостиной, чтобы спрятать танк, чем место для одного маленького еврейского ребенка».

Популярный в Польше католический еженедельник «Воскресенье» написал, что Ирена Сендлер является примером того, как поляки спасали евреев. Этот сюжет широко используется. Но история Сендлер – пример того, как сама Сендлер спасала евреев. И в этом суть проблемы.

---

[9] Цит. по оригинальному тексту, полученному автором от И. Сендлер.

Татьяна Косинова

Польская группа ВСХСОН в нарративах и документах спецслужб

Татьяна Феофановна КОСИНОВА

главный редактор Cogita.ru

kosinova@gmail.com

Исследование польского эпизода в истории ВСХСОН («Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа»), самой многочисленной и наиболее структурированной подпольной антисоветской группы 1960-х, началось в рамках авторского проекта «Польский миф советских диссидентов»[1].

В 2000-х были записаны интервью: в Петербурге – с Игорем Огурцовым, в Варшаве – с Инессой Завадской; в 2017 состоялось знакомство с архивно-следственным делом «действовавшей в 1967–1969 годах в Варшаве подпольной организации, связанной с ВСХСОН»[2].

В электронном каталоге польского Института национальной памяти это дело можно найти как по фамилиям фигурантов, так и по данному следствием

---

[1] Исследование не состоялось бы без помощи Петра Мицнера и Леонида Романкова; было поддержано стипендией Музея истории Польши (2017, проект «Unknown pages of the history of Soviet opposition: the Polish connections of VSKHSON»); Датский институт культуры помог установить контакт с Романом Каравацким.

[2] Архив Института национальной памяти (Варшава). Дело № IPN 0204/13 в трех томах.

названию группы – Wszechrosyjski Socjal-Chrześcijański Związek Wyzwolenia Narodu[3].

Следствие проводил 3-й департамент МВД ПНР (подразделение службы безопасности по борьбе с антигосударственной деятельностью). Судебный процесс над членами этой группы состоялся в Варшаве 30 июня – 2 июля 1969. По делу проходили 20 человек: 17 свидетелей, трое – гражданка СССР Инесса Завадская (р. 1937) и граждане ПНР Леон Завадский (1938–2018) и Бернард Каравацкий (1938–2012) – были приговорены к тюремному заключению на срок от семи месяцев до трех лет.

***

История вопроса в настоящий момент может быть описана лишь по источникам на русском языке. В польской историографии антисоветского сопротивления этот эпизод не учтен. И хотя Леон Завадский начиная с 1991 и до 2018 пытался ввести в оборот тексты группы и свои мемуары[4], история группы до сих пор не изучена, научной библиографии не имеет; первая попытка описания относится к 2012 году[5].

Источники существуют на датском языке: после освобождения из польской тюрьмы в августе 1970 Бернард Каравацкий с семьей эмигрировал сначала в Израиль, затем в Данию. Его наследие (биографические повести, воспоминания, эссе, статьи, интервью) на датском языке, а также история созданного им «Датского комитета защиты Игоря Огурцова» ждут своего исследователя.

Обзор публикаций на русском языке показывает, как медленно и дозированно информация о польской группе ВСХСОН становилась публичной, какое ничтожное место в нарративе ВСХСОН она занимает (зачастую это одна фраза в тексте на сотни страниц), как мал интерес к ней исследователей и как сегодняшние СМИ способны ее мифологизировать одной оговоркой. Ни один из авторов, за исключением Л.П. Романкова, не опирался на польские источники и не искал их.

За тремя исключениями на русском языке вплоть до 2015 года польские участники ВСХСОН упоминались по формулировкам приговора его четверых руководителей и скупым комментариям основателя ВСХСОН Игоря Огурцова. В приговоре Игоря Огурцова, Михаила Садо, Евгения Вагина и Бориса Аверичкина говорилось:

> Подсудимые, в целях получения нужной им литературы, оружия и иной помощи и в целях информации о действующем в Ленинграде подполье

---

[3] Русицизмы в этой формулировке могут ввести в заблуждение польскоязычных исследователей. Правильный перевод на польский: Ogólnorosyjski Społeczno-chrześcijański Związek Wyzwolenia Narodu.

[4] В частности, на своем сайте ramanadom.org и на своих страницах в соцсетях.

[5] *Kosinowa T.* Polski mit. Polska w oczach sowieckich dysydentów. [*Косинова Т.* Польский миф: Польша в глазах советских диссидентов.] Kraków–Warszawa, 2012. В книге впервые на польском языке опубликованы интервью с Игорем Огурцовым и Инессой Завадской.

> добивались установления преступных связей на Западе с представителями русской эмиграции, других зарубежных антисоветских центров, посольства США в Варшаве, с Ватиканом, главой польских католиков. Весной 1963 года подсудимые получили от гр-на П.Н.Р. изданную на Западе антисоветскую литературу, а в 1966 году передали ему и он вывез из СССР фотопленки с заснятыми на них программой «ВСХСОН» и сочинение Гинзбург «Крутой маршрут»[6].

В 1996 эта формулировка без изъятий перекочевала в Постановление Президиума Верховного суда РФ, отказавшего в реабилитации Огурцову, Садо, Вагину и Аверичкину[7].

О польских связях ВСХСОН его первый исследователь Владимир Осипов написал в 1972 в статье для «Вестника Р.С.Х.Д.»:

> У Огурцова была связь с гражданином Польской Народной Республики Завадским (родственником государственного деятеля), от которого была получена изданная на Западе литература, а ему была передана фотопленка с книгой Гинзбург «Крутой маршрут»[8].

Историк Николай Митрохин в 2003 лишь немного и отчасти ошибочно развил эту информацию, несмотря на интервью с И. Огурцовым: добавил имя второго польского участника Б. Каравацкого, но неверно идентифицировал отчима Л. Завадского, решив, что он «родственник Александра Завадского, председателя государственного совета»[9].

В 2004 к 40-летию ВСХСОН на интернет-сервисе хостинга «Яндекса» появился сайт vshson.narod.ru, где упоминаются Л. Завадский и Б. Каравацкий на отдельной странице с перечнем членов, кандидатов в члены и «иностранных граждан, проходивших по делу ВСХСОН»[10]. Больше десяти лет сайт не обновлялся, хотя по-прежнему существует; в 2014 появился сайт vshson.wordpress.com, администрируется Игорем Ивановым.

---

[6] Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского суда в составе судьи Ермакова Н.А., народных заседателей Русалинова И.Д. и Кузнецова Н.Я. Огурцова И.В., Садо М.Ю., Вагина Е.А. и Аверичкина Б.А. от 2 и 3 декабря 1967. Архив НИЦ «Мемориал». Коллекция «Группа ВСХСОН». Копия.

[7] Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 20.11.1996. Архив НИЦ «Мемориал». Коллекция «Группа ВСХСОН». Копия.

[8] Цит. по: *Осипов В.* Бердяевский кружок в Ленинграде // ВСХСОН: Программа: Суд: В тюрьмах и лагерях / Сост. Дж. Дэнлоп. Париж, 1975. С. 116.

[9] *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М., 2003. С. 229–230. Отчимом Леона Завадского был Станислав Завадский.

[10] URL: http://vshson.narod.ru/sostav.html.

В 2008 в журнале «Новая Польша» на русском языке был опубликован биографический рассказ Леонида Романкова «Польский след»[11]. Л. Романков дружил с Леоном Завадским, знал его первую жену И. Завадскую, которая познакомила Романкова с Михаилом Садо; знал об арестах и первым написал о них, впервые рассказав об аресте И. Завадской и не ссылаясь при этом на документы следствия и суда по делу ВСХСОН в Ленинграде. Текст доступен лишь в бумажной версии журнала, на польском языке был опубликован в 2012[12], как источник исследователями ВСХСОН не учтен.

В 2015 Игорь Иванов, наиболее приближенный из исследователей к И. Огурцову, впервые на русском языке в своей книге, претендующей на самое полное на сегодняшний день описание ВСХСОН, сообщил, не указав источник:

> Еще два человека, причастных к деятельности ВСХСОН, Леон Завадский и Бернард Каравацкий, были арестованы в Польше, но как граждане Польской народной республики выдаче в СССР они не подлежали, хотя КГБ этого и добивался, – впоследствии их репрессировали польские спецслужбы[13].

И. Иванов попытался представить краткие биограммы двоих «польских антикоммунистов»[14], указал дату рождения Леона Завадского, ошибочно написал, что он «живет в Варшаве» и впервые отметил: «По требованию КГБ СССР арестован польскими спецслужбами, но выдан советским властям не был» [15], – О Бернарде Каравацком, по-разному транскрибируя его фамилию (сначала Каравацкий[16], затем Караватский[17]), Иванов первым написал наиболее подробно, не зная даты его смерти:

> Караватский Бернард, польский гражданин. Провозил в СССР для ВСХСОН технику и запрещенную литературу. По требованию КГБ СССР арестован польскими спецслужбами, но советским властям выдан не был. Осужден за сотрудничество с ВСХСОН и отбывал наказание в Польше. После освобождения эмигрировал в Данию. В настоящее время живет в г. Копенгагене. Музыкант, писатель[18].

---

[11] *Романков Л.* Польский след // Новая Польша. 2008. № 1. С. 58–59.

[12] *Romankow L.* Polski ślad // *Kosinowa T.* Указ. соч. С. 405–408.

[13] *Иванов И.* Русское подполье: Пути и судьбы социал-христианского движения. М., 2015. С. 78.

[14] Там же. С. 8.

[15] Там же. С. 366–367.

[16] Там же. С. 8, 78.

[17] Там же. С. 367.

[18] Там же.

В 2018 московская журналистка Ксения Лученко, записавшая интервью с Игорем Огурцовым, повысила статус Завадского и Каравацкого до «членов»: «Двое членов организации были даже гражданами Польской народной республики, где их в итоге тоже репрессировали»[19].

В 1975 в первом сборнике документов и материалов ВСХСОН на русском языке Джон Дэнлоп и Никита Струве опубликовали в разделе «Послесловие» фрагмент мемуаров Бернарда Каравацкого, без комментариев и никак не представляя автора[20]. Каравацкий писал о ВСХСОН «наша организация» и называл себя ее «участником», демонстрировал знание программы, структуры, порядка получения и размера членских взносов, ближайших и отложенных на десятилетия целей, планов и сомнений Огурцова, Садо и Вагина и личное, не поверхностное знакомство с ними. Каравацкий обращал внимание как на близкое ему увлечение йогой Огурцова и Садо, практикующих «карма-йогу действия», так и на «антисемитские нотки» у Садо, с которыми ему было «трудно примириться»[21].

В 1979 адвокат Юрий Лурьи[22] в открытом письме к Дэнлопу подверг сомнению точность мемуаров Каравацкого и их надежность как источника, просил относиться к тексту как к личному мнению автора[23]. Ссылаясь на свое знакомство с материалами обоих дел ВСХСОН, Лурьи утверждал, что Каравацкий никогда не был членом ВСХСОН (Каравацкий на этом и не настаивал, называя себя «участником») и просил не верить его словам «“наша организация” планировала вооруженную борьбу»[24].

За прошедшие 42 года опубликованные в 1975 году воспоминания Бернарда Каравацкого были использованы один раз. И. Иванов, не указав источник, включил из них одну фразу в виде эпиграфа к «Введению» своей книги:

---

[19] *Лученко К.* Проповедники, солдаты и организаторы // Такие дела. 23.08.2018. URL: https://takiedela.ru/2018/08/sovetskie-podpolnye-dissidenty/. В обработанном тексте в виде монолога опубликовано в кн.: Архангельский А., Лученко К., Сорокина Т. Свободные люди: Диссидентское движение в рассказах участников. М., 2017.

[20] *Караватский Б.* Воспоминания участника // ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Указ. изд. С. 204–209.

[21] Там же. С. 206, 208.

[22] Юрий Лурьи был защитником членов ВСХСОН Георгия Бочеварова и Станислава Константинова на так называемом «процессе семнадцати» 4–5 апреля 1968.

[23] *Luryi Y.* Letter to the Editor // Survey: A journal of East & West studies, London, 1979, № 1 (106). С. 213.

[24] Позднее Юрий Лурьи сообщил Вениамину Иофе, что публично оспаривал все утверждения о стремлениях ВСХСОН к вооруженному восстанию в расчете на реакцию Amnesty International, которая так и не признала осужденных членов ВСХСОН узниками совести (Записка Ю. Лурьи в адрес В.В. Иофе. Б./д. Архив НИЦ «Мемориал». Коллекция «Группа ВСХСОН»).

> Фальсификаторам истории России не удастся вычеркнуть из памяти народа факт существования ВСХСОН, и я уверен, что главные идеи этой организации будут реализованы в будущем России[25].

«Установлена связь с заграницей»[26]

Международные (польские, французские, британские и чешские[27]), а также католические связи и устремления были запрограммированы в «Народно-революционной хартии»[28] ВСХСОН. В введении к ней говорилось:

> Народная освободительная революция, направленная на свержение диктатуры коммунистической бюрократии, на создание справедливого социального строя, носит международный характер по своим задачам и последствиям[29].

Слово «Польша» дважды появлялось в программе. В пятом разделе, описывая «международное антикоммунистическое освободительное движение», авторы программы приводили польские примеры в качестве доказательства «несостоятельности марксистско-ленинского учения перед лицом истории». Так, в Польше, «несмотря на сильный нажим ЦК КПСС», «крестьянские хозяйства не были коллективизированы»[30]. Там «ни разу не удалось навязать народу коммунизм без сопротивления»; а «в 50-е годы прокатилась волна освободительных выступлений»[31].

Из всех христианских конфессий социал-христиане выделяли только «католическую церковь»[32]: ее «социальная доктрина», «обращенная к народам и христианско-демократическим партиям», провозглашала «всеобщие и вечные моральные законы, следование которым спасает человека и общество

---

25 *Иванов И.* Указ. соч. С. 8.

26 24 июля 1990 года один из руководителей ВСХСОН Борис Аверичкин в анкете «Краткие сведения о групповом политическом процессе», разработанной В.В. Иофе в 1990 для архива НИЦ «Мемориал», в графе «Фактические действия группы» написал: «1) членами “ВСХСОН” стали более 20 человек и 50 человек уже были готовы вступить в него, 2) **установлена связь с заграницей,** 3) добыли типографский шрифт, 4) купили оружие, 5) печатали и распространяли литературу и т. д.». Анкета «Краткие сведения о групповом политическом процессе». Архив НИЦ «Мемориал». Коллекция «Группа ВСХСОН».

27 В следственном деле упоминаются контакты М. Садо с чехословацким студентом ЛГУ Езефом Дробытом, а также связи Л. Завадского и Б. Каравацкого с научным сотрудником Братиславского института ориенталистики Романом Рачинским, установленные с целью расширения ВСХСОН (Справка из КГБ СССР. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 15).

28 Подзаголовок Программы ВСХСОН. См.: ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Указ. изд. С. 31.

29 ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Указ. изд. С. 34.

30 Там же. С. 57.

31 Там же.

32 Там же. С. 33.

из образовавшегося тупика»[33]. (При этом ни одна из русских православных церквей – ни РПЦ МП, ни РПЦЗ в устройстве будущей социал-христианской России, описанном в программе ВСХСОН, не фигурировала.)

Говоря о «свободолюбивой молодежи в восточном блоке», Игорь Огурцов, кроме Польши, упоминал Чехословакию и Болгарию[34]. Из интервью с Огурцовым: «Идеи свободы, персонализма, отрицания тоталитарной системы были у нас общими», «передовая молодежь в восточном блоке, безусловно, мыслила аналогичным образом», со знакомыми молодыми поляками «у нас был широкий обмен мнениями». Как возникали связи? «В основном все шло через надежные дружеские контакты, где мы могли доверять людям в личном плане», – вспоминал Огурцов в интервью. Знакомство «студентов философского и восточного факультета» ЛГУ с Леоном Завадским состоялось «задолго до создания организации», «в 1957 году на военной кафедре». «Леон проучился здесь сначала пять лет в качестве студента, потом, кажется, еще два года в аспирантуре. На его глазах возникла наша организация. Хотя он не был ее членом, он был посвящен во многое. <…> Леон был одним из самых надежных друзей, на которого можно было твердо положиться. Например, я был абсолютно уверен, что, случись какая-нибудь драка в прямом или переносном смысле, он не предаст. Он также с легкостью мог бы продать свое имущество, если бы это потребовалось. Леон был среди тех, с кем мы обсуждали программу ВСХСОН, он был последовательным сторонником возвращения народу собственности, предлагал внести в программу какие-то коррективы. В 1966 году Леон вывез в Польшу текст программы, отснятой фотоспособом, в непроявленном виде, в кассете с пленкой. Таких пленок было две, вторая была передана Струве»[35].

После арестов общение не прервалось: «…самым невероятным для меня было письмо Леона, полученное в лагере в Перми», – говорил в интервью Огурцов. Леон Завадский называл Огурцова своим «Учителем»[36], ездил к нему в Мюнхен в 1992 и в Петербург в 2003. Переписку заменили регулярные разговоры по телефону вплоть до смерти Завадского в августе 2018.

В 1960-х в технику перевоза пленок Завадский не посвящал ленинградских подпольщиков. Инесса Завадская утверждает, что тоже перевозила в Варшаву программу ВСХСОН, перед этим ознакомилась с нею и организовала микрофильмирование. Но интересы и дружеские связи Инессы и Леона Завадских не ограничивались ВСХСОН. В своей прическе она перевозила из Ленинграда

---

[33] ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Указ. изд. С. 33.

[34] Член ВСХСОН Георгий Николаевич Бочеваров (1935–1987) был сыном болгарина Николая Бочеварова (1900–1937), профессионального революционера, соратника Георгия Димитрова. Здесь и далее цит. по неавторизованному интервью с И.В. Огурцовым (2005). Фрагменты интервью в переводе на польский язык опубликованы: *Kosinowa T.* Указ. соч. С. 113–115.

[35] Там же.

[36] «Mojego Nauczyciela Igora Ogurcowa z Sankt Petersburga [моего Учителя Игоря Огурцова из Санкт-Петербурга] (2008). URL: https://www.ramanadom.org/2008/08/03/zacmienie-w-sieci/.

в Варшаву не только непроявленные пленки с «Крутым маршрутом» и программой ВСХСОН, но и с текстами Александра Солженицына, стенограммой процесса Иосифа Бродского, составленной Фридой Вигдоровой, его стихами. «Привязались, конечно, к тому, что привезла пленку с процесса. "Да, привезла". – "Нелегально", – говорят. "Так почему? Я же не пересекала границу нелегально? У вас там и с одной стороны проверяют, и с другой проверяют". И я с таким упрямством настаивала, что все перевезенное через границу легально, что аж судья хохотал», – вспоминала в 2007 году Инесса Завадская[37].

«Сын человеческий»

Леона Завадского и Иосифа Бродского познакомила студентка факультета психологии ЛГУ Зофья Капусцинская[38]. По описанию Инессы Завадской: «Детдомовская девочка. Тогда направляли в Советский Союз учиться бедных и способных детей, так она попала туда. Очаровательная совершенно женщина, необыкновенная, знаете, когда человек внутри себя эстет»[39]. В 1960 Завадский впервые привел Бродского в комнату родителей жены[40]. «Это было зрелище чисто греческого порядка. У него лопнули брюки. Я старше на четыре года, и у меня моментально появился тон старшей сестры: "Это прекрасно, накрывайся покрывалом, и я пока буду брюки шить, ты будешь стихи читать". <...> Пришла моя мама, остановилась в дверях, замерев», – вспоминала Инесса Завадская первую встречу с Бродским. Они подружились: сдавая сессию, Завадская «частенько оставляла Осю в няньках» (в 1959 у Завадских родилась дочь Инга[41]), была варшавской связной, ездила к нему в ссылку в Норинскую, там получила согласованный цикл «Стихотворения 1964 года», вошедший в первый сборник Бродского, изданный за границей («стихотворения привезла я, даны они мне были в руки Бродским»)[42]. Поэтому, когда в августе 1968 Инесса Завадская в Варшаве заметила за собою слежку, то связывала ее с Солженицыным и Бродским, тексты которых перевозила и о которых рассказывала студентам Государственной высшей театральной школы, где незадолго до ареста начала преподавать русскую литературу.

---

[37] Авторизованное интервью с Инессой Завадской, записано в Варшаве 27.11.2007. Фрагменты интервью опубликованы на польском языке: *Kosinowa T.* Указ. соч. С. 141–158, 251–252.

[38] Зофья Ратайчак-Капусцинская, профессор психологии Силезского университета. Адресат стихотворений И. Бродского «Лети отсюда, белый мотылек...» (1960), «Пограничной водой наливается куст...» (1962) и др., поэмы «Зофья» (1962). Одна из 17 свидетелей на процессе Леона и Инессы Завадских и Бернарда Каравацкого (1968–1969).

[39] Указ. интервью с И. Завадской.

[40] Семья Чуриловых (Инесса Завадская – урожд. Чурилова) проживала на «проспекте Кирова [Каменноостровском], 73/77, кв. 66» (IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 34).

[41] Инга Завадская (1959–2014).

[42] Стихи, полученные И. Завадской от И. Бродского в Норинской, были переданы Анджеем Дравичем в Польский литературный институт в Париже Ежи Гедройчу. Опубликованы в первом зарубежном, так называемом «мюнхенском», сборнике: *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. [Нью-Йорк], 1965.

Леон Завадский написал на основе стенограммы процесса над Бродским пьесу в прозе «Сын человеческий»[43]. Фотокопия пьесы хранится в третьем томе следственного дела Завадских и Каравацкого в ИПН вместе с двумя другими вещественными доказательствами по делу – еще одной пьесой Завадского в стихах «Славяне, или Дзяды – продолжение»[44] и воззванием «Открытое письмо»[45]. Весной 1968 Леон Завадский отправил обе свои пьесы на конкурс дебютов в Театр Народовы. В сопроводительном письме он извинялся за единственный экземпляр («нет денег») и просил Театр вернуть пьесы, если будут не нужны[46]. Это письмо, во-первых, послужило доказательством авторства Завадского, а во-вторых, обнаруживало один из путей попадания текстов к следователям 4-го отдела 3-го департамента МВД ПНР – из Театра.

Следствие отмечало «антисоциалистический характер»[47] пьесы «Сын человеческий», но не анализировало ее содержание. Герои пьесы – Поэт, Мать Поэта, Судья, Прокурор, Охранник – не имеют имен, Бродский не был идентифицирован. Изъятая на обыске у И. Завадской переписка с поэтом (отсутствует в деле) и ее записная книжка[48] с его адресом и телефоном в Ленинграде следствием также не анализировались. Однако наличие пьесы и дружеские связи Завадских с И. Бродским породили интерпретацию дела, исходящую от И. Завадской и воспроизведенную Л. Романковым:

> Инна передала Леону запись суда над Иосифом Бродским.
>
> Через некоторое время он на основании этой записи написал пьесу об осуждении Бродского. Леон (тогда уже оставивший Инну) по окончании пьесы дал ее на отзыв пяти своим знакомым, в том числе ей.
>
> Кто-то снес пьесу в УБ (польское КГБ). Началось следствие…[49]

«Криптоним “Piter”»

В Варшаве разработку польских участников ВСХСОН начали в июле 1967, после обращения КГБ СССР. Группе и делу присвоили «криптоним “Piter”».

---

43 *[Zawadzki L.]* Syn człowieczy. Фотокопия машинописи без автора и без года на 75 листах. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 3. Л. 74–149.

44 *[Zawadzki L.]* Gall Anonim XX. Słowianie czyli Dziadów ciąg dalszy. Polskiemu Teatrowi Narodowemu poświęcam. [*Завадский Л.*] Галл Аноним XX. Славяне, или Дзяды – продолжение». Посвящается Польскому Театру Народовы]. 1968. Машинопись. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 3. Л. 28–74.

45 *[Zawadzki L.]* Gall Anonim XX. List otwarty [*Завадский Л.*] Галл Аноним XX. Открытое письмо. Машинопись. Там же. Л. 1–27.

46 Конверт и письмо Л. Завадского. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 3. Л. 150–151.

47 План оперативных действий по оперативному сопровождению дела с криптонимом «Piter» от 24 июля 1967; подписан «Старшим офицером Оперативного Отдела IV Департамента III МВД ПНР поручиком Ст. Войцеховским. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 74.

48 Опись адресов и имен из найденных при обыске 11 сентября 1968 у Инессы Чуриловой блокнотов или телефонной книги. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 77–105.

49 *Романков Л.* Указ. соч. С. 58.

Один из первых документов архивно-следственного дела – секретная справка на русском языке о раскрытии УКГБ по Ленинградской области «антисоветской организации», руководители которой не только планировали «предусмотренное программными документами» «установление преступных связей с иностранцами»[50], но и осуществили это. Справка была составлена на основе «показаний»[51] арестованных в Ленинграде руководителей ВСХСОН и излагала хронику их контактов с поляками за 1962–1967 годы. Как сказал в интервью Игорь Огурцов: «Имена Леона и Бернарда не фигурировали в изъятых на обысках документах, но прозвучали – не все умели держать язык за зубами»[52]. По просьбе польских следователей Огурцов, Садо, Вагин и Аверичкин были дополнительно опрошены уже в тюрьмах и лагерях. Обвинительное заключение по делу Завадских и Каравацкого ссылается на их многостраничные свидетельские показания[53].

Инесса Завадская вспоминала:

> <…> после того, как закрыли следствие, я читала в деле, что какой-то капитан, я не помню его фамилию, <…> ездил в тот лагерь, где сидел Игорь, где был Миша, да и Женю Вагина потом допрашивали на предмет меня. Но они просто сказали: «Да была какая-то красивая девушка, это жена нашего приятеля, она ничего не знает». Ну и так от меня отвязались[54].

Но в следственном деле протоколов допросов Огурцова, Садо, Вагина и Аверичкина по делу Завадских и Каравацкого нет: 25 и 28 ноября 1969, перед передачей дела в архив, три четверти материалов дела были уничтожены следствием[55] (источниковедческий анализ этого дела выходит за рамки настоящей статьи).

Первой, 11 сентября 1968, была арестована Инесса Завадская. «Образование высшее, по профессии библиограф, выполняет работу для Классического театра и [Польского театрального агентства] "PAGART", проживает в Польше по карте постоянного вида на жительство»[56]. «Когда они <…> собирали бумаги всякие, переписку, записные книжки, книги с полок снимали, <…> я, проходя, увидела у одного из них (он стал потом моим следователем[57]) на бумажке написано

---

[50] Справка из КГБ СССР от июня 1967, подпись не расшифрована. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 14.

[51] Там же.

[52] Указанное интервью с И. Огурцовым.

[53] Обвинительное заключение. Список лиц, чьи свидетельские показания записаны со слов и должны быть приобщены к делу. 31 мая 1969. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 282.

[54] Указ. интервью с И. Завадской.

[55] Протоколы уничтожения материалов дела «Piter» и «Piter II» и внутренней переписки. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 295–297, 311.

[56] Рапорт от 14 сентября 1968 об аресте Инессы Завадской и освобождении Леона Завадского и Болеслава Ливнича. Подписан заместителем начальника отдела III КМО [мяста столичного Варшавы] m.st. W-wy майором Ед. Гуртат. Там же. Л. 106.

[57] Поручик Войцех Салайчык. Там же. Л. 75.

печатными буквами: "Вагин и Садо". <...> Я вошла в кухню и сказала мужу[58]: "Я сегодня не вернусь, и я долго не вернусь"», – рассказывала Завадская об обыске в день ареста.

КГБ и Следственное бюро МВД ПНР главную роль в польской группе отводили Леону Завадскому, на момент ареста в январе 1969 «не работающему экономисту»[59]; «в 1965 развелся с Чуриловой и женился на Марии Иванов Дронь»[60]. По мнению следствия, Завадский руководил всеми польскими контактами с ВСХСОН, которому «предложил наладить связь с международной сионистской организацией "Джойнт", а по заданию ВСХСОН должен был уведомить кардинала Вышинского о существовании этой организации на территории СССР»[61]. Он также координировал встречи с руководителями ВСХСОН скрипача Каравацкого и биохимика Болеслава Ливнича[62], пользуясь их поездками в Ленинград. 2 января 1967 Ливнич, находясь «в Ленинграде в командировке в институте физиологии имени Павлова», «связался с Вагиным» и «сообщил, что Завадский благополучно провез в Польшу фотопленки с программными документами и другими материалами группы, подготовил человека для посылки за границу и ждет инструкции от ее руководителей»[63] (переправить программу за границу не удалось). Вместе с Каравацким он намеревался создать в Польше «нелегальную террористическую организацию» и в начале 1967 написал «Программу освобождения польского народа» на 29 страницах, основанную на программе ВСХСОН[64]. (Несмотря на то что эта программа была 30 января 1969 изъята при обыске в доме тещи Завадского[65], в следственном деле она отсутствует.) Завадский был автором всех трех «вражеских пасквилей», ставших в деле

---

[58] Богдан Лысаковский (1932–1993), польский актер; проходил по делу свидетелем.

[59] Специальное донесение 1-го заместителя Столичного Коменданта Службы безопасности в Варшаве полковника Ст. Слароиньского Директору Кабинета Министра Внутренних Дел в Варшаве от 14 января 1969. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 113.

[60] Служебная справка главного сотрудника IV отдела III управления МВД ПНР капитана Е. Гуртата от 22 ноября 1967. Там же. Л. 34.

[61] План оперативных действий по оперативному сопровождению дела с криптонимом «Piter» от 24 июля 1967; подписан «Старшим офицером Оперативного Отдела IV Департамента III МВД ПНР поручиком Ст. Войцеховским. Там же. Л. 74.

[62] Boleslaw Henryk Liwnicz (1940–2003), врач-биохимик, доктор медицинских наук, профессор. Родился в Москве. Ассистент Центра исследовательской и клинической медицины в Варшаве (1968). На 1-м листе 1-го тома дела № IPN 0204/13 упоминается среди «фигурантов»; проходил по делу свидетелем; с 15.03.1968 по 15.03.1970 по постановлению следователя Станислава Войцеховского имел запрет на выезд за границу; 03.09.1968 по постановлению следователя Ст. Войцеховского ему отказано в выезде в Израиль; 11.09.1968 после обыска в своей квартире был задержан, но 14.09.1968 освобожден в связи с «отсутствием вины» (Биография составлена по материалам дела. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Эмигрировал с семьей в Израиль (1970?), жил в США.

[63] Справка из КГБ СССР от июня 1967, подпись не расшифрована. [«Совершенно секретно. Экз. единственный», б/н, б/д]. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 15, 16.

[64] Обвинительное заключение. 31 мая 1969. Там же. Л. 276.

[65] Протокол обыска и изъятия в доме Хелены Иванов, матери Марии Дронь-Завадской от 30 января 1969. Там же. Л. 70.

вещественными доказательствами: пьес «Сын человеческий» и «Славяне, или Дзяды – продолжение» и текста «Открытое письмо», написанного, как считало следствие, на основе «Программы освобождения польского народа»[66].

13 января 1969 вместе с Леоном Завадским был арестован его младший брат Роман-Ян Завадский, «22 лет, студент 6 года [обучения] Механико-энергетического и воздушно-транспортного факультета Варшавской Политехники, беспартийный»[67]. Он был посвящен в подпольную деятельность старшего брата и Бернарда Каравацкого, передавал их тексты своим друзьям и знакомым студентам, о чем подробно рассказал следствию 13 января – 19 февраля 1969[68], на процессе использован как свидетель обвинения.

Самым неприятным для польской госбезопасности стало саморазоблачение ее агента перед руководителями ВСХСОН и фигурирующий в их деле «портативный звукозаписывающий аппарат минифон»[69], выданный этому агенту. Минифон «западногерманского производства с двумя бобинами с лентой (одна полностью, вторая частично) в дерматиновом футляре темно-зеленого цвета»[70] был изъят 15 февраля 1967 на обыске у хранителя архива, библиотеки, вещей, символики и предметов ВСХСОН Бориса Аверичкина. Весной 1963, специально возвращаясь через Ленинград с гастролей в Финляндии и Швеции, его привез руководителям ВСХСОН скрипач варшавского театра «Лялька» Бернард Каравацкий. В январе 1961, на 3-м курсе Высшей музыкальной школы, он был завербован 3-м Департаментом МВД ПНР. В том же году «в связи с интересом к индийской философии и йоге узнал некоего Леона Завадского»[71]. Завадский и ВСХСОН знали о том, что Каравацкий был завербован и поэтому имеет «возможность выезжать в капиталистические государства»[72]. 24 июля 1967 старший офицер 4-го оперативного отдела 3-го Департамента МВД ПНР Станислав Войцеховский писал: «Каравацкий после заграничных поездок и контактов

---

[66] Обвинительное заключение. 31 мая 1969. Там же. Л. 277.

[67] Специальное донесение 1-го заместителя Столичного Коменданта Службы Безопасности в Варшаве полковника Ст. Слароиньского Директору Кабинета Министра Внутренних Дел в Варшаве 14 января 1969. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 113.

[68] Протоколы допросов Р.-Я. Завадского. Там же. Л. 115–119, 121–126, 133–137, 143–150, 155–163, 169–178, 183–195, 200–209, 222–226, 235–242, 257–262, 265–270.

[69] Справка из КГБ СССР от июня 1967, подпись не расшифрована. [«Совершенно секретно. Экз. единственный», б/н, б/д.] Там же. Л. 14.

[70] Протокол обыска от 15 февраля 1968 в квартире Чистяковой Александры Моисеевны (бабушки Аверичкина Бориса Анатольевича) по адресу: Ленинград, Екатерининский проспект, д. 5, корп. 4, кв. 36. Архив НИЦ «Мемориал». Коллекция «Группа ВСХСОН». Копия.

[71] Отчет Команды Гражданской Милиции Варшавы от 18 января 1969 о проведении оперативных и следственных мероприятий по делу «Акации» [оперативное название группы Богуславы Бляйфер] в период с 14 декабря 1968 по 16 января 1969, подписан 1-м заместителем Столичного коменданта Службы безопасности Варшавы полковником Ст. Слароиньским. Выписка из протокола допроса Б. Каравайцкого. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 65.

[72] Справка из КГБ СССР от июня 1967, подпись не расшифрована. [«Совершенно секретно. Экз. единственный», б/н, б/д.] Там же. Л. 15.

с иностранцами в стране делал поверхностные сообщения. Не раскрыл при этом своих контактов с Завадским и антисоветской группой в Ленинграде. Расконспирировался перед Завадским, что является сотрудником наших органов. Сотрудничество с ним прекращено в связи с этими возмутительными обстоятельствами <…>. Полагаю, что Каравацкий, перед которым ставились очень конкретные задания, придумывал себе алиби о трудностях их реализации. Не без умысла и вопреки обязанностям сотрудника Каравацкий оказался нелояльным и двуличным»[73]. В 1963 Каравацкий и руководители ВСХСОН «договорились о способе контактов с помощью шифра, ключом к которому была статья М. Горького «О мещанстве»[74].

По мнению следствия, «по образцу привезенной Завадским программы "Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа" Каравацкий создал программу, устав и присягу нелегальной организации "ПП", или "Подпольная Польша", которую собирался учредить. <…> Для этого в мае 1968 при помощи Романа Завадского искал связи в студенческой среде, в частности с так называемыми "командосами"[75] – Куронем[76], Модзелевским[77], Михником[78] и другими»[79]. (Попытка связи не удалась: все трое с марта 1968 находились под арестом. Текст программы «Подпольной Польши» в материалах дела не содержится.)

«Нас объединили в одно дело как подельников, <…> но организации из нас никак не могли сделать: какой-то бывший муж бывшей жены – и все скользили по литературной почве. Хоть и программу [ВСХСОН] у Леона нашли, а он и не отрекался, он объяснял, что дело правое, и мы победим. Вторая жена Леона была врачом, и она устроила ему чуть ли не какое-то совершенно смертельное заболевание, плюс трое детей (там было двое детей не его, но он всех собрал, и все время говорил, что у него трое детей) и так далее. А вот бедный Каравацкий, он, кажется, за нас всех поплатился. <…> Это очень интересный человек.

---

[73] План оперативных действий по оперативному сопровождению дела с криптонимом «Piter» от 24 июля 1967; подписан Старшим офицером Оперативного Отдела IV Департамента III МВД ПНР поручиком Ст. Войцеховским. Там же. Л. 28.

[74] Отчет Команды Гражданской Милиции Варшавы от 18 января 1969 о проведении оперативных и следственных мероприятий по делу «Акации» [оперативное название группы Богуславы Бляйфер] в период с 14 декабря 1968 по 16 января 1969, подписан 1-м заместителем Столичного коменданта Службы безопасности Варшавы полковником Ст. Слароиньским. Выписка из протокола допроса Б. Каравацкого. Там же. Л. 66.

[75] «Komandosy» – леворевизионистская группа студентов Варшавского университета (1964–1968), основанной Адамом Михником и др. Следствие ошибочно включает в группу старших наставников Куроня и Модзелевского.

[76] Яцек Куронь (1934–2004), польский историк и политик, один из лидеров оппозиции.

[77] Кароль Модзелевский (р. 1937), польский историк-медиевист и политик, один из лидеров оппозиции. Живет в Варшаве.

[78] Адам Михник (р. 1946), польский историк и политик, один из лидеров оппозиции (1968–1989) в ПНР и в РП (2005–2010, с 2015). Публицист, главный редактор «Газеты Выборчей» (с 1989). Живет в Варшаве.

[79] Обвинительное заключение. 31 мая 1969. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 278.

Он, конечно, знал и наверняка каким-то образом был связан именно по делу с этими людьми [из ВСХСОН]»[80], – вспоминала Инесса Завадская.

«Бернард был нам ближе», – сказал Игорь Огурцов[81]. Как и основатель ВСХСОН Игорь Огурцов, Каравацкий на следствии всерьез и подробно рассказывал о целях и намерениях польской версии ВСХСОН, не преуменьшая их масштабов. Как и Огурцов, он отсидел больше всех. «Приговор был позже уменьшен по амнистии до полутора лет, – писал Каравацкий в 2001 в автобиографии для сайта датских литераторов. – Меня отправили в самую строгую тюрьму в Польше в Стшельце-Опольске»[82].

Инесса Завадская так рассказывала о своей тюремной стратегии: «Уж коль скоро сидишь, то пытайся сидеть меньше, не надо дольше. Где можешь не наворачивать на себя, не накручивать, то и не накручивай»[83]. Главной опасностью для нее была экстрадиция в СССР. Начальник Следственного отдела УКГБ по ЛО Михаил Михайлович Сыщиков приезжал за нею в Варшаву, но она на его допросе потребовала переводчика. «А переводчика нет – не приготовили. А Сыщиков разъярился. А ему говорят: “Ну, побудете с нами еще день”. Ничего, думаю, побегаешь по магазинам», – вспоминала в интервью Завадская. Сразу после второго допроса польские следователи отправили ее на психиатрическую экспертизу на месяц, но КГБ так и не выдали. Суд принял уклончивое обращение к пограничному департаменту МВД ПНР с «рекомендацией выдворения»[84] Завадской, но оно так и не состоялось.

Польский суд не учел и планов создания в Варшаве польской версии ВСХСОН, которых не скрывал Каравацкий, и приговорил всех троих по части 1 статьи 23 так называемого «МКК»[85].

В 2003 Леон Завадский добился судебного пересмотра этого дела[86]. Инесса Завадская говорила об этом: «Леон сделал мне “подарок ко дню рождения”,

---

[80] Указ. интервью с И. Завадской.

[81] Указ. интервью с И. Огурцовым.

[82] Bernard Karawatzki // Inspiration og debat om litteratur. [Вдохновение и дебаты по литературе.] URL: http://litteratursiden.dk/forfattere/bernard-karawatzki.

[83] Указ. интервью с И. Завадской.

[84] Сопроводительное письмо начальника 4 Отдела 3-го Департамента МВД ПНР подполковника Х. Вальчыньского Начальнику 4 отдела Управления Пограничного Контроля МВД ПНР от 29 июля 1969. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 293.

[85] «Распространение, изготовление, хранение или перевозка текстов, публикаций или изображений, призывающих или одобряющих тайные для властей преступления, содержащие лживые сведения, способные навредить интересам Польского Государства или понизить авторитет государственных органов, подвергается наказанию не менее 3 лет тюремного заключения». «Mały Kodeks Karny» («Малым Уголовным кодексом») в ПНР называли «Декрет об особо опасных преступлениях в период восстановления государства» от 13.06.1946, действовавший до 31.12.1969.

[86] В Республике Польша не существует отдельного закона, описывающего процедуру реабилитации политзаключенных ПНР, аналогичного российскому «Закону о реабилитации жертв политических репрессий» (1991); каждый приговор, вынесенный в ПНР, по желанию осужденных или их родственников (наследников) может быть пересмотрен тем же судом, в котором он был вынесен.

как он сказал, он через суд добился нашей реабилитации. Нет, не могу сказать, что это не имело для меня никакого значения, но это была его инициатива, он этим долго занимался». На этот реабилитационный процесс в Городском суде Варшавы приезжал Бернард Каравацкий.

***

В истории любой подпольной группы нас интересует прежде всего, *было ли что-то на самом деле* или вся история сфальсифицирована службой безопасности? Реальность существования польской группы ВСХСОН не имеет однозначной трактовки ни в России, ни в Польше. «Судья, который нас тут судил[87], <…> был человеком расчетливым и понимал, что Гомулка падает, что наступают какие-то другие времена и что нечего тут организацию шить, не надо из этого делать международного антикоммунистического движения», – сказала в интервью Инесса Завадская. Сам Огурцов тоже подчеркивал в интервью, что в Варшаве «не было никакой организации». До конца всерьез эту историю воспринял, судя по материалам дела и мемуарам, Бернард Каравацкий.

Для ВСХСОН раскрытие информации о польских единомышленниках стало доказательством масштаба организации и одновременно слабости в поведении ее членов на следствии, но также и усложнением общей картины, своего рода «разрывом шаблона». Завадский с Каравацким были не католиками и социал-христианами, а йогами, нашедшими единомышленников в лице Огурцова и Садо. Наконец, Каравацкий, Завадский и Ливнич были польскими евреями, пережившими в раннем детстве нацистскую оккупацию, гибель одного из родителей (Завадский), Холокост и бегство из гетто (Завадский и Каравацкий); Завадский выдвинул идею связи ВСХСОН с «Джойнтом»; семьи Ливнича и Каравацкого эмигрировали из Польши из-за развязанной властями ПНР антисемитской кампании. История группы польских соратников отменяет линейную интерпретацию ВСХСОН, рассеивает миф о нем как о чудо-группе православных русских патриотов, наследников Белого движения и приверженцев РПЦЗ.

Грюнфельд-Завадский Леон (Grünfeld-Zawadzki Leon), родился 10 августа 1938 в Освенциме в семье Якуба Грюнфельда и Адели Грюнфельд-Юрковской. С 1940 в Сосновецком гетто; в 1942 (?) вместе с матерью бежал из гетто, укрывался в районе Бельска-Бялой, Бельске, Гливицах, Вальбжихе. В 1946 усыновлен отчимом Станиславом Завадским (1900–1984), генералом Войска Польского (1945), министром Труда и социальной политики ПНР (1956–1960). Окончил экономический факультет ЛГУ (1961). В браке с Инессой Чуриловой (1960–1965), Марией Дронь (1965–?), Марией Пенёнджек (1983–2018). 14.01.1969 арестован в Варшаве. 02.07.1969 Повятовым судом Варшавы приговорен по ч. 1 ст. 23

[87] Судья Ст. Плуценничак [St. Płócienniczak]. Приговор. IPN. Д. № IPN 0204/13. Т. 1. Л. 285.

Декрета от 13.06.1946 («распространение, изготовление, хранение <...> текстов, <...> содержащих лживые сведения, способные навредить интересам Польского Государства или понизить авторитет государственных органов») к трем годам тюремного заключения и двум годам поражения в правах. Освобожден по амнистии в сентябре 1969. Астролог, йог, тренер по шахматам. Автор стихов, пьес, эссе, статей, методических пособий по астрологии и йоге. В 1984 вместе с М. Пенёнджек учредил духовный центр «RamanaDom» в деревне Жики (Потруйная гора, горный массив Малый Бескид). Жил в Белько-Бяла. Умер 31 августа 2018.

Завадская Инесса Федоровна, в девичестве Чурилова, родилась 4 апреля 1937 в Ленинграде. Окончила библиотечный факультет Ленинградского института культуры (1960). Замужем за Леоном Завадским (1960–1965); во втором браке за Богданом Лысаковским (1968–1993); дочь Инга Завадская (1959–2014). Работала библиотекарем в Центре советской культуры (1961–1968), преподавателем русской литературы в Высшей театральной школе (1968, 1969–2007), литературным консультантом в театральном агентстве «PAGART» и Классическом театре. 11.09.1968 арестована 4-м отделом 3-го департамента МВД ПНР в Варшаве. Освобождена по амнистии 7 мая 1969. 02.07.1969 осуждена по п. 1 ст. 23 Декрета от 13.06.1946 («распространение, изготовление, хранение <...> текстов, <...> содержащих лживые сведения...»), приговорена к семи месяцам тюремного заключения и 2000 злотых штрафа с заменой их на 20 суток тюремного заключения. С 1961 живет в Польше.

Каравацкий Бернард (Karawacki, Karawatzki Bernard), родился 2 октября 1938 в Варшаве в семье Франтишека Каравацкого и Сары Лихтзон-Каравацкой. В сентябре 1939 Каравацкие бежали в СССР, жили в гетто в Куренце (1941–1942), в партизанском отряде (1943–1944). После ареста отца СМЕРШем и интернирования в СССР жил в еврейском детском доме в Вильнюсе (1944–1948). Окончил музыкальную школу по классу скрипки в Вильнюсе (1956). В 1957 с семьей вернулся в Варшаву. Окончил Высшую музыкальную школу в Варшаве (1964). В браке с Кудрявцевой-Каравацкой Людмилой Борисовной (1964–?), сын Роман (р. 1965). Скрипач в оркестрах театра «Лялька», Классического театра, Оперы Объяздовой. 15.01.1969 арестован в Варшаве. 02.07.1969 Повятовым судом Варшавы приговорен по ч. 1 ст. 23 Декрета от 13.06.1946 («распространение, изготовление, хранение <...> текстов, <...> содержащих лживые сведения...») к трем годам тюремного заключения и двум годам поражения в правах. Освобожден по амнистии в июне 1970. В 1970 выехал с семьей в Израиль, апатрид. С 1971 политический эмигрант ПНР в Дании. Скрипач Копенгагенского филармонического оркестра (Hele Sjællands Symfoniorkester) (1971–2008), композитор. Датский писатель, автор исторических романов, биографической повести «Железный волк» ([«Jernulven»], 1977), мемуаров, эссе; переводчик (перевел на датский стихи А. Ахматовой и В. Шимборской). Жил в Копенгагене. Умер 3 июня 2012.

Александр Иванов

Принципы формирования «инструктивного пространства» на ленинградской выставке «Евреи в царской России и в СССР» (1939–1941)

Александр Игоревич ИВАНОВ

Центр «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге

10 марта 1939 в ленинградском Государственном музее этнографии (ГМЭ)[1] была открыта выставка «Евреи в царской России и в СССР»[2]. Для ее создания в ноябре 1936 в музее была специально организована еврейская секция, которая впоследствии получила официальное наименование «Секция евреев СССР»[3]. Как отмечал заведующий еврейской секцией И.М. Пульнер[4], целью новой выставки

---

[1] Государственный музей этнографии был организован в Ленинграде в 1934 после отделения от Русского музея; в 1948 переименован в Государственный музей этнографии народов СССР; с 1992 – Российский этнографический музей (РЭМ).

[2] Об истории создания выставки см.: *Иванов А.И.* «Евреи в царской России и в СССР» в контексте советского музейного строительства в 1930-е гг. // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии. Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2017. С. 157–200.

[3] План командировки в западные области Украины по изучению и сбору материалов по этнографии евреев, 1941. АРЭМ (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 49. Л. 1. О создании еврейской секции в ГМЭ см. также: *Иванов А.И.* Д.М. Позднеев – организатор еврейской секции в Государственном музее этнографии (по материалам петербургских архивов) // Пятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». СПб., 2018. С. 73–81.

[4] Пульнер Исай Менделевич (1900–1942) – один из ведущих специалистов по этнографии евреев в

в ГМЭ являлся «показ фактического осуществления Ленинско-Сталинской национальной позиции о равноправии народов Союза и результатов мероприятий партии, Правительства и общественных организаций по реконструкции социально-экономического и культурного быта еврейского населения СССР»[5].

Главным инструментом радикальной реконструкции социально-экономической структуры российского еврейства в Советском Союзе стал проект еврейской земледельческой колонизации и создания еврейских автономий сначала в Южной Украине и в Крыму, а затем в Биробиджанском районе Дальнего Востока СССР, где в мае 1934 была учреждена Еврейская автономная область (ЕАО). Данный проект предусматривал организацию массового переселения евреев из местечек бывшей черты оседлости в так называемые районы сплошного еврейского земледелия, впоследствии преобразованные в еврейские административно-национальные районы Южной Украины и Крыма[6], и в Биробиджан. Таким образом, евреев, занятых преимущественно мелкой торговлей и ремесленничеством в рамках традиционной экономики местечка, предполагалось превратить в крестьян или индустриальных рабочих и, в более широком смысле, по словам председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, сформировать «здоровую советскую еврейскую национальность»[7]. В дальнейшем планировалось преобразовать ЕАО в Еврейскую советскую социалистическую автономную республику, переселив туда к концу 1937 года 180 тыс. евреев[8]. По мнению М.И. Калинина, такая республика должна была стать

СССР, организатор ряда выставок по данной теме в Ленинграде, историк и библиограф. Учился сначала в Ленинградском институте еврейской истории и литературы (1924–1925), затем на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) под руководством Л.Я. Штернберга и В.Г. Тан-Богораза (1925–1929). Получил специальность «этнограф-кавказовед». С 1929 – научный сотрудник (этнограф-консультант) Ленинградского музея Еврейского историко-этнографического общества. В ноябре 1930 поступил в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина сначала библиотекарем, затем старшим научным сотрудником и заведующим еврейским отделением. Одновременно работал по договорам в ленинградских и московских учреждениях: был организатором отделов «Иудаизм» на «Антирелигиозной выставке» в Зимнем дворце и в Ленинградском государственном центральном антирелигиозном музее (бывш. Исаакиевский собор) оформил еврейскую выставку в Народном доме им. М. Горького в Ленинграде (1930-е), участвовал в ряде еврейских этнографических экспедиций (1930-е) и др. В 1937 стал старшим научным сотрудником, затем заведующим еврейской секцией ГМЭ. Был одним из организаторов и авторов выставки «Евреи в царской России и в СССР» (1939–1941), построенной на вещевых и документальных материалах, полученных во время экспедиций и научных командировок в ЕАО, а также в Украинскую ССР, Белорусскую ССР и Грузинскую ССР (1937–1940). Умер в 1942 во время блокады Ленинграда.

[5] Протокол совещания при зам. директоре по научной части ГМЭ, 11 ноября 1937. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 22. Л. 6.

[6] Всего в конце 1920-х – 1930-х в СССР было организовано пять Еврейских административных национальных районов: Калинидорфский и Сталиндорфский в Южной Украине, Новозлатопольский, Фрайдорфский и Лариндорфский в Крыму.

[7] *Калинин М.И.* Об образовании Еврейской автономной области. М.: Эмес, 1935. С. 13.

[8] Рост населения Биробиджанского района запроектированный по второй пятилетке, 1932. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 47.

«важнейшим, если не единственным, хранителем еврейской национальной культуры»[9] в СССР.

Однако еще в апреле-мае 1938 еврейский модернизационный проект был фактические свернут советской властью; еврейские организации, руководившие реализацией данного проекта, – КОМЗЕТ и ОЗЕТ[10] – ликвидированы, а их руководители репрессированы. В годы Большого террора было арестовано едва ли не все партийное руководство и тысячи рядовых граждан ЕАО, учреждение которой было официально провозглашено главным достижением советской национальной политики в отношении евреев и учреждению которой, соответственно, был посвящен основной раздел выставки «Евреи в царской России и в СССР».

Подобного рода противоречия были характерны для всего сталинского политико-культурного проекта, который по своей сути был преимущественно репрезентационным[11]. Иными словами, советская культура направляла свои усилия главным образом на мифологизацию действительности, при этом реальное состояние вещей ее не очень-то занимало[12]. Аналогичная тенденция прослеживается и в процессе реализации еврейского модернизационного проекта в СССР: чем больше неразрешимых противоречий и трудностей возникало при его воплощении в жизнь, тем сильнее активизировалась его репрезентационная составляющая. Массовая агитационно-пропагандистская кампания, инициированная КОМЗЕТом и ОЗЕТом в середине 1920-х, становилась все масштабней по мере того, как реальные результаты в социально-экономическом и культурном строительстве – все скромнее.

Выставка «Евреи в царской России и в СССР», организованная в ГМЭ – одном из ведущих этнографических музеев страны, несомненно, должна была занять важное место не только в агитационно-пропагандистской кампании за «нового советского еврея», но и в советском проекте переустройства социально-экономической структуры российского еврейства в целом. Музеефикация достигнутых результатов в области хозяйственного и культурного строительства

---

9 *Калинин М.И.* Указ. соч. С. 7.

10 Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ) был образован при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР в августе 1924 с целью привлечения еврейского населения Советской России к производительному труду.

Всесоюзное общество по земельному устройству еврейских трудящихся в СССР (ОЗЕТ) – общественная организация, ставившая своей целью привлечение евреев к земледельческому труду. ОЗЕТ было организовано в 1925 в Москве, имело свои отделения по всему Советскому Союзу, занималось привлечением общественных симпатий в СССР и за рубежом к планам еврейской земледельческой колонизации в Крыму, на Украине, в Биробиджане.

11 См. об этом подробнее: *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. С. 5.

12 Как отмечал В. Паперный в своей работе «Культура Два», посвященной советской архитектуре 1920–1930-х годов, «излюбленным архитектурным мотивом [в конце 1930-х. ***– А. И.***] становятся снопы и колосья. Пафос урожайности становится тем сильнее, чем ниже падает реальная урожайность сельского хозяйства». См.: *Паперный В.* Культура Два. М.: НЛО, 2006. С. 163.

в ЕАО придавала всему проекту законченный вид, научно подтверждала его реализацию, воплощение в жизнь.

В соответствии с вышесказанным, выставка «Евреи в царской России и в СССР» представляет интерес для изучения и характеристики принципов конструирования репрезентаций в условиях тоталитарного политического режима, сформировавшегося в СССР в 1930-х годах. Для этого уместно использовать понятие «инструктивное пространство», относительно недавно введенное в научный оборот Мартой де Магальес в ее статье, посвященной организации выставок в португальских музеях в эпоху диктатуры Антонио де Салазара, в 1930-е годы. Данное понятие вполне адекватно определяет характер выставочного проекта, реализованного еврейской секцией ГМЭ. Как пишет Марта де Магальес, «задача музейных "инструктивных пространств" состояла в формировании пропагандистских репрезентаций, в которых жители той или иной страны были представлены самим себе такими, какими их хотела видеть власть, то есть в качестве участников процессов государственного строительства, а не пассивных наблюдателей»[13]. Аналогичный репрезентационный прием, основанный на вполне понятной для посетителей выставки политико-идеологической метафорике, связанной с мифологизированными и героизированными образами новых советских евреев – ударников-стахановцев, покорителей крымских степей и биробиджанской тайги, подлинных строителей социализма и носителей пролетарского интернационализма, должен был способствовать мобилизации самых широких масс на активное участие в социалистическом строительстве.

В совместной статье «Из опыта строительства экспозиции "Евреи в царской России и в СССР"» И.М. Пульнер и сотрудник еврейской секции М.И. Шахнович[14] описывали пространство выставки следующим образом:

> Предоставленное для экспозиции помещение представляло собой узкий и длинный зал <…>, по существу, узкий, мрачный и «скучный» коридор. Перед устроителями экспозиции, прежде всего, встал вопрос о превращении этого коридора в экспозиционный зал... Экспозиционную площадь удалось увеличить устройством двух дополнительных ниш и двенадцать

[13] *Магальес де М.* «Не маленькая страна»: о гетеротопии, инструктивных пространствах и практиках производства знания в Португалии XX века / Пер. с англ. Г. Орловой // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mm22.html.

[14] Шахнович Михаил Иосифович (1911–1992) – специалист в области философии религии и религиоведения, историк культуры и фольклорист. В 1932 окончил Институт философии литературы и истории ЛГУ, а в 1936 – аспирантуру АН СССР. В 1937 за диссертацию «Русские пословицы и поговорки как исторический источник» ему были присуждены две ученые степени – кандидата исторических и кандидата филологических наук. С 1932 по 1941 работал старшим научным сотрудником в Музее истории религии АН СССР (МИР), затем – заместителем директора этого музея по научной работе (1944–1960). С 1937 по 1941 также состоял членом еврейской секции ГМЭ, вместе с И.М. Пульнером активно участвовал в создании выставки «Евреи в царской России и в СССР». В 1940–1990-х совмещал работу в МИР с преподавательской деятельностью на философском факультете ЛГУ. С 1965 – профессор философского факультета ЛГУ.

одинаковой формы и размеров колонн-пилястр, облицованных гипсом… Увеличив экспозиционную площадь, пилястры придали одновременно всему залу строгую симметричность, создали четкие и естественные границы для отдельных разделов и подотделов экспозиции и создали приятный ритм при переходе из одной части зала в другой, связав при этом весь экспозиционный зал в единое гармоничное и архитектурное целое.

При выборе цвета для окраски зала устроители отказались от применявшихся ранее в экспозиционной технике музея ярких тонов (розовый, желтый и др.), придававших в некоторых случаях экспозициям налет «будуарности», и применили белый цвет. <…> Белая окраска <…> придала бодрый, светлый, легкий и парадный тон всему залу, усилила ритмичность всей экспозиции[15].

В таком «бодром и светлом» пространстве зала ГМЭ располагались два раздела выставки: вводный «Евреи в царской России – тюрьме народов» и основной «Евреи в СССР – социалистической родине трудящихся», контрастно противопоставленные друг другу.

Главный экспозиционный комплекс вводного раздела – «еврейское местечко» – был сформирован из подлинных этнографических экспонатов, хранившихся в фондах ГМЭ[16], и еврейских коллекций других музеев, а также из произведений искусства (картин, рисунков, макетов и т. д.). Репрезентации еврейского прошлого основывались на двух «обстановочных сценах»: «Старое еврейское местечко», «Народный театр “Пурим-шпиль”» и целом ряде других экспонатов, в том числе макетах «Жилище портного» и «Хедер – еврейская религиозная начальная школа»; а также на 23 щитах-стендах с «плоскостными материалами» и предметами этнографических коллекций[17]. За счет многочисленных пояснительных текстов и цитат из классиков марксизма-ленинизма о том, что «местечковое население <…> влачило нищенское и полуголодное существование под гнетом богачей и царской полиции»[18], «еврейское местечко» посредством музеефикации исключалось из современного контекста и в соответствии с советскими идеологическими установками органично встраивалось в контекст «непригодного еврейского прошлого».

Положительную коннотацию в экспозиции вводного раздела получили только предметы «еврейского народного творчества», которые в то же время были

---

[15] АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 38. Л. 19.

[16] О формировании еврейских этнографических коллекций ГМЭ см. подробнее: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Т. 3. Ч. 2. Ведомственные архивы. Науч. ред.-сост. А.И. Иванов, М.С. Куповецкий. СПб.: Издательский дом «МИР», 2018. С. 22, 27–30, 142–152.

[17] План работы по подготовке экспозиции Еврейской автономной области, б/д. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 38. Л. 1–5.

[18] Евреи в царской России и в СССР. Краткий путеводитель по выставке. Л.: ГМЭ, 1939. С. 9.

неразрывно связаны с традиционной жизнью еврейского местечка. Данное противоречие было снято признанием того, что «в произведениях народного творчества трудящиеся евреи выражали свой гнев и протест против векового угнетения, свои радости и страдания, чаяния и надежды, свободомыслие, оптимизм и веру в лучшее светлое будущее»[19]. Еврейское народное творчество трактовалось как неисчерпаемый источник развития современной советской еврейской культуры.

Подробный визуализированный отчет о радикальном преобразовании еврейского сообщества, предпринятого советской властью после Октябрьской революции, был представлен посетителям в основном разделе выставки, центральной частью которого стал экспозиционный комплекс «ЕАО»[20]. Для этого были задействованы приемы монументальной пропаганды. Художник Г.Н. Траугот[21] по натурным эскизам выполнил два настенных панно в технике фресковой живописи: Южная (Приамурская) и Северная (Прижелезнодорожная) части ЕАО. Монументальные живописные панно Траугота представляли собой семантически выверенную систему визуальных знаков, объединенных общей политической идеей. Иными словами, ЕАО была представлена в духе пропагандистских клише 1930-х годов как «страна со здоровым климатом и развивающейся хозяйственной жизнью», где «любой физически здоровый человек может найти трудовой заработок»[22]. Эти две настенные фрески, объединившие ключевые тенденции в репрезентации ЕАО 1930-х, стали бесспорным идеологическим центром основного раздела, если не всей выставки.

Другие экспонаты, например, макеты «Освоение тайги» (показывавший суровый быт первых еврейских переселенцев) или «Колхоз им. Кирова» (демонстрировавший хозяйство зажиточного еврейского колхозника), а также выставленные на 15 щитах-стендах данного раздела материалы, собранные биробиджанской экспедицией в ЕАО, развивали, детализировали или поясняли содержание живописи Траугота и методично и последовательно подтверждали важную политическую идею о том, что «впервые в истории еврейского народа осуществилась его горячее желание о создании своей родины, о создании своей национальной государственности»[23].

---

[19] Там же. С. 19.

[20] *Пульнер И.М., Шахнович М.И.* Из опыта строительства экспозиции «Евреи в царской России и в СССР», 1939. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 38. Л. 22.

[21] Траугот Георгий Николаевич (1903–1961) – художник. В 1921–1926 – студент ВХУТЕМАСа (Петроградских государственных художественно-учебных мастерских) – ВХУТЕИНа (Высшего художественно-технического института в Ленинграде). С 1927 – член постимпрессионистского «Общества художников “Круг”». С 1929 по 1935 преподавал в Ленинградском государственном художественно-промышленном техникуме. В 1932 был принят в Союз художников. В 1945–1948 – член правления Ленинградского отделения Союза художников. Кроме работы над экспозициями ГМЭ, оформлял выставки в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда и в Государственном музее истории Ленинграда.

[22] *Брук Б. Г.* Биробиджан. М.: ЦП ОЗЕТ, 1928. С. 47.

[23] Из постановления Президиума ЦИК СССР от 29 августа 1936 г. // Евреи в царской России и в СССР. Указ. изд. С. 29.

Однако этнографическая составляющая основного раздела экспозиции оказалась выражена очень слабо. Об этом предупреждали члены Ученого совета ГМЭ еще на стадии обсуждения плана (проекта) выставки, утверждая, что сотрудники еврейской секции «пошли по линии наименьшего сопротивления, заменяя этнографические сцены макетами, которые, может быть, стоят дешевле или дороже, но, во всяком случае, это то, что меньше всего нам нужно»[24]. Действительно, методы классической этнографии, задействованные И.М. Пульнером и его сотрудниками для репрезентации «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры евреев ЕАО, могли бы оказаться продуктивными. Но в рамках сталинского национально-культурного проекта такой подход явно дал сбой. В результате на выставке были показаны лишь некие идеологизированные культурные суррогаты: описания новых советских ритуалов (коллективное чтение материалов о сталинской Конституции, демонстрация избирателей в городе Биробиджане); образцы политически грамотного фольклора (еврейские народные песни о Ленине и Сталине и о Конституции, колхозные частушки); фотоснимки и модели стандартных колхозных домов и тому подобное[25]. Все это прекрасно вписывалось в общую канву советской социалистической культуры, но не обладало «национальной самобытностью». Возможно, этим был вызван шутливый вопрос по поводу основного раздела одного из посетителей выставки, оставившего в книге отзывов такую запись: «Да, все это очень хорошо. Но, однако, где же сами евреи?»[26]

Данную проблему прекрасно осознавали и сами организаторы выставки. Отчасти они надеялись разрешить ее, следуя распространенной в то время идее о переходе от демонстрации вещей к демонстрации идей и процессов[27]. Была сделана попытка восполнить явно ощущавшийся недостаток оригинальных этнографических экспонатов основного раздела обилием живописных и скульптурных работ, портретов советских вождей, фотомонтажей, красочных карт, диаграмм, лозунгов, цитат из сочинений Ленина и Сталина, документов и так далее.

Свою роль должен был сыграть и вводный раздел, представивший посетителям «старое еврейское местечко». Дореволюционное еврейское прошлое, обставленное уникальными этнографическими артефактами из коллекции ГМЭ, с лихвой восполняло недостаток этнического колорита в основном отделе. Кроме того, благодаря вводному разделу в развернутом перед посетителями

---

[24] АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 651. Л. 20 об.

[25] Евреи в царской России и в СССР. Указ. изд. С. 31, 33, 35, 36, 46.

[26] АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 48.

[27] Как отмечает Т.В. Станюкович, в музеях в конце 1920-х появилось даже «своеобразное гонение на вещи... из экспозиций выхолащивается вещевой материал, вместо которого стены и шкафы заполняются лозунгами и цитатами, схемами, фото- и статистическими таблицами». См.: *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. С. 200.

инструктивном пространстве экспозиции возникла волнующая модернизационная интрига, связанная со стремительными – всего за двадцать лет – «достижениями» советского еврейского модернизационного проекта.

Существенной проблемой оказалось выполнение еще одной задачи, особо отмеченной в предварительной версии плана (проекта) выставки «Евреи в царской России и в СССР», – репрезентировать «интернациональное единение трудящихся разных национальностей, вовлеченных в хозяйственное и культурное строительство в ЕАО»[28]. Так, в подразделе выставки «Исторические сведения о территории, ныне занимаемой ЕАО» предполагалось показать диапозитивы «Типы корейцев и амурских казаков»[29]; в подразделе «Колхозное и совхозное строительство в ЕАО» – построить обстановочную сцену «Корейцы-колхозники на полевых работах» и показать диапозитивы «Жизнь и быт колхозников ЕАО: евреев, корейцев, русских, китайцев»[30]; а в подраздел «Культурное строительство и здравоохранение» – включить диапозитивы «Интернациональная дружба школьников ЕАО (евреи, русские, корейцы, китайцы)»[31]. Также не были забыты и «тунгусские племена охотничьего быта, издревле бродившие по долине р. Амура и его притоков с левой и правой стороны»[32]. Однако в путеводителе по выставке, опубликованном ГМЭ в 1939, мы не находим никаких упоминаний об этих материалах.

В отзыве Центрального Совета ОЗЕТа на план (проект) экспозиции от 13 декабря 1937, составленном по поручению его председателя С.М. Диманштейна, содержалась строгая директива: «Все, что приведено в разных отделах касательно вселения в область корейцев и развития их хозяйства и быта, исключить»[33]. Необходимость корректировки экспозиционных планов была вызвана принятием в августе 1937 Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», мотивированного тем, что 7 июля 1937 японские войска вторглись в Маньчжурию. В соответствии с этим «в целях пресечения японского шпионажа» было предложено руководству Дальневосточного края в срок до 1 января 1938 депортировать корейское население из пограничных районов Маньчжурии в Южно-Казахстанскую область, а также в районы Аральского моря и Балхаша, Узбекской ССР. По сообщению официальных органов, «к 25 октября 1937 г. корейское население полностью было выселено с территории Дальнего Востока. По существу, была проведена полная депортация корейского населения

[28] АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 38. Л. 20.

[29] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 6962. Оп. 10. Д. 22. Л. 24.

[30] Там же. Л. 27.

[31] Там же. Л. 30.

[32] Там же Л. 3.

[33] Там же. Ф. 9. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

в количестве 36 442 семьи (171 781 человек)»[34]. Среди депортированных находилось «более 4500 корейцев, проживавших в ЕАО в этот период»[35]. Поэтому на выставке отсутствовали какие-либо упоминания о корейцах.

Исчезновение с выставочных стендов упоминаний не только о корейцах, но и о тунгусах, гольдах и китайцах можно объяснить желанием авторов экспозиции снять щекотливую оппозицию: «колонизатор – абориген». На ранней стадии колонизации Биробиджанского района в пропагандистских статьях ОЗЕТа еврейские переселенцы репрезентировались как агенты прогресса, «культуртрегеры»: с их приходом в тайге «появились трактора, дорожные машины, экскаваторы, <...> появилась мелиорация, агрономия, строительство» и началась "жизнь культурная"»[36]. А «туземцы», например, тунгусы, экзотизированно изображались как «наивные дикари», которые «в своем развитии не пошли дальше того уровня, на котором прочее человечество стояло много тысяч лет назад»[37]. Из данного сопоставления делался вывод о том, что «еврейская колонизация отвечает давно созревшим потребностям коренного населения»[38].

К концу 1930-х подобный подход к репрезентации национальных меньшинств в СССР был разоблачен как «антинаучный и политически ошибочный»[39]. С другой стороны, оставалась опасность чрезмерного, с точки зрения советского руководства, акцентирования роли евреев в развитии Биробиджанского района, каковое давало повод к обвинениям в «буржуазном национализме и еврейском шовинизме». Поэтому на щите-стенде «Из истории ЕАО» были представлены в рисунках и фотографиях амурские казаки, «младшие братья русского народа»: их быт, история, участие в Гражданской войне на стороне большевиков[40].

В итоге «интернациональное единение народов СССР», о котором так много было написано в подготовительных документах выставки, свелось лишь к одной обстановочной сцене «Дружба народов», оформленной художником Д.Е. Загоскиным. О ней М.И. Шахнович в своей лекции для экскурсоводов ГМЭ говорил следующее:

---

[34] *Пак Б.Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). М.; Иркутск; СПб.: Дипломатическая академия МИД РФ, Иркутский государственный педагогический институт, Международная конфедерация корейских ассоциаций, 1995. С. 234.

[35] *Вайсерман Д.И.* Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск, 1999. С. 65.

[36] *Финк В.Г.* Евреи в тайге. М., 1932. С. 95.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] Против экзотизации национальных меньшинств протестовал, например, В.Г. Тан-Богораз, который писал, что «у туземцев есть своя собственная культура, вполне оригинальная, с большими достижениями, которая ныне, советизируясь, преображается и поднимается на новую ступень». Тан-Богораз В.Г. Этнографическая беллетристика // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 138.

[40] Евреи в царской России и в СССР. Указ. изд. С. 29–30. Следует пояснить, что во время Гражданской войны большинство амурских казаков воевало на стороне Сибирской армии адмирала А.В. Колчака и после поражения Белого движения ушло со своими семьями в Маньчжурию. По понятным причинам никакой информации об этом на выставочных стендах не было приведено.

> Мы можем противопоставить <…> разжиганию вражды между народностями, этому преследованию народностей, тесную дружбу, радость союза, которые показывает эта сцена, говорящая о празднике двух народностей, которых раньше натравливали друг на друга в условиях царской России; сейчас в условиях Советского Союза, в условиях ленинско-сталинской дружбы они существуют радостно вместе и совместно встречают свои праздники. Перед нами праздник колхозников Цимлянского района и казаков, которые заключили между собой социалистический договор совместной помощи для достижения наилучших показателей в сельском хозяйстве. Здесь перед нами происходит джигитовка, соревнование между еврейскими колхозниками и казаками. Мы видим здесь жюри, которое ожидает победителей. Это – соревнование, которое подводит итог договору на социалистическую дружбу между 2-мя народами[41].

Учитывая исторический антагонизм между этими двумя этническими группами, сам факт такого соревнования, несомненно, имел важное политико-воспитательное значение и уже был достаточно широко распропагандирован советской прессой[42].

Следуя своим представлениям о том, что «евреи, проживающие в пределах СССР, как и евреи других стран, не представляют собой единого национального организма»[43], И.М. Пульнер включил в основной раздел выставки манекены «молодой грузинской еврейки с бубном в национальном костюме» и «пожилой грузинской еврейки», обе из города Ахалцихе, а также щиты-стенды «Грузинские евреи», «Горские евреи» и «Среднеазиатские евреи», на которых в основном экспонировались снимки «новых советских евреев», как, например, фотопортрет «тов. Катанова – стахановца кожевенного завода», и сцен радостного труда в еврейских колхозах и артелях Грузии, Дагестана, Азербайджана и Узбекистана[44].

Данные манекены и стенды не только отчасти восполняли этнографический колорит основного отдела, но и выглядели как аккуратное и аргументированное возражение этнографам, таким как А.Р. Зифельдт-Симумяги, утверждавшим, что «из всех “еврейских” групп только евреи европейские <…> имеют свой особый язык идиш и свою национальную культуру», и предлагавшим отказаться от «клерикально-сионистской традиции»

---

41 АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 36.

42 О празднике в Цимлянском районе см., напр.: *Годинер С., Липшиц Д.* Встреча в Цымле. Договор дружбы колхозников – казаков и евреев. М.: Эмес, 1936; *Годинер С.* Встреча в Цымле // Трибуна. 1936. № 10. С. 10–11; Дружба // Огонек. 1937. № 18. С. 5–7.

43 *Пульнер И.М.* Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 157–158.

44 *Пульнер И.М., Шахнович М.И.* Указ. док. Л. 20. Кроме того, см.: Евреи в царской России и в СССР. Указ. изд. С. 42–45.

выделения «в особую мнимо-расовую группу вероисповедную группу “горских евреев”»[45].

Для оценки того, как инструктивное пространство выставки было воспринято и понято современниками – специалистами и рядовыми посетителями, следует обратиться к протоколам совещаний комиссии по приемке экспозиции «Евреи в царской России и в СССР» и официальным отзывам представителей музеев, институтов и творческих союзов, отложившимся в архиве РЭМ.

Судя по этим документам, несмотря на критические замечания, научное сообщество Ленинграда оценило выставку положительно, высказав некоторые критические замечания главным образом по поводу вводного раздела экспозиции и достаточно неконкретно прореагировав на ее основной раздел. Директор Института этнографии АН СССР академик В.В. Струве утверждал, что на выставке «недостаточно ярко показана эксплуатация евреев в прошлом», а историк Ю.И. Гессен соглашался с ним и говорил, что надо репрезентировать «прошлое евреев шире, чем это сделано»[46]. Представляется, что элементарная самоцензура, культивировавшаяся в годы Большого террора в среде ответственных работников, помешала директорам музеев и академикам обсуждать репрезентации ЕАО. Учитывая, что политическая репутация области была подорвана разоблачениями «вредителей» и «врагов народа» в высших эшелонах местного руководства в 1937 и последовавшими репрессиями против них, гораздо комфортнее и безопаснее было сконцентрироваться на критике той части выставки, которая была посвящена прошлому.

Аналогичное отношение к выставке было и у рядовых посетителей, оставивших записи в книге отзывов, которая велась с марта 1939 по июнь 1941. В ней имеется около 200 записей на русском языке и идише[47]. Наиболее сильное впечатление на большинство посетителей оказали экспонаты, репрезентирующие «старое еврейское местечко».

Особо интересна реакция выходцев из бывших местечек, чьи отзывы нередко напоминают заключения экспертов. Их определенно удовлетворяло, что предметы повседневного обихода, хорошо знакомые им из личного опыта жизни в местечке, оказались в витринах и таким образом были наделены ценностью музейных экспонатов. Такая метаморфоза спровоцировала смысловую перекодировку даже тех предметов, которые должны были выставлять напоказ собственную ущербность и тем самым репрезентировать «непригодное прошлое». Причем большинство посетителей не увидели в этом противоречия с идеологическим посланием выставки.

---

[45] *Зифельдт-Симумяги А.Р.* Замечания к «Словарю национальностей для разработки всесоюзной переписи населения 1937 г.». Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 1136. Оп. 1. Д. 19. Л. 24, 28.

[46] АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 41. Л. 6, 7.

[47] АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 6–7.

В отличие от вводного, основной раздел выставки вызвал много критических замечаний. Вот наиболее типичные из них: «слабо представлено участие еврейской интеллигенции в современном искусстве, науке, живописи, скульптуре»; «необходимо расширить отдел, отражающий жизнь евреев в СССР», поскольку «жизнь евреев в Биробиджане отражает только часть общей жизни советской еврейской нации»[48].

Справедливости ради следует отметить, что на выставке были представлены экспонаты, репрезентировавшие участие еврейской интеллигенции в советском культурном строительстве – например, щит-стенд «Растет советская еврейская культура» и макет спектакля «Бар-Кохба», поставленного по пьесе Ш.З. Галкина в московском Государственном еврейском театре (ГОСЕТ) в 1938[49]. Однако количество экспонатов такого рода показалось некоторым посетителям явно недостаточным и, соответственно, инструктивное пространство, построенное в зале ГМЭ, в отношении их не смогло выполнить свою основную пропагандистскую и агитационную функцию. Многочисленные пожелания расширить основной раздел свидетельствуют о том, что попытка представить ЕАО «родиной всех советских евреев» – если не в настоящем, то в будущем – оказалась, с точки зрения посетителей выставки, несостоятельной. Идентифицировать себя с биробиджанскими рабочими и колхозниками авторы отзывов были не готовы. Для большинства из них, независимо от социального статуса, культурными героями являлись известные представители еврейской интеллигенции – музыканты, писатели, художники, актеры, интегрированные в московскую или ленинградскую творческую элиту.

Один из наиболее осведомленных посетителей оставил в книге отзывов следующую запись:

> Данные выставки дают основание утверждать, что Биробиджан как еврейская национальная область не имеет будущего, я имею в виду тот факт, что за 10 лет туда переселилось всего 50 000 чел. (из 5 млн евр. населения СССР)! <…> Евр. народ, получив возможность создать свою государственность в Биробиджане, не стал народом пионеров, так как это могло и должно было быть. <…> Интересно, что делается сейчас в смысле переселения?[50]

---

[48] Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 40. Л. 57; Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 2, 11.

[49] Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 38. Л. 20.

[50] Там же. Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 44. Интересно отметить, что посетитель указывает число евреев, переселившихся в Биробиджан за 10 лет, – 50 тыс. человек, но согласно документам биробиджанской экспедиции, в 1937 в ЕАО проживало только 25 тыс. евреев. Вероятно, посетитель пользовался озетовской пропагандистской литературой, в которой число еврейских переселенцев в ЕАО постоянно завышалось. В то же время, судя по путеводителю, на выставочных стендах экспозиции «Евреи в царской России и в СССР» фактическое число евреев, проживавших в ЕАО, не было указано.

«Ваши рассуждения и оценка, данная еврейскому народу, политически безграмотна, – отвечает ему Пульнер на следующей странице книги отзывов в соответствии со сложившейся практикой тех лет, – ЕАО строится и растет с каждым днем»[51].

Эта переписка великолепно отражает двусмысленную ситуацию, в которой оказалась выставка «Евреи в царской России и в СССР». Пока она готовилась, статус главного объекта ее репрезентации – ЕАО – претерпел существенные изменения, – во всяком случае, вопрос о создании Еврейской республики в Биробиджане был исключен из повестки дня.

Выставка «Евреи в царской России и в СССР» является прекрасным примером идеализированного и мифологизированного «инструктивного пространства», которое, однако, оказалось оспоренным и в итоге опровергнутым наиболее проницательными посетителями. И это неудивительно. Планы советского руководства переселить в ЕАО 180 тыс. евреев не увенчались успехом. По данным статистики, к моменту открытия выставки в 1939 в ЕАО проживало 17 695 евреев, что составляло не более 16 % от общего населения области[52]. Также можно сказать, что биробиджанский проект был брошен советской властью на произвол судьбы, поскольку «с 1938 по 1940 г. ЕАО не получила ни одного автомобиля, станка, какого-либо оборудования для промышленных предприятий и организаций, ни одного комбайна или трактора для колхозов и совхозов»[53].

Экспозиция в Государственном музее этнографии в силу стремительно менявшейся политической конъюнктуры не смогла стать идеологически безупречным «инструктивным пространством», так же как ЕАО не смогла стать «единственным хранителем еврейской национальной культуры».

---

[51] АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 45.

[52] Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 14. Л. 102.

[53] *Вайсерман Д.И.* Биробиджан: мечты и трагедия. С. 99.

Алексей Вовк

СССР – Франция – СССР. Биография Николая Борисова

Алексей Юрьевич ВОВК

учитель истории МБОУ Лицей, г. о. Балашиха, Московская область, кандидат исторических наук

lewa84@mail.ru

В годы Второй мировой войны во Франции с октября 1943 действовала группа Сопротивления Союз «Русский Патриот» (чаще – «Союз Русских Патриотов», СРП). Эта группа состояла из белоэмигрантов, поддерживающих СССР и мировое коммунистическое движение. Многие члены СРП участвовали в гражданской войне в России в рядах белых, вместе с ними эмигрировали, но еще с 1920-х годов начали эволюционировать влево: состояли в просоветском «Союзе возвращения на родину» («Совнарод», «возвращенцы»)[1], участвовали в гражданской войне в Испании (1936–1939) на стороне республиканцев, а после нее были интернированы во французские лагеря. Можно утверждать, что задолго до 1943 во Франции оформилась небольшая, но сплоченная просоветская организация.

Постепенно сложилась структура Союза из «троек», которые работали с советскими военнопленными, с советскими

[1] С мая 1937 – «Союз друзей советской родины», СДСР.

гражданами-коллаборационистами в немецкой армии и с эмигрантами[2]. Но каким образом можно было обнародовать свои идеи в условиях оккупации? Для этого были созданы газеты «Советский патриот» и «Русский патриот». В марте 1944 редакция «РП» была разгромлена, а ее сотрудники арестованы. Через несколько месяцев новый глава Союза Николай Качва наладил работу газеты заново, пригласив на пост редактора Н.В. Борисова.

О жизни Николая Васильевича Борисова известно не так много. Это неудивительно, ведь почти четверть века он прожил за границей, а когда вернулся, был репрессирован. Каким-то образом Борисову после освобождения написал журналист и историк Геннадий Нечаев, завязалась переписка[3]. Нечаева интересовало участие русских эмигрантов в Сопротивлении, он также хлопотал об издании воспоминаний Николая Васильевича, выдержки из которых были опубликованы только в годы Перестройки[4]. Из них нам известен сухой набор фактов.

Итак, уроженец Царского Села Николай Борисов был исключен из Петроградского университета и в 1924, перейдя границу с Латвией, оказался во Франции. Здесь он окончил юридический факультет Парижского университета. Перед войной сотрудничал с Республиканско-демократическим объединением (РДО) П.Н. Милюкова и газетой «Последние новости». Во время Второй мировой войны принимал участие в подпольной деятельности. Например, летом 1941 Борисов встретился в парижском предместье с друзьями – Г.М. Арнольди, В.Н. Бухало, Д.М. Одинцом, И.И. Бунаковым-Фондаминским – они планировали бороться с немцами, искали «прямое действие». В марте-июне 1944 Борисов был в рядах СРП, недолго возглавляя подпольную редакцию «Русского патриота» (другие сотрудники – В.Н. Бухало, Д.М. Одинец, Рослов, М.А. Струве). Следующие перед освобождением Парижа два месяца Николай провел в тюрьме Фрэн – он был арестован и вышел на свободу в августе 1944. В дальнейшем Борисов снова возглавлял газету, но весной 1945 оставил пост редактора: проникновение в ряды организации бывших коллаборационистов заставило его критичнее отнестись к деятельности Союза. Несмотря на выход из редакции и охлаждение отношений с совпатриотами, Николай Васильевич не изменил своих взглядов: после Указа Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных Российской империи, проживающих

---

[2] Подробнее о структуре и деятельности СРП см.: *Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 145–157.

[3] Переписка Г.А. Нечаева и эмигрантов-участников Сопротивления во Франции составила основу фонда № 25 в Архиве Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (далее – Архив ДРЗ).

[4] *Борисов Н.В.* «Пароль – Франция! Девиз – Советский Союз!» // Отчизна. 1990. № 1 С. 18–22; № 2. С. 20–23; № 3. С. 25–29; № 4. С. 28–38; № 5. С. 28–36.

на территории Франции (14.06.1946)[5] Борисов стал советским гражданином. При этом у Борисова возникли трудности с французскими властями, как иностранца его подвергли аресту и штрафу. Видимо, этот случай укрепил его в желании уехать в СССР, что и было сделано в конце сентября 1947. Вернувшись, Николай Борисович был осужден (1949); после освобождения и реабилитации жил в родном городе Пушкине (бывшее Царское Село), по соседству проживала сестра Мария со своей семьей.

Повторим, что все эти сведения приводятся в воспоминаниях Борисова и, следовательно, нуждаются в верификации. Можно сказать, что перед нами придуманная биография. Как же было на самом деле?

В ряде архивов нам удалось выявить документы, связанные с деталями жизни Н.В. Борисова и его окружения. Во-первых, это переписка Г.А. Нечаева с русскими эмигрантами, участниками Сопротивления. Прежде всего выделим письма Н.С. Качвы, лидера СРП и начальника Борисова в 1944–1945. Во-вторых, это личное дело Н.В. Борисова, хранящееся в фонде Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (так называемый «Федоровский комитет»). Эта организация во главе с политиком и общественным деятелем М.М. Федоровым занималась помощью эмигрантской молодежи в учебе и трудоустройстве. И в-третьих, это воспоминания Т.В. Рождественской, которая знала Н.В. Борисова лично – тот часто приходил в гости к ее отцу, известному поэту.

Вот что нам стало известно о Николае Борисове. Он родился 28.09.1899 в Царском Селе в семье запасного боцманмата Гвардейского экипажа Василия Ивановича Борисова и его жены Марии Алексеевны. Отец происходил из крестьян села Мокрый Кор Мокринской волости Каширского уезда Тульской губернии[6].

Николай окончил Царскосельское реальное училище императора Николая II (1917) и поступил в Электротехнический институт на электротехническое отделение. На первом курсе выбыл из учебного заведения и через несколько лет (1923) перешел на второй курс экономического отделения Петроградского университета. Однако вскоре Борисов был, как следует из копии матрикула, «уволен при проверке из числа студентов»[7]. Это была распространенная практика, с начала 1920-х партийное руководство РСФСР проводило кампанию «пролетаризации» высшей школы. Так, новые правила приема в вузы и учебы устанавливали главным фактором социальное происхождение учащегося. В результате

---

[5] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 68.

[6] В анкете «Федоровского комитета» ошибочно указано Мокрый Край.

[7] Копия дела № 908 за 1923 г. в личном деле Борисова в «Федоровском комитете». Личное дело Борисова Николая Васильевича // Архив ДРЗ. Ф. 13. О. 2. Д. 2888. Л. 1–16. В дальнейшем вся переписка с комитетом М.М. Федорова приводится по этому делу.

после постановления СНК СССР «К проверке вузов» от 16 мая 1924 были отчислены от 27,4 до 33,1 % студентов[8].

Не найдя себе применения в советской стране, Борисов нелегально покинул ее через латвийскую границу, добрался до Парижа и обосновался в 13-м округе. Но здесь он не смог устроиться на работу и был вынужден обратиться в «Федоровский комитет» с просьбой о помощи в учебе на агронома (заявление от 20 ноября 1924). Весь 1925/1926 учебный год Борисов слушает курс на юридическом факультете в Institut d'Urbanisme при Парижском университете. Однако денег на учебу не хватает, приходится много работать, и 20.02.1926 в комитет следует новое обращение о помощи. Союз русских студентов подтвердил сведения об учебе и трудном положении Борисова, и на его заявлении ставится отметка красными чернилами «записан во 2-ю категорию (II)». Видимо, очередь на получение стипендии до Николая не дошла, так как в течение следующих полутора лет он скитался по Франции. Безуспешно искал работу в Бордо и в итоге оказался на другом конце страны, где на поле Верденской битвы зимой 1926–1927 и весной 1927 сортировал металлолом. Как он сам писал в комитет (26.04.1927): «Положение безвыходное. <…> Результаты плачевные и настроение мрачное», – и он уже согласен на работу агрономом не во Франции, а в ее колониях.

В этом прошении на имя М.М. Федорова Борисов именует себя «бывшим вашим стипендиатом». А еще он просил содействия в устройстве в колониях или практикантом на один из заводов по производству шампанского. Комитет написал в крупнейшие предприятия (Moët et Chandon, Maison G.H. Mumm C , l'Institut Oenologique de Bourgogne) этой сферы, но опять безрезультатно, – виноделы ссылались на кризис и отсутствие вакансий.

В письмах в фирмы-производители шампанского (23.05.1927) указано, что Борисов – инженер-винодел («ing nieur et oenologiste»), окончил Национальную агрикультурную школу в Монпелье и Бургундский винный институт, работал в Бордо. Но когда он успел? Исходя из документов «Федоровского комитета», отложившихся в личном деле Н.В. Борисова, нельзя утверждать, что он был выпускником этих учебных заведений и работал в Бордо.

Однако в конце 1920-х Николай Борисов снова в Париже, где сблизился с РДО: здесь завязываются знакомства, которые помогут в годы войны. Это неудивительно, так как упоминаемые им в воспоминаниях лица, желавшие вести борьбу с немцами, были заметными фигурами в русском зарубежье. Но если о профессоре Д.М. Одинце и общественном деятеле И.И. Бунакове-Фондаминском существует много свидетельств, то о других друзьях Борисова следует сказать отдельно. Речь пойдет прежде всего об упоминаемых ранее Г.М. Арнольди, В.Н. Бухало и М.А. Струве.

---

[8] См.: *Андреев Д.* «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // НЛО. 2008. № 90. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html.

Георгий Михайлович Арнольди (1887–1944) – потомственный военный, артиллерийский офицер, доктор права. В Гражданскую войну – на Юге России, участник Белого движения, галлиполиец. За рубежом он был товарищем председателя РДО, сотрудничал в «Последних новостях»[9], но о его жизни в годы войны и участии в Сопротивления почти ничего не известно. Отметим, что с Арнольди Борисова связывала дружба, он считал себя его учеником[10].

В 1920-е один из лидеров левого крыла русского зарубежья П.Н. Милюков искал пути для отправки литературы в СССР и установления контактов с оппозицией. В результате группа Милюкова попала в организованную ОГПУ провокацию: одни курьеры были сотрудниками советской разведки, другие были арестованы либо расстреляны[11]. Так сложилось, что в апреле 1929 Николай Борисов был лично выбран П.Н. Милюковым в качестве эмиссара для отправки в СССР. Именно Арнольди дал лестную характеристику Борисову, приведем ее полностью:

> Он относительно менее оторванный от совр[еменной] России, чем другие из нас. 4–5 лет тому назад в качестве исключенного из Вуза сов[етского] студента он бежал из Сов[етской] России, на свой страх, перейдя границу. <…> Его антибольшевизм советского происхождения, а не традиционно унаследованный от белой борьбы. <…> Эрдек он твердый, но не без левого оттенка, впрочем, в естественно-законных пределах («Милюковец»)[12].

Эксперимент Милюкова не удался – через Польшу, Латвию и Эстонию забросить Борисова не удалось, он был выслан эстонскими властями. Но история получила неожиданное романтическое продолжение. Так, ожидая все лето проводника на границе, Борисов увел жену квартирного хозяина и вернулся в Париж уже с супругой[13]. Стоит заметить, что попытка перехода через границу означала для Н. Борисова невыполнение задания и… сохранение жизни – ОГПУ успешно справлялось с поимкой эмигрантских активистов.

Еще один товарищ нашего героя – Владимир Николаевич Бухало (1896–1944). Он окончил Николаевское кавалерийское училище; участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции в Париже. Масон (член-основатель

---

[9] Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь. В 3 тт. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. URL: http://www.dommuseum.ru/old/index.php?m=dist&pid=595; «В Риме из природы я больше всего полюбил небо…» (из дневника Г.М. Арнольди) // Исследования по классической филологии и истории антиковедения: к 70-летию проф. В.С. Дурова; межвуз. сб. / Отв. ред. О.В. Бударагина, С.К. Егорова. СПб., 2015. С. 304–306.

[10] Письмо Т.В. Рождественской. 09.10.2017 // Личный архив автора.

[11] *Соколов М.В.* П.Н. Милюков в поиске контактов с оппозицией внутри СССР в 20-е гг. По материалам ГАРФ и ЦА ФСБ РФ // Мыслящие миры российского либерализма. С. 173–189.

[12] Там же. С. 182.

[13] *Соколов М.В.* Указ. соч. С. 181–183.

ложи «Северная звезда»). Секретарь РДО. В «Федоровском комитете» представлял Союз русских студентов во Франции. В годы войны содержался в тюрьме Фрэн и лагере Компьень[14]. Принимал участие в работе редакции газеты «Русский патриот».

Михаил Александрович Струве (1890–1948) был не только обладателем «громкой» фамилии. Поэт и прозаик, он проходил военную службу в лейб-гвардии Московском полку. В годы Первой мировой «за мужество и храбрость» был произведен в младшие унтер-офицеры[15]. В эмиграции во Франции, один из инициаторов создания «Цеха поэтов», входил в объединение «Кочевье». Был близок РДО. Печатался в журналах «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», «Версты», «Воля России». В годы войны примыкал к движению Сопротивления[16]. Михаил Александрович писал статьи для издававшегося в подполье «Русского патриота», входил в его редакцию. Это подтверждается и схемой «Организация и распространение подпольной газеты "Русский патриот"»[17], и воспоминаниями писателя Н.Я. Рощина. Последний узнал о создании СРП и возможности подпольной деятельности от Струве[18].

Помимо круга друзей Борисова, нам удалось уточнить некоторые детали из военного периода его жизни. После разгрома газеты «Русский патриот» и ареста ее редактора М.М. Брендстедта (март 1944) именно Николай Борисов по предложению главы Союза Н.С. Качвы возглавил газету. Как и члены других секций СРП, газетчики также были разделены на «тройки»: одни номер издавали, другие его распространяли и, наконец, еще одну «тройку» составляли авторы статей. Ими были поэт М.А. Струве и журналист Н.В. Борисов. Позднее Качва отзывался о новых людях в газете следующим образом:

> Эти люди и стали моей редакцией, а Борисов ее редактором, в дальнейшем через него стал регулярно поступать материал для нашей газеты «Р[усский] П[атриот]».
>
> Новый номер восстановленной газеты вышел 1-го июня 1944 г.[19]

Но в этом же месяце следует провал – Борисова отправили в тюрьму. Он вышел на свободу только во время освобождения Парижа, чтобы опять возглавить редакцию. Правда, после реорганизации Союза газета получила новое

---

[14] Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Указ. изд. URL: http://www.dommuseum.ru/old/index.php?m=dist&pid=2141.

[15] РГВИА Ф. 409. ПС 331–173. Л. 75–78об.

[16] Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Указ. изд. URL: http://www.dommuseum.ru/old/index.php?m=dist&pid=14116.

[17] Организация и распространение подпольной газеты «Русский патриот» // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

[18] *Рощин Н.Я.* Парижский дневник. М., 2015. С. 208, 209.

[19] Н.С. Качва – Г.А. Нечаеву. 13 ноября 1965 г. // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42. Л. 17–19.

название – «Советский патриот»[20] и стала «как бы официозом советского посольства в Париже»[21]. Как уже указывалось ранее, в 1945 Николай Васильевич оставил пост редактора, но в союзной прессе появились его статьи «О нашем прошлом», в которых Борисов представляет очерк истории подпольной работы СРП[22].

14 июня 1946 Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных Российской империи, проживающих на территории Франции; вместе с сотнями других эмигрантов Борисов уехал в СССР[23]. За этим отъездом кроется драма: во Франции осталась семья, которую разделили вопросы «Уезжать или оставаться?», «Изменились ли большевики?». Казалось, что после войны произошло «примирение» эмиграции и советской власти, признание за последней некоей «правоты». Сам Николай Васильевич писал об этом туманно[24], не упоминая ни имен родных, ни тех споров, которые буквально раскололи русскую колонию во Франции. К сожалению, нам не удалось установить судьбу его близких. О сыне Юрии, который разделил с отцом арест в тюрьме Фрэн, лишь мельком упоминает современник Николай Рощин[25].

В Советском Союзе спокойная жизнь Николая Борисова продолжалась недолго. В 1949 его арестовали, в ходе ареста пропал почти весь его «архив»[26]. Вот как описывают встречу с Борисовым после его реабилитации в 1957 дочери поэта Вс. Рождественского Татьяна и Милена:

> Хорошо помним, как однажды в конце 1950-х годов в нашем родительском доме в Ленинграде на канале Грибоедова появился очень скромно, если не сказать бедно одетый высокий пожилой человек и протянул пакет, в котором были дневниковые записи, стихи и несколько писем Г.М. Арнольди. Звали этого человека Николай Васильевич Борисов, он жил в Пушкине после возвращения из сталинских лагерей, где, вернувшись из эмиграции, провел десять лет. Борисов оказался близким другом и, как он назвал себя, учеником Г.М. Арнольди, его товарищем по журналистской работе в Париже. Он не раз потом бывал у нас, приезжая к нашему отцу за литературным советом, так как сам писал воспоминания и роман[27].

---

[20] После освобождения Франции СРП был переформирован в Союз Советских патриотов (10.03.1945), а его печатный орган получил новое название – «Советский патриот».

[21] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк. 1956. С. 255.

[22] *Борисов Н.* О нашем прошлом // Советский патриот. 11.07.1947. № 142. С. 4; *Он же.* Наше прошлое // Советский патриот. № 149. 29.08.1947. С. 2; *Он же.* Наше прошлое // Советский патриот. № 150. 05.09.1947. С. 2.

[23] В 1947 из Франции прибыло 1217 человек «советских граждан (бывших эмигрантов)». ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 19. Л. 91. Годовой отчет начальника Переселенческого Управления при Совете министров РСФСР.

[24] *Борисов Н.В.* «Пароль – Франция! Девиз – Советский Союз!» // Отчизна. 1990. № 5. С. 30.

[25] *Рощин Н.Я.* Указ. соч. С. 271.

[26] Н.В. Борисов – Г.А. Нечаеву. 28.05.1963 // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

[27] «В Риме из природы я больше всего полюбил небо...». Указ. изд. С. 305, 306.

Нам удалось связаться с Татьяной Всеволодовной, она дополнила свои впечатления о встречах с Борисовым:

> Жил он в г. Пушкине, устроился работать, по-моему, истопником в кочегарке. Был очень беден. Высокий, в одежде типа гимнастерки, приходил из Пушкина к нам на канал Грибоедова часто пешком [это около 27 километров. – *А. В.*], т. к. не было денег на дорогу. Был очень сдержан, с выправкой, с обветренным смугловатым лицом. Несмотря на внешний вид, в нем чувствовалась выправка старой культуры, человека «из бывших». Мы с сестрами еще застали таких людей. Это был один из первых людей, которых я помню, вернувшихся из сталинских лагерей. Мама всегда его подкармливала и денежкой помогала, он всегда был голоден. Прекрасный французский язык, он что-то и переводил; помню, что с отцом они говорили о французской поэзии, о переводах. Ведь наш отец много занимался переводами, в т[ом] ч[исле] его любимых французов – Беранже, Гюго, Анри де Ренье, парнассцев. Все-таки переводческая школа Гумилева! Родители всячески хотели помочь Н[иколаю] В[асильевичу], и вот договорились с Татьяной Григорьевной Гнедич[28], жившей в Пушкине, что она будет брать у него уроки французского. Она, конечно, знала французский, но это, как я понимаю, был такой акт помощи НВ. Бывало, он оставался у нас ночевать[29].

Умер Николай Васильевич в середине 1960-х (не позднее 1967), точную дату смерти установить пока не удалось, сохранилось письмо его сестры Марии Васильевны Макаровой (1902–1982), в котором она упоминает «покойного брата»[30]. Добавим, что хлопоты Нечаева (у него была доверенность на ведение переговоров) по публикации воспоминаний (217 страниц машинописного текста и 2 страницы рукописные!) не увенчались успехом: в АПН «Новости» на мемуары последовала отрицательная рецензия и обещание публикации в двух (изначально в десяти) номерах пропагандистского журнала «Голос Родины». В редакции объяснили, что после выхода статей об эмигрантах «нет смысла повторяться – публиковать выборки из воспоминаний Н. Борисова, носящих субъективистский характер»[31].

---

[28] Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976), из дворянской семьи; преподаватель, блокадница, узник ГУЛАГа, известный переводчик с английского.

[29] Письмо Т.В. Рождественской. 09.10.2017 // Личный архив автора.

[30] М.В. Макарова – Г.А. Нечаеву. 22.03.1967 // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[31] Г.А. Нечаев – М.В. Макаровой. 10.06.1969 // Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

Мурат Валиев, Николай Родин

Другие Бенуа. Офицеры Николай Леонтьевич и Александр Леонтьевич Бенуа

Мурат Тимурович ВАЛИЕВ

руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая», Санкт-Петербург

mvaliev@mail.ru

Николай Владимирович РОДИН

сотрудник отдела Новой истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН

nrodinspb@gmail.com

Братья Николай и Александр Бенуа родились в Санкт-Петербурге в семье известного архитектора Леонтия Николаевича Бенуа (1856–1928) и Марии Александровны Бенуа (урожд. Сапожникова, 1858–1938). Николай появился на свет 14 июля 1885[1], Александр – 23 июля 1893 года[2].

Кроме Николая и Александра, в семье росли сестры Нина (1880–1959), Ольга (1882–1973), Екатерина (1883–1970), Елизавета (1890–1896) и Надежда (1896–1975) и брат Андрей (1897–1902)[3]. Елизавета и Андрей скончались в детстве в возрасте шести и четырех лет соответственно.

Мать Николая и Александра была дочерью известного купца – миллионера Александра Александровича Сапожникова (1828–1887) и сохранила многие черты купеческого сословия.

---

[1] Все даты до 1918 приводятся по старому, после 1918 – по новому стилю.

[2] Послужные списки Николая и Александра Бенуа. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49788. Л. 1, 9.

[3] Бенуа Александр Леонтьевич. Личное дело ИСПб Университета. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63157. Л. 19, 21.

Интересную характеристику отношений в семье Леонтия Николаевича дал его младший брат, Александр Николаевич Бенуа:

> Мария Александровна Сапожникова принадлежала – по своей породе, по своему воспитанию и образу жизни – к совершенно иной людской категории, нежели та, которая была подлинно нашей, а следовательно, категорией ее мужа. Ее среда была характерно купеческая, совершенно земная. Естественно, что она никак не чувствовала искусства и, мало того, совершенно в нем не разбиралась, не замечала его. Для нее, типичной дочери торгового мира, искусство было средством добывать деньги, достижения почета в обществе, средством сделать жизнь удобной для себя и завидной для других, но чтобы художественное творчество было каким-то духовным подвигом, чтобы можно было выражать посредством него устремления и мысли более возвышенного порядка – это было вне ее помыслов и желаний[4].

Безусловно, оценка А.Н. Бенуа носила субъективный характер. Известный собиратель фамильной истории Бенуа В.А. Фролов в статье, посвященной Л.Н. Бенуа[5], доказательно полемизирует со спорным суждением мемуариста. Опираясь в числе прочих на фундаментальную работу А. Маркова[6], В.А. Фролов доказывает, что семья Сапожниковых была не чужда культуре и искусству – с полным основанием ее можно поставить в один ряд с известными фамилиями благотворителей и меценатов, таких как Мамонтов, Морозов, Нечаев-Мальцев, Рябушинский, Солдатенков, Третьяков и другие. В собрании картин семьи Сапожниковых, начало которому было положено еще прадедом Марии Александровны Петром Семеновичем Сапожниковым (1762–1828), были произведения Ван Дейка, Э. Делакруа, Б. Мурильо, Н. Пуссена, П. Рубенса, Гвидо Рени, М.Н. Воробьева, В.А. Тропинина, С.Ф. Щедрина и др. Безусловным венцом коллекции была картина, известная нам под названием «Мадонны Бенуа» Леонардо да Винчи[7], впоследствии купленная Эрмитажем у Марии Александровны Сапожниковой. Отец Марии Александровны Александр Александрович Сапожников свободно владел немецким, французским и английским языками, все его дети получили прекрасное образование.

> Мария и Ольга [сестра Марии***. – М. В., Н. Р.***] воспитывались в Швейцарии и там близко сошлись с художницей Марией Башкирцевой, автором

---

4 *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. В 2 тт. Т. I. М., 1990. С. 97.

5 *Фролов В.А.* Л.Н. Бенуа: жизнь среди родственников и друзей // Леонтий Бенуа и его время: Материалы конференции, 16–17 октября 2006 г. СПб., 2008. С. 27–68.

6 *Марков А.* Реестр открывает тайны. Волгоград, 1989. С. 94–150.

7 Там же. С. 132–134.

знаменитого «Дневника», переведенного на основные европейские языки. Девицы Сапожниковы не лишены были художественного вкуса. Особенно увлекались европейской живописью. Выдавая замуж дочь Марию, Александр Александрович не без смысла преподнес ей в феврале 1880 года вместе с другими свадебными подарками и знаменитое полотно Леонардо да Винчи «Мадонну с цветком». Ведь на полотне была изображена дева Мария[8].

Было бы несправедливо полностью игнорировать отпечаток «купеческой» составляющей в семейной атмосфере Бенуа–Сапожниковых, но несправедливо придавать этой составляющей и негативно-стяжательский характер. В семье Леонтия Николаевича и Марии Александровны царили гармония и любовь, их дети могли впитывать лучшие традиции артистической семьи Бенуа и просвещенного купечества Сапожниковых. Кто-то из детей унаследовал артистические наклонности – например, Надежда стала впоследствии успешной художницей. У Николая и Александра в большей степени проявились практические стороны характера. В 1894 Николай поступил в первый класс гимназии К. Мая[9]. Выбор учебного заведения объяснялся не только близостью к дому[10] и его высокой репутацией, но и сложившейся традицией – в школе К. Мая учились многие представители знаменитой фамилии[11]. Достаточно сказать, что практически одновременно с Николаем «у Мая» учились Александр Александрович Бенуа (1882–1942), Альберт Александрович Бенуа (1888–1974), Карл Александрович Бенуа (1885–1943) и Николай-Карл Альбертович Бенуа (1881–1938). Николай проучился в гимназии семь лет, покинув стены школы в 1901. К этому моменту семья Бенуа уже проживала в доходном доме, построенном отцом Николая, по адресу: Васильевский остров, 3-я линия, 20[12]. В этом же доме располагалась и мастерская Леонтия Николаевича. Сегодня и нумерация, и сам дом сохранились, на фасаде можно увидеть герб рода Бенуа.

В сентябре 1903 Николай Леонтьевич поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1904 был произведен в ефрейторы, в 1905 – в подпоручики, выдержав экзамен при Павловском военном училище[13]. Как вспоминал впоследствии другой «финляндец», полковник Б.В. Сергеев (?–1969):

---

8 Там же. С. 142–143.

9 См.: *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. В 2 ч. Ч. I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб., 2005. С. 433.

10 В 1894 семья архитектора Л.Н. Бенуа переехала с Офицерской улицы (ныне – ул. Декабристов) на 4-ю линию Васильевского острова в дома Императорской академии художеств (Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 и 1895 гг. Алфавитный указатель. СПб., 1894. С. 32; 1895. С. 32).

11 См.: *Благово Н.В.* Три поколения Бенуа в одной школе // Краеведческие записки. Вып. 3. СПб., 1995.

12 Адресная книга города С.-Петербурга на 1901 г. Алфавитный указатель. СПб., 1901. С. 48.

13 Послужной список Николая Бенуа. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49788. Л. 2.

> Бенуа был красочной фигурой среди офицерского состава полка в момент празднования его [полка] столетнего юбилея [т. е. в 1906. ***– М. В., Н. Р.***]. В полку Николай Леонтьевич занимал должности: младшего офицера роты, хозяина офицерского собрания и начальника телефонной команды. На свои средства, будучи начальником телефонной команды, он [приобрел] ослов для перевозки имущества и неоднократно прогуливался на своих ослах по улицам Петербурга, навлекая на себя немало гроз и молний со стороны начальства[14].

В 1911 Н.Л. Бенуа покинул Финляндский полк, выйдя в запас[15]. В том же году подал документы на Санкт-Петербургские сельскохозяйственные курсы[16], однако никаких свидетельств об окончании курсов обнаружить не удалось[17]. В 1913 Николай Бенуа возвратился на действительную военную службу в 46-й пехотный Днепровский полк[18]. В ноябре 1913 поручик Бенуа получил чин штабс-капитана и был направлен в Военную автомобильную школу.

С началом Первой мировой войны Николай Леонтьевич хотел отправиться на фронт в составе лейб-гвардии Финляндского полка, но по совету полковника С.И. Дорошевского (1868–?) остался в автомобильной роте. В ходе войны занимал должности инспектора Блиндированной автомобильной дивизии Северного фронта и начальника 6-й починочной автомобильной мастерской в Петрограде.

После революции семья Бенуа была разделена враждебными границами. В Петрограде остались отец и мать Николая Леонтьевича. Надежда Леонтьевна перебралась в Англию, вышла замуж за Иону Платоновича Устинова (1892–1962), стала известной художницей и матерью будущей мировой знаменитости Питера Устинова (1921–2004). Ольга Леонтьевна эмигрировала в Германию, позднее жила в Великобритании. Сведениями о судьбе еще одной сестры Николая, Екатерины Леонтьевны, мы не располагаем. Судьба Александра Бенуа описана ниже.

Николай Бенуа после Февральского и Октябрьского переворотов 1917 был заключен в Кронштадтскую тюрьму, из которой ему удалось бежать в Финляндию. В 1918 Николай Леонтьевич состоял на службе в Военном Управлении генерала А.А. Гулевича (1866–1947). После поражения Белого движения Николай Леонтьевич в полной мере познал тяготы эмигрантской жизни во Франции. Работал таксистом в Париже.

---

[14] *Сергеев Б.В.* Николай Леонтьевич Бенуа // Финляндец. Осведомительный листок Объединения лейб-гвардии Финляндского полка. 1961. № 40. С. 2–3.

[15] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49788 Л. 2 об.

[16] Петербургские сельскохозяйственные курсы были открыты в 1906 г. на Каменном острове.

[17] ЦГИА СПб. Ф. 449. Оп. 1. Д. 291.

[18] РГВИА Ф. 400. Оп. 9. Д. 34736.

> На стоянках, ожидая клиентов, вырезывал Николай Леонтьевич с замечательным искусством и большим юмором фигурки из дерева – солдат, крестьян, русских баб[19].

Незадолго до начала Второй мировой войны Николай Леонтьевич Бенуа женился на Марии Адольфовне Франк (?–1959), и молодая семья переехала в Берлин. Чета Бенуа приютила у себя дочерей-близнецов русской женщины, увезенной на работы в Германию, чем, по свидетельству полковника Сергеева, спасла девочек от возможных медицинских опытов, которые планировали проводить немцы. Во время войны Бенуа пострадали при бомбежках Берлина. При приближении Красной армии Николай Леонтьевич с женой и близнецами перебрались в американскую оккупационную зону, откуда вскоре переехали в Канаду. Первоначально беженцы остановились в Торонто, но из-за болезни Николая Леонтьевича, страдавшего стенокардией и уже не способного работать, вынуждены были перебраться в Ванкувер, к его двоюродному брату Дмитрию Дмитриевичу Хорвату (1900–1998). В дополнение ко всем бедам в марте 1959 скончалась жена Николая Леонтьевича. В апреле того же года, после смерти генерала Федора Эмильевича Бредова, Николай Леонтьевич возглавил полковое Объединение чинов лейб-гвардии Финляндского полка как старший по чину из оставшихся в живых офицеров. Но силы постепенно покидали старого «финляндца», болезнь прогрессировала, и 28 сентября 1961 Николай Леонтьевич скончался. Похоронен в Ванкувере[20].

Тепло и проникновенно написал о Николае Леонтьевиче упомянутый уже нами выше Б.В. Сергеев, автор статьи-некролога:

> <…> при всех испытаниях своей жизни и куда бы ни закидывала судьба Николая Леонтьевича, в самые тяжелые моменты своей болезни, всегда Николай Леонтьевич сохранял свой юмор, свое философское отношение к жизни, всегда оставался убежденным монархистом, человеком глубоко преданным Царствовавшей Династии, тем же Кокой Бенуа, Бенуем, каким его знали во время его службы в полку[21].

О судьбе Александра, младшего брата Николая, мы располагаем весьма краткой информацией. Благодаря счастливой случайности нам удалось обнаружить краткий послужной список Александра Леонтьевича Бенуа[22]. Сразу

---

[19] *Сергеев Б.В.* Указ соч. С. 3.

[20] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 1. М., 1999. С. 278; [Некролог] // Часовой (Париж; Брюссель). 1961. № 426.

[21] *Сергеев Б.В.* Указ соч. С. 3.

[22] Послужной список Александра Бенуа не указан в картотеке РГВИА и был обнаружен нами случайно как вклейка в Послужной список его брата Николая: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49788. Л. 9–10.

после окончания курса Санкт-Петербургской 8-й гимназии в 1912 году Александр подал прошение о приеме на юридический факультет Санкт-Петербургского университета[23], но уже в сентябре того же года был зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в списки 148-го пехотного Каспийского полка. В январе 1913 был переведен на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, в марте того же года окончил курс Полковой учебной команды и получил звание ефрейтора. В июле выдержал испытание на чин прапорщика запаса и в августе был уволен в запас армии с присвоением чина прапорщика. 8 сентября 1913 Александр вернулся в университет, но через год по мобилизации был призван на действительную службу и зачислен в Преображенский полк. В октябре 1914 в бою с австрийцами на высоте у фольварка Зволя был контужен, но остался в строю. Получил чин подпоручика в ноябре 1915 и за боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

К октябрю 1917 Александр имел чин штабс-капитана и командовал 15-й ротой лейб-гвардии Преображенского полка. Во время Гражданской войны находился в Вооруженных силах Юга России. Убит 25 сентября 1919 у деревни Дремайловка Нежинского уезда Черниговской губернии[24].

В воспоминаниях А.Н. Бенуа об Александре написаны следующие строки:

> <…> милейший юноша и блестящий гвардейский офицер, Шура, бежавший, как и старший брат во Францию, поступил затем в Добровольческую армию и был заколот штыками под Киевом[25].

Так сложилась судьба двух доблестных русских офицеров, двух представителей славной семьи Бенуа, отдавших свои жизни не служению искусству, как их предки, а защите Родины.

---

[23] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63157.

[24] *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 63.

[25] *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. В 2 тт. Т. I. М., 1990. С. 105.

Алексей Емелин, Валентин Наумов

Тайна старинной книги: биография, зашифрованная на полях

Алексей Юрьевич ЕМЕЛИН

кандидат исторических наук, начальник отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности РГАВМФ

dirk-kortic@yandex.ru

Валентин Николаевич НАУМОВ

кандидат технических наук, командор Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба профсоюзов

naumov5@mail.ru

Нас, авторов данного текста, познакомила старинная книга. Она была куплена одним из нас в букинистическом магазине – ставшая уже хрестоматийной «Краткая история русского флота» Феодосия Федоровича Веселаго, 1-й и 2-й выпуски под одной обложкой, 1895 год издания. Счастливого обладателя библиографической редкости заинтересовали записи, сделанные синими чернилами на страницах книги – там, где в начале и в конце глав имелись свободные места. Они представляли собой краткую хронику чьей-то жизни – даты с указанием мест пребывания, но без событий. Период – с сентября 1915 по декабрь 1933. Изредка против дат стояли крестики и имена умерших людей. Обширная география: Гомель, Крым, Петроград, Ревель, Гельсингфорс, Гапсаль, Москва, Ленинград, Кронштадт, Севастополь... Бутырка... Все это напоминало шифр, к которому нет ключа. Чья жизнь была зашифрована таким образом? И зачем?

Для решения этой загадки мы и познакомились. А решив ее – захотели представить цепочку умозаключений,

рассказав при этом о непростой судьбе одного из бывших офицеров Российского императорского флота, оставшихся на Родине.

Судя по некоторым записям, автор был морским офицером. В записи за 1915 год фигурируют адмиралы, рестораны – явно автор был отнюдь не матросом. В дальнейшем служил (или работал?) преимущественно на береговых должностях, но иногда принимал участие в кратких выходах в море, в том числе на подводной лодке «Змея» во время Ледового похода Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт в апреле 1918. Зацепок не очень много... Списка участников Ледового похода на «Змее» нет. Надежда, что присутствие автора во время кратковременных выходов в море окажется отмеченным в вахтенных журналах, была невелика.

Наиболее перспективной с точки зрения нахождения зацепок показалась первая, более подробная запись за 1915 год.

В ней имеется следующая информация:

1915 г.

IX	1–8	Гомель	Отпуск. Папа в Крыму
	9 – 30	о. Вормс, бат. 30.	Ревель. «Кречет». Адмиралы Канин и Лесков. Выбор службы. Гапсаль. К. I р. Овандер. Бат. 30. Кершлит, Форби, Седербю, маяк Вормс. Смотритель. Библиотека его. Баня. Стрельбы. Погрузка дров. Лестма (?). Поездка в Ревель. Шторм на Пурце. Приход в Рогокюль. Ревель. Времяпрепровождение. Виолетта. Поездки по о-ву. У шведов на молении. Ночной выход на шлюпке в море. Туман. Разгрузка «Сербино». Поиски памятника Петра из Риги. Шотланд. колли «Сербино» и его судьба. Лейт. Адамиди и Серебрянников. Фенад (?). Комлев. Рзест (?). Мехонцев. Лыони (?). Шторм. 4/XII. Арт. стрельба. Назначение в арт. классы. Ужин в «Петрограде». Лейт. Мей. Замок в Гапсале. Ревель. «Золотой Лев». Товарищи. Раль, Кияшкин. Ведерн. Синайск. Новицкий. Орлов. Клевенский. Мей. Епинатьев. Коленда. Сергиевский.
X	1–28	о. Вормс	
	29 –31	Ревель	
XI	1–2	Ревель	
	3–30	о. Вормс	
XII	1–30	о. Вормс	
	30	Гапсаль	
	31	Ревель	

Похоже на конспект будущих воспоминаний... Что можно извлечь из этих записей? Некий офицер в сентябре 1915 побывал в отпуске в Гомеле, затем прибыл в Ревель, на штабной корабль Балтийского флота «Кречет», был принят командующим флотом вице-адмиралом В.А. Каниным, а затем – начальником обороны Приморского фронта Морской крепости Императора Петра Великого контр-адмиралом П.Н. Лесковым. Через Гапсаль отправился на о. Вормс (ныне Вормси), на береговую батарею № 30. Вормс находится западнее Гапсаля, между материком и о. Даго (ныне Хийумаа). Батарея № 30, находившаяся в северо-западной части острова, имела на вооружении четыре 152-миллиметровых орудия и вместе с другими батареями прикрывала с севера вход в пролив Моонзунд.

Далее упоминается «Сербино» – это небольшой английский пароход, на котором осенью 1915 из Риги при приближении немецких войск эвакуировали различные грузы, в том числе установленный в 1910 памятник Петру Великому. Судно погибло, с этим и связано упоминание о поисках памятника. (Поднять монумент удалось лишь эстонским водолазам в 1934.)

Наконец в записи указано: «Назначение в арт. классы». Существовал централизованный Артиллерийский офицерский класс в Кронштадте, но во время войны действовали и временные, на местах. Из дальнейших слов можно предположить, что автор обучался в Ревеле, и его одноклассниками при этом были «Рал[л]ь, Кияшкин. Ведерн[иков]. Синайск[ий]. Новицкий. Орлов. Клевенский. Мей. Епинатьев. Коленда. Сергиевский». Пожалуй, это самая удачная «зацепка». Просмотр циркуляров штаба командующего флотом Балтийского моря позволяет найти нужный, за № 761 от 5 июля 1916:

При сем штаб, по приказанию командующего флотом, объявляет список гг. офицеров, успешно окончивших временные артиллерийские курсы в порте Императора Петра Великого, учрежденные на основании высочайше утвержденного 14 марта 1916 г. постановления Адмиралтейств-совета по журналу от 10 марта 1916 г. за № 5040 ст. 43820.

СПИСОК

лейтенант	Ведерников
– « –	Синайский
– « –	Стадницкий-Колендо
мичман	Сергиевский
– « –	Кияшкин
– « –	Мей
– « –	Епинатьев

– « –	Клевенский
– « –	Монтлевич
Подпоручик артиллерии	Соколов – вольнослушатель
– « –	Орлов – вольнослушатель
Подпоручик армии	Новицкий

Итак – кто же автор? Лейтенанты отпадают – наш герой начал службу только в 1915. Сухопутные офицеры нас в данном случае не интересуют. Остается шесть мичманов. Из них пять перечислены в цитированной выше записи о 1915 годе – не упомянут лишь мичман Монтлевич. Вероятно, он и есть наш автор. Это предположение, безусловно, требовало проверки.

Знакомимся в архиве с документами о поступлении в Морской корпус и послужным списком. Иван Иванович Монтлевич по окончании Морского корпуса вместе со своими однокашниками 25 августа 1915 был произведен в корабельные гардемарины, а 27 августа – в мичманы, после чего всем полагался непродолжительный отпуск перед отправлением на флоты. Автор интересующих нас записей отпуск проводит в Гомеле, а И.И. Монтлевич учился в Гомельской казенной гимназии[1], по окончании которой в 1913 поступил в младший специальный класс корпуса. Совпадает!

Проверяем по послужному списку И.И. Монтлевича – после окончания корпуса и производства в офицеры приказом командующего флотом Балтийского моря от 9 сентября 1915 он был назначен на Приморский фронт Морской крепости императора Петра Великого, а 12 сентября назначен старшим офицером батареи № 30. 1 января 1916 зачислен «слушателем краткого артиллерийского класса, организуемого при Управлении Приморского фронта, с оставлением в занимаемой должности»[2].

Все это позволяет точно сказать: да, автором записей в книге Ф.Ф. Веселаго является Иван Иванович Монтлевич. Он один по окончании Морского корпуса в 1915 попал на 30-ю батарею, он один с этой батареи в конце 1915 – начале 1916 проходил обучение на кратких артиллерийских курсах в Ревеле.

Что мы можем узнать о судьбе этого офицера из документов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота? Чем имеющиеся в книге Ф.Ф. Веселаго записи могут дополнить биографию И.И. Монтлевича? Как сложилась его дальнейшая судьба (мы помним, что заметки в книге оканчиваются 31 декабря 1933)?

---

[1] Свидетельство врача Гомельской казенной гимназии о здоровье ученика VIII класса И. Монтлевича, 5 марта 1913 // РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 2426. Л. 7.

[2] Послужной список И.И. Монтлевича // Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. М-92. Л. 1об.-2.

Родился 29 ноября 1892 в м. Рудня Оршанского уезда Могилевской губернии в семье Ивана Ивановича Монтлевича – дворянина, выпускника юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. На момент рождения Ивана (старшего из его четырех сыновей) отец исправлял должность судебного следователя 2-го участка Оршанского уезда Могилевской губернии в чине коллежского секретаря. В 1897 его перевели в Гомельский уезд, где с 1905 он был почетным мировым судьей. К моменту поступления сына в Морской корпус достиг чина статского советника. Мать, Надежда Григорьевна (урожд. Поликарпова), была дочерью священника.

Иван в 1913 окончил гимназию в Гомеле и поступил в младший специальный класс Морского корпуса, уже 24 июля ступив на палубу своего первого корабля – канонерской лодки «Храбрый». В связи с начавшейся Первой мировой войной и острой нехваткой офицеров обучение было ускорено и вместо трех лет заняло два. Как уже отмечалось выше, в сентябре 1915 молодой мичман оказался на о. Вормс старшим офицером береговой батареи № 30. Впрочем, для мичмана он по тем временам был уже не очень молод – без пары месяцев 23 года.

В документах Управления начальника обороны и артиллерии Приморского фронта Морской крепости императора Петра Великого удалось найти рапорт мичмана И.И. Монтлевича командиру 2-го отдельного батальона артиллерии Приморского фронта от 17 февраля 1917. Документ не только отражает службу офицера в Российском императорском флоте, но и дает представление о его характере:

> Окончив Морской корпус в августе месяце 1915 года приказом за № 1245 от 12 сентября 1915 г. начальника обороны непосредственно был назначен старшим офицером на батарею № 30.
>
> 2 января 1916 г. я был командирован во временные артиллерийские офицерские классы в г. Ревель, по окончании коих был назначен старшим офицером на батарею № 37, на которой и находился по сие время. В течении моей службы на Приморском фронте я неоднократно лично просил и подавал рапорт о переводе в плавающий состав флота. Приказом командующего флотом от 18/XI 1916 года за № 1235 я был назначен на Минную дивизию вместо мичмана Мей (эскадренный миноносец «Стерегущий»). В настоящее же время приказом начальника обороны от 14 февраля 1917 г. за № 250 я назначен командиром батареи № 39 и заведующим технической частью 7 батальона. Из вышеизложенного видно, что меня с Приморского фронта на плавающий состав флота не пускали, и после 17 ½ месячной службы на Приморском фронте я переведен в 7 батальон, отходящий в Моонзундскую позицию. Имея большое и горячее желание служить на флоте и плавать, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о переводе моем

в плавающий состав флота, так как за долговременное пребывание на берегу я забываю то дело, ради которого окончил Морской корпус и для службы которому произведен в офицеры флота.

Мичман Монтлевич.
№ 1. 17 февраля 1917 г.
Батарея № 37[3]

Батарея № 37, старшим офицером которой И.И. Монтлевич был в 1916, находилась на мысе Дирхами (на материковом побережье, немного севернее о. Вормс) и также имела на вооружении четыре 152-миллиметровых орудия Канэ. А вот батарея № 39, о назначении командиром которой упоминает Монтлевич, – это уже серьезнее! Она находилась у мыса Тахкона, в северной части о. Даго (Хийумаа) и имела на вооружении четыре открыто установленных 305-миллиметровых орудия. Сила! Задачей батареи было прикрытие с юга входа в Финский залив. Одновременно офицер являлся заведующим технической частью 7-го отдельного батальона артиллерии Приморского фронта Морской крепости императора Петра Великого (в состав батальона, которым командовал капитан 2-го ранга Б.С. Николаев, входили три расположенные на о. Даго батареи – № 34 (в юго-западной части), 38 и 39 (в районе мыса Тахкона)[4]. Где он находился во время знаменитого Моонзундского сражения?

Судя по заметкам в книге Ф.Ф. Веселаго, И.И. Монтлевич был на батарее до 27 сентября, затем три дня провел в Петрограде, но с началом операции «Альбион» через Гапсаль отправился обратно. 3 октября, в разгар боевых действий, он уже вновь на батарее. Стрелять, однако, 39-й не пришлось. Еще до высадки на остров неприятеля солдаты 427-го Пудожского пехотного полка, составлявшие гарнизон острова, под влиянием революционных событий и слухов о стремительном занятии немцами о. Эзель утратили боеспособность. Команды батарей сохраняли дисциплину, организовав охрану пушек со стороны берега и ожидая присылки транспорта для эвакуации в случае угрозы. Корабли противника, для борьбы с которыми предназначались батареи, так и не появились, а от высадившихся 5 октября в южной части острова немцев защиты не было – армейские части разбегались, думая лишь о спасении.

В подробном исследовании А.М. Косинского о боях за Моонзундские острова приведено много сведений о том, как начальник обороны о. Даго полковник А.А. Веселаго и старший лейтенант Б.М. Елачич пытались сохранить боеспособность батарей[5], но сведений о том, при каких обстоятельствах были

---

[3] Рапорт мичмана И.И. Монтлевича от 17 февраля 1917 // Там же. Ф. 953. Оп. 1. Д. 289. Л. 52–52об.

[4] Список личного состава 7-го отдельного батальона артиллерии Приморского фронта Морской крепости императора Петра Великого // Там же. Д. 258. Л. 73.

[5] *Косинский А.М.* Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Л., 1928. С. 126–127, 134–138, 143–144.

оставлены батареи и были взорваны орудия, почти нет. Из рапорта полковника А.А. Веселаго следует, что к вечеру 7 октября личный состав 34-й, 38-й и 39-й батарей перебрался на о. Вормс, причем указывалось: «...оружие все взорвано; на острове осталась подрывная партия, в числе 35 человек, под командой кавторанга Николаева и инженера Горнова. Их ожидает буксир»[6]. Но точно известно, что батарея № 39, которой командовал И.И. Монтлевич, взорвана не была[7]. Из записей И.И. Монтлевича в книге Веселаго следует, что 7–8 октября он на катере № 9 перебрался от мыса Тахкона на Диргамн (Дирхами), где находилась батарея № 37, на которой он ранее служил, оттуда 9-го числа прибыл в Балтийский порт (ныне Палдиски), 11 октября – в Ревель. 13 октября он побывал на о. Вульф, 14–15-го – находился в Ревеле, 15–17-го – в Петрограде, 18-го – в Гельсингфорсе, 19–25-го – вновь в Петрограде, с 26 октября по 6 ноября – в Ревеле, откуда 7-го числа был направлен на о. Вульф. В советских анкетах Монтлевич указывал, что в октябре был назначен командиром башенной 305-миллиметровой батареи и комендантом о. Вульф (при входе в Ревельский порт, сейчас о. Аэгна). Судя по записям в книге Веселаго, пробыл он на батарее всего несколько дней (7–9 и 16–17 ноября), после чего через Ревель и Петроград 24 ноября прибыл в Гельсингфорс.

Наконец-то начала исполняться мечта И.И. Монтлевича о возвращении на боевые корабли. Правда, флот был уже «не тот» – дисциплина падала, в Петрограде власть взяли большевики, что также не сулило возвращения старых порядков. Тем не менее корабли манили по-прежнему. Сейчас уже трудно сказать, был ли это выбор Ивана Ивановича или воля начальства, но в конце ноября 1917 мичман был назначен на Дивизию подводных лодок и зачислен на краткие офицерские курсы подводного плавания. На подлодке «Змея» в должности первого помощника командира 7–16 апреля 1918 участвовал в Ледовом походе кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, но в июле 1918, по окончании курсов, не выдержал трех экзаменов и был отчислен[8].

Между тем в стране грохотала гражданская война. «Змея», на которой продолжал числиться Монтлевич, была поставлена на прикол. В октябре 1918 он был назначен заведующим хозяйством заградителя «Лена», входившего в состав формировавшегося в Лодейном Поле дивизиона заградителей для красной флотилии Онежского озера. А Монтлевич – артиллерист! А бывших офицеров-артиллеристов в дивизионе нет. В результате уже в ноябре он оказывается флагманским артиллеристом дивизиона заградителей, который в 1919 переводится на Онегу. В Онежской флотилии, кстати, было всего два командира, имевших

---

6 Там же. С. 144.

7 *Мелконов Ю.* Батареи Моонзунда. Рига, 2003. С. 32.

8 *Пожарский А.М.* Подводное плавание в России. 1834–1918 гг.: Биографический справочник. СПб.: 2011. С. 555–557.

хоть какое-то артиллерийское образование, – флагманский артиллерист флотилии А.Я. Иванов и Монтлевич[9]. В 1919 боевые действия на Онеге заканчиваются, и летом 1920, после расформирования флотилии, Монтлевича возвращают на Балтику вторым артиллеристом линкора «Петропавловск» (будущий «Марат»). С октября 1920 он был слушателем отдела оружия Морской академии – это спасло его от нахождения на «Петропавловске» во время Кронштадтского восстания в марте 1921.

Однако закончить обучение ему не удалось – 22 августа 1921 он был арестован во время так называемой «фильтрации» (кадровой чистки), до 6 декабря 1921 находился в тюрьме в г. Курске, но затем был освобожден и, в отличие от большинства арестованных тогда бывших офицеров, получил возможность продолжить службу. С апреля 1922 служил в оперативном управлении Морского штаба Республики в Москве: сперва помощником главного артиллериста, с декабря того же года – старшим производителем работ отдела военно-морской статистики, с февраля 1924 по июнь 1926 – флагманским химиком. Одновременно с исполнением последней должности с апреля 1925 по май 1926 вольнослушателем прошел обучение в химическом классе Специальных курсов усовершенствования командного состава РККФ (СКУКС), после чего с 15 июня 1926 по 6 июля 1929 преподавал на этих курсах. С июня 1925 жил в Ленинграде.

Непосредственное начальство деятельность И.И. Монтлевича оценивало достаточно высоко. Вот аттестация, составленная в 1923:

> Трудолюбивый и интересующийся. Здоровье слабое (очень нервен); дисциплинарен; характера несколько неуравновешенного. Подготовка вполне достаточная. В гражданской войне участвовал в Онежской флотилии. Политически благонадежен.

Аттестационная комиссия в целом с данной характеристикой согласилась, отметив, что Монтлевич может быть назначен на корабль II ранга артиллеристом или помощником командира либо использоваться в оперативных частях штабов в должности помощника начальника части, при этом делался вывод:

> Полезен для флота. Желательно предоставить возможность окончить в[оенно]-м[орскую] академию[10].

В конце 1925 г. в аттестации отмечалось:

---

[9] *Титов С.М.* Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1919 гг.) // КОРТИК. Флот. История. Люди. СПб., 2015. Вып. 15. С. 105.

[10] Аттестация на И.И. Монтлевича, 1923 // РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 4404. Л. 1об.

Старательный работник. Дисциплинарен. Очень интересуется и увлекается своим делом. Здоровьем слаб. Политически благонадежен[11].

«Старательная работа» И.И. Монтлевича была прервана в 1929. В марте 1929 ОГПУ завело дело на председателя химико-физической секции Научно-технического комитета Управления Военно-морских сил Михаила Павловича Мальчевского. Мальчевский, химик с университетским образованием, с 1910 преподавал в Военно-морской академии. Обвинили его в том, что он «умышленно в контрреволюционных целях тормозил работу по химической обороне РККФ», для чего игнорировал предложения ряда сотрудников секции, затирал их и не давал проявить себя, а кроме того, «будучи враждебно настроенным к Совстрою – вел антисоветскую агитацию» и «совершал подлоги». По версии следствия, эта деятельность, в частности, привела к попытке самоубийства одного из членов секции[12]. М.П. Мальчевский был арестован, а вскоре при расследовании дела тучи сгустились еще над двумя «бывшими» – штатным преподавателем Военно-морской академии Семеном Петровичем Вуколовым (24.08.1863–10.10.1940) и Иваном Ивановичем Монтлевичем. Оба были арестованы. Документы говорят о том, что Монтлевич 6 июля был уволен из СКУКСа, а 13 июля взят под стражу. Записи на полях исследуемой нами книги Ф.Ф. Веселаго говорят, что И.И. Монтлевич с 13 по 19 июля находился в доме предварительного заключения на Шпалерной, с 20 июля – в камере № 26 внутренней тюрьмы, 13 декабря был перевезен в московскую «Бутырку» (камера 76, затем 77 и 86).

Точной датой вынесения приговора мы не располагаем, известно лишь, что Коллегией ОГПУ И.И. Монтлевич был осужден по ст. 58-4, 58-7 и 58-11 «за пособничество во вредительстве» на 10 лет лишения свободы. Подробностей об этом деле найти пока не удалось, но известно, что М.П. Мальчевский[13] был позднее, в апреле 1931, приговорен к высшей мере наказания, а вот выдающийся ученый С.П. Вуколов с 1932 заведовал кафедрой взрывчатых веществ в Военно-морской академии.

Судя по записям на полях книги, И.И. Монтлевич с 25 июля по 30 июля 1930 находился в пересыльной тюрьме, потом был возвращен в «Бутырку» (камера 89), 27 мая 1931 (почти через месяц после вынесения приговора

---

[11] Там же. Л. 2.

[12] Постановление о принятии к производству дела М.П. Мальчевского // Там же. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 2. Л. 2.

[13] Мальчевский Михаил Павлович (17.05.1879–1931), выпускник университета (1907), преподаватель Морской академии (с 1910), с 1924 – одновременно заведующий химической лабораторией; в 1929 – преподаватель Морской академии, председатель химической секции Научно-технического комитета Управления ВМС РККА. Арестован ОГПУ весной 1929; приговорен к ВМН (высшей мере наказания) 30.04.1931 по ст. 58-4, 58-6, 58-7, 58-11; реабилитирован 11.01.1965. URL: http://arch.iofe.center/showObject/84123708.

М.П. Мальчевскому) переведен в пересыльную, 8–14 июля этапирован из Москвы в Усолье, 17–19 июля – в Вишеру («Вишерлаг»).

Контр-адмирал советского флота В.А. Белли много лет спустя вспоминал о пути в лагерь:

> Ночью нас посадили в арестантские вагоны, где-то еще была пересадка в другие вагоны, прибыли в Пермь. Здесь посадили нас четверых, Монтлевича, Жаринцева, Ричарда Никодимовича и меня, на крышу парохода и привезли в Усолье. На следующий день перевели в лагерь в Красновишерск. Работали по устройству дороги в лесу, на уборке у лесопильного завода и т. д.[14]

Заключение, к счастью, оказалось не очень продолжительным.

> <…> наша четверка, Монтлевич, Жаринцев, Ричард Никодимович Мусселиус и я, ехали на пароходе в Пермь, но уже не на крыше, под дождем, а в помещении, правда, под охраной. В Перми нас посадили в купе классного вагона и отправили в Москву. Я был полон оптимизма, но мои спутники его не разделяли и до известной степени оказались правы. По прибытии поезда на Ярославский вокзал в Москве нас довольно долго продержали под конвоем в зале ожиданий, затем посадили в «черного ворона» и доставили снова в Бутырскую тюрьму. Всего в лагере я пробыл около 2–2½ месяцев[15].

Записи И.И. Монтлевича, однако, указывают иную продолжительность пребывания в лагере – обратный путь начался 5 января 1932, с 12 по 20 января – пребывание в Москве, а уже 21-го числа – долгожданный Ленинград. В автобиографии И.И. Монтлевича, составленной в апреле 1937, этот период обозначен скупой фразой: «В июне 1929 г. был демобилизован, а с 13 июля 1929 г. по 31 декабря 1931 г. состоял за О.Г.П.У.»[16].

Ивану Ивановичу несказанно повезло. Уже в том же январе 1932 он был назначен преподавателем военно-химического дела в Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Спустя полгода начальник и комиссар училища А.Н. Татаринов составил на своего нового подчиненного многоговорящую аттестацию:

> Прислан в училище с очень расстроенным здоровьем. Взялся за работу преподавателя энергично, но последовавшая вскоре смерть брата[17]

---

[14] *Белли В.А.* В советском военно-морском флоте. Воспоминания. СПб., 2013. С. 139.

[15] Там же. С. 140.

[16] Автобиография И.И. Монтлевича, 8 апреля 1937 // РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 705. Л. 9.

[17] В записях на страницах книги Ф.Ф. Веселаго за январь 1932 значится: «31 † Алеша». Речь о младшем брате Алексее (05.11.1897–31.01.1932).

и тяжелые жилищные условия изменили политико-моральное состояние. Воспоминания об аресте не изгладились до сих пор. Сохранил излишнюю боязливость в своих действиях, болезненно реагирует на проступки курсантов, ему подчиненных, высказывая сомнения в своих способностях и силах. Нервный, но старается себя сдерживать, что не всегда удается. Очень стремится к повышению своей квалификации как военного химика, сам просил послать его с этой целью в плавание, где, как и зимой, работал очень старательно. Имеет данные стать вполне удовлетворительным преподавателем и весьма нужен училищу как военный химик, но нуждается в продолжительном отдыхе для подкрепления здоровья. Зачисления в кадры РККА заслуживает; отказ в этом, если ряд лиц, прибывших вместе с ним в ВМУ, будет восстановлен, может, при настоящем его состоянии, привести к полному падению политико-морального состояния и даже к нервному заболеванию. Сейчас в моральной поддержке особенно нуждается и, при наличии таковой, может принести училищу большую пользу[18].

Ситуация, однако, радикально изменилась уже к марту 1933. Старший преподаватель училища С.Г. Авраамов дал Монтлевичу сдержанную характеристику, отметив аккуратность и честность в работе, но и нервность, слабое здоровье, малую решительность.

Человек недоверчивый, замкнулся после тюрьмы, или подозрительный, за все время службы в ВМУ ни в чем противосоветском замечен не был, аполитичен, свое политическое лицо не выявляет. Благодаря нервности замечания по службе рассматривает как желание снять его с работы. Должности соответствует[19].

Однако начальник штаба училища А.И. Холодняк, окончивший Морской корпус на два года ранее И.И. Монтлевича, в заключении на составленную С.Г. Авраамовым аттестацию был категоричен:

Нервный, боязливый, неуверенный в своих силах, нерешительный в действиях, аполитичный, здоровье слабое. Нет командирских качеств, не может руководить курсантами и прививать им качества, необходимые командиру-большевику. Как специалист – только удовлетворителен, как воспитатель – совсем слаб, и этою слабостью только подрывает авторитет преподавателя. Полагаю, что зачислять препод[авателя] Монтлевича

[18] Аттестация на И.И Монтлевича, 1932 // РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 4404. Л. 3об.

[19] Там же. Л. 5об.

в ряды РККА нецелесообразно, а в училище его нужно заменить квалифицированным военным химиком в ближайшее время[20].

Начальник и комиссар училища А.Н. Татаринов к этому времени поменял прежнее благожелательное отношение к Монтлевичу на противоположное:

С заключением начальника штаба ВМУ согласен полностью. Подлежит изъятию из Военно-морского училища. 23 марта 1933 г.[21]

Спустя год, 11 марта 1934, И.И. Монтлевич, так и не получивший звания, был уволен от службы «в долгосрочный отпуск» и 1 апреля 1934 исключен из списков училища.

О гражданской жизни Ивана Ивановича известно мало. С 1 апреля 1934 по 21 сентября 1935 он преподавал военно-химическое оружие, химию и морскую практику на военно-морских курсах Центрального союза Осоавиахима, при этом в характеристике отмечалось, что «тов. Монтлевич с порученной работой справляется хорошо и является знающим и ценным специалистом в своей области»[22]. С 16 сентября 1935 по 17 марта 1936 трудился старшим химиком в институте «Механобр» (Государственном научно-исследовательском и проектном институте механической обработки полезных ископаемых). С 10 апреля 1936 работал химиком-аналитиком, а затем заведующим лабораторией в Государственном институте прикладной химии. Характеристика, данная по указанию райвоенкома, и тут была вполне хорошей: «...является высококвалифицированным работником. С порученной работой вполне справляется. В процессе работы проявляет личную инициативу. В работе дисциплинирован. В общественной жизни предприятия активного участия не принимает, работу совмещает с преподаванием в учебном заведении»[23]. Вывод комиссии по переаттестованию командного и начальствующего состава запаса флота тем не менее был однозначным: «ценности для флота не представляет», в связи с чем в апреле 1937 И.И. Монтлевич был снят с воинского учета. Вероятно, при этом учли и слабое здоровье – с 1936 Иван Иванович состоял на учете в туберкулезном диспансере.

А.М. Пожарскому, автору замечательного биографического справочника по офицерам-подводникам Российской империи, удалось в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области получить сведения о том, что И.И. Монтлевич был арестован 26 августа 1941 Управлением НКВД по Ленинградской области по подозрению в совершении преступлений,

[20] Там же. Л. 6.

[21] Там же. Л. 6об.

[22] Характеристика на И.И. Монтлевича // Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 705. Л. 14.

[23] Там же. Л. 10.

предусмотренных ст. 58-10, ч. 2, и в связи с военной обстановкой эвакуирован в тюрьму № 2 г. Мариинска Новосибирской области, где и скончался 29 июля 1942[24].

Вернемся к записям на полях книги Ф.Ф. Веселаго. По нашему предположению, они были сделаны в начале 1930-х, на основании дневника – только этим можно объяснить такую точность в датировании перемещений. Вероятно, И.И. Монтлевич счел, что в дневнике имеется много записей, которые могут сыграть против него при возможном очередном аресте. Уничтожить же дневник просто так было невероятно жалко. В связи с этим перед уничтожением был составлен такой своеобразный конспект, который позволял хоть что-то сберечь в памяти и затем при необходимости восстановить. Запись за 1915 более подробна, а последующие написаны нарочито кратко – и для скорости их составления, и для уменьшения вероятности привлечения внимания при обыске. Записи были разбросаны по страницам книги, преимущественно в начале и в конце глав. Судя по тому, что книга сохранилась, она действительно не обратила на себя внимания во время ареста.

Почему же Монтлевич избрал для своей цели именно книгу Ф.Ф. Веселаго? Возможно, потому, что в ней было достаточно свободного места. Возможно, это отражало его интерес к истории флота и к данной книге. Но не исключено, что книга напоминала ему об одном из эпизодов его жизни – полковник Генерального Штаба Александр Александрович Веселаго, руководивший обороной о. Даго в ходе событий октября 1917 и, судя по всему, эвакуировавшийся на материк вместе с личным составом батареи И.И. Монтлевича, приходился внуком выдающемуся историку[25].

---

[24] *Пожарский А.М.* Указ. соч. С. 557.

[25] *Емелин А.Ю.* О семье и потомках Ф.Ф. Веселаго // «Строго держась источников...». К 200-летию со дня рождения историка русского флота Ф.Ф. Веселаго: Сборник статей / Отв. сост. к.и.н. А.Ю. Емелин, науч. ред. д.и.н. В.Г. Смирнов. СПб., 2017. С. 121–126.

Елена Юшкова

Александр Румнев: штрихи к портрету биографа российской пантомимы

Елена Владимировна ЮШКОВА

кандидат искусствоведения, независимый исследователь, Вологда

В 1961 в Советский Союз приехал французский мим Марсель Марсо. Его гастроли знаменовали начало нового этапа в развитии советского театра – уничтоженный в течение трех десятилетий жанр пантомимы, имевший невероятную популярность в России в 1910–1920-х, наконец стал возвращаться на сцену – сначала любительскую, а затем и профессиональную[1].

Марсель Марсо нанес частные визиты двум деятелям российского театра: в Ленинграде популярному артисту Аркадию Райкину[2], а в Москве – почти совершенно забытому бывшему актеру Камерного театра Таирова Александру Александровичу Румневу. Марсо называл

---

[1] Об истории уничтожения жанра, а затем его возвращении в советское искусство см.: *Юшкова Е.В.* Пластика преодоления: краткие заметки об истории пластического театра в России в XX веке. Ярославль, 2009.

[2] Об этом визите рассказал К.А. Райкин на встрече с участниками III Международной научно-практической конференция «Лаборатория актера и режиссера: современные подходы к изучению евразийской театральной пластической культуры XX–XXI столетий», состоявшейся 21 сентября – 25 сентября 2016 г. в Высшей школе сценических искусств («Театральная школа Константина Райкина»).

Румнева «мэтром»[3] – ведь слава актера, не столь давно демонстрировавшего на сцене чудеса пластической выразительности, была еще жива в Европе[4] после триумфальных гастролей Камерного театра в 1920-е годы[5]. В СССР Румнев скромно снимался в маленьких эпизодических ролях в кино, ставил танцы (самая известная его работа хореографа-постановщика – в фильме «Золушка»), преподавал во ВГИКе и писал свои мемуары и исследовательские работы, посвященные жанру пантомимы[6].

А.А. Румнев прожил яркую жизнь, которая просилась на бумагу. В неопубликованных воспоминаниях «Годы в Камерном театре» (1960)[7] и «Минувшее проходит предо мною» (1964)[8] он рассказал о своем детстве и юношеских годах. Отдельную книгу представляют собой воспоминания об ЭКТЕМИМе, театре пантомимы во ВГИКе, который Румнев создал[9], но существовал театр недолго, с 1962 по 1963 год, и был полностью забыт. По неизвестным причинам, о которых только можно догадываться, мемуарные работы Румнева так и остались лежать в архиве, хотя попытки начать публикацию периодически делались.

Первая попытка датируется 1975 годом: всего лишь несколько страниц вышло в сборнике «Встречи с прошлым» с предисловием и комментариями Н.М. Золотовой и немного видоизмененным названием (вместо «Минувшее проходит предо мною» появилось «Прошедшее»)[10]. Более личные свидетельства Румнева о знакомстве с Айседорой Дункан во время ее пребывания в Москве частично опубликованы в 1992 в сборнике «Айседора. Гастроли в России»[11]. Этот фрагмент воспоминаний и некоторые рисунки хранятся в московской библиотеке Союза театральных деятелей (СТД), которая приобретала их при жизни мима, «чтобы его поддержать»[12]. Румнев рассказывает о своих посещениях репетиций Дункан, когда она танцевала в его присутствии, о постепенном

---

3 См.: *Романович И.* Неповторимость художника: К 80-летию А.А. Румнева // Театр. 1979. № 3. С. 58.

4 Там же. С. 57.

5 См.: *Сбоева С.* Таиров. Европа и Америка: Зарубежные гастроли Московского Камерного театра: 1923–1930. М., 2010; *Колязин В.* Гастроли Камерного театра в зеркале немецкой критики: 1923 год // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века / Ред.-сост. В.В. Иванов. М., 1996. С. 242–265.

6 Книги вышли позднее: *Румнев А.А.* Пантомима в системе воспитания киноактера / Всесоюз. гос. ин-т кинематографии. Науч.-исслед. кабинет. Кафедра актерского мастерства. М., 1962; *Румнев А.А.* О пантомиме. М., 1964.

7 РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Ед. хр. 35.

8 Там же. Ед. хр. 34.

9 Там же. Ед. хр. 37.

10 *Золотова Н.М.* Время поисков и экспериментов (из воспоминаний А.А. Румнева «Прошедшее проходит предо мною») // Встречи с прошлым. М., 1975. С. 124–138.

11 *Румнев А.А.* «Минувшее проходит предо мною...» // Айседора. Гастроли в России / Сост., подгот. текста и коммент. Т.С. Касаткиной; вступ. ст. Е.Я. Суриц. М., 1992. С. 355–368.

12 Из личной беседы автора с директором библиотеки СТД В.П. Нечаевым. 2015 г.

осознании ее артистического и личностного масштаба, о том огромном уважении, которое она вызывала степенью своей отдачи искусству[13].

Основная часть рукописного наследия Румнева находится в РГАЛИ[14]. Бумаги были переданы туда старшей сестрой Румнева, актрисой Надеждой Александровной Волк-Левонович (1882–1978)[15]. Фонд довольно большой: более 120 рукописей воспоминаний и статей, письма, рисунки, фотографии и многое другое. Есть также фонд в Театральном музее (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина и в библиотеке СТД. Изучение архива представляет немалую сложность, так как Румнев перерабатывал свои тексты многократно, возвращался к одним и тем же темам в разных работах. Например, воспоминания о художественной жизни Москвы начала 1920-х содержатся как в мемуарах «Минувшее проходит предо мною», так и в воспоминаниях о Камерном театре, а также в ряде других набросков. Вариантов и тех и других воспоминаний также довольно много.

Содержимое фондов тематически подразделяется на несколько разделов. Первый – это официальные материалы: свидетельство о рождении, договоры с театрами, анкеты, а также различные афиши и программы концертов и спектаклей. Есть записка в ТЕО Наркомпроса 1919 года о танцевально-пластическом коллективе «Искания в танце». Второй раздел – это теоретические работы и доклады, которые Румнев писал с 1919 по 1960: «Об искусстве движения», «О пантомиме», «Пантомима и ее возможности», статьи, объединенные под названием «Реализм в танце», исследование «Пантомима как средство воспитания телесной выразительности актера» и многие другие, а также их бесконечные варианты.

Блестяще образованный человек, Румнев собирал книги по танцу, пантомиме и пластике на трех европейских языках (несколько вариантов списка представлены в составленных им библиографиях), даже живя за железным занавесом, обладал прекрасным пониманием того, как развивается современный танец за рубежом. Очевидно, часть книг он привез из гастролей Камерного театра 1920–1930-х по Европе. Некоторые труды из его библиотеки так и не переведены на русский язык и не изданы до настоящего времени: театроведа Юлии Сазоновой (Слонимской) «La vie de le danse», вышедшая в Париже в 1937, работы ряда немецких и французских авторов первой трети XX века (M.V. Boehn, O. Bie, R. Sohner) ,«История танца» Валентина Парнаха, опубликованная в Париже в 1932 на французском языке[16]. В 1949, когда начало развиваться телевидение, Румнев придумал план телевизионной передачи «Искусство пантомимы», написал ее сценарий и пояснительный текст. Но, к сожалению, данные о том, была она показана или нет, у нас отсутствуют.

---

[13] *Румнев А.А.* «Минувшее проходит предо мною...». Указ. изд. С. 365.

[14] РГАЛИ. Ф. 2721, Румнев (Зякин) А.А.

[15] Информация о передаче архива предоставлена В.П. Нечаевым

[16] РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Л. 140.

Иллюстративный раздел архива представлен рисунками Румнева, среди которых – портреты, сделанные самим Александром Александровичем. На них изображены, в частности, Цецилия Мансурова и Сергей Эйзенштейн, помогший ему с трудоустройством во ВГИК в 1949, после возвращения из странствий по отдаленным регионам СССР[17]. Есть фотографии, на которых он изображен один и с многочисленными деятелями искусства. Довольно большое количество фотографий в различных ролях в Камерном театре, а также в групповых портретах с А.Я. Таировым, А.Г. Коонен, с другими актерами Камерного во время гастролей в Европу и Южную Америку, фотографии в группах с французским мимом Жан-Луи Барро, с советскими музыкантами К.Н. Игумновым и Л.Н. Обориным. Фотографироваться Александр Александрович любил, да и камера отвечала ему взаимностью. Фотографии с дарственными надписями дарили Румневу коллеги по Камерному А.Г. Коонен, Б.А. Фердинандов и Н.М. Церетелли, а также К.Н. Игумнов и Ф.Г. Раневская.

Важный раздел архива представляют собой рисунки Анатолия Зверева. С ним Александр Александрович дружил, а в 1961 вместе с дирижером Игорем Маркевичем[18] водил его на концерты Марселя Марсо. Кураторы российско-французской выставки «Проект "Стенограмма": Анатолий Зверев. На концерте Марселя Марсо. Графика, видео, фотография», прошедшей в Москве в 2006, утверждают, что именно Румнев открыл миру гений Зверева, а Игорь Маркевич, в свою очередь, представил молодого художника западной публике[19]. Звереву Александр Александрович посвятил статью, хранящуюся в архиве, а Маркевич написал пять писем Румневу – они также находятся в РГАЛИ.

И наконец, самый большой раздел архива – мемуарный. Объемный том воспоминаний под названием «Минувшее проходит предо мною» состоит из двух глав: «Детство и юность» и «Камерный театр». Вторая глава отчасти дублирует книгу «Годы в Камерном театре», написанную в 1960, где Румнев рассказывает о своем актерском становлении и о своем пристрастии к условному театру, которое привили ему Таиров и его единомышленники[20]. Еще один вариант воспоминаний 1964 года озаглавлен «Пути и встречи»[21]. Есть наброски воспоминаний об Александре Таирове и Максимилиане Волошине.

---

[17] Рисунки также хранятся в Бахрушинском музее – некоторые из них проанализированы в статье Ксении Кропотовой (см.: *Кропотова К.А.* Александр Румнев. Эстетические идеалы // Искусство движения. История и современность / Под ред. Т.Б. Клим. М., 2002. С. 77–84) – она изучала в основном ранние автопортреты, а ряд рисунков, по словам В.П. Нечаева, – в библиотеке СТД.

[18] Маркевич И.Б. – итальянский и французский дирижер и композитор. Сотрудничал с Дягилевым, был женат на дочери Нижинского. Приезжал в Москву для проведения семинаров в Московской консерватории.

[19] Объявление о выставке: Проект «Стенограмма»: Анатолий Зверев: На концерте Марселя Марсо: Графика, видео, фотография // Русское искусство. 2006. URL: http://www.russiskusstvo.ru/exhibitions/moscow/a1179/.

[20] РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Ед. хр. 35.

[21] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 16.

«Начало и конец одного театра»[22] посвящены работе Румнева в Экспериментальном театре пантомимы во ВГИКе. «Это был первый театр в СССР, целиком посвященный пантомиме»[23], – с гордостью и одновременно с горечью пишет о своем детище Александр Александрович. Многое остается недоговоренным в этих воспоминаниях, чувствуется какая-то скрытая обида... Этот театр еще ждет своего исследователя.

В фонде РГАЛИ хранятся записи для работы со студентами ВГИКа, разработки танцев, в том числе для классики советского кино – фильма «Золушка» 1947 года: Румнев делал пометы на режиссерском сценарии Н. Кошеверовой, будучи балетмейстером-постановщиком. Надежда Кошеверова – участница ФЭКСов, в 1930-х – ассистент Козинцева и Трауберга, создала в фильме с помощью замечательных советских актеров, сценариста Е. Шварца, художника Н. Акимова и, конечно, Румнева атмосферу настоящей сказки, которая, несмотря на скромность технических возможностей тех лет, не утратила своего обаяния и сейчас. В 2009 государство затратило более миллиона долларов на колоризацию фильма (его реставрацию в цвете по оригинальным эскизам Николая Акимова)[24]. Сам Александр Александрович сыграл в этом фильме изысканно-пародийного учителя танцев маркиза Па-де-труа. Помимо «Золушки», Румнев снялся еще в нескольких фильмах, в военные годы и послевоенные, и, в частности, сыграл иностранного посла в кинофильме «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна 1944 года, причем в титрах его имя указано не было[25].

Значительный пласт фонда – переписка Румнева с деятелями культуры. Мы видим его письма к французскому миму Марселю Марсо, пианисту К.Н. Игумнову, певцу И.С. Козловскому, музыковеду И.И. Соллертинскому. Александру Александровичу писали философ А.Г. Габричевский (в РГАЛИ хранятся три его письма), К.Н. Игумнов, режиссер Г.М. Козинцев, актриса Ф.Г. Раневская, режиссер Театра мимики и жеста Евгений Харитонов, в Бахрушинском музее находятся письма к нему от советского киноклассика Григория Александрова.

Однако наибольшим интересом среди исследователей вот уже на протяжении 40 лет пользуются мемуарные материалы. К ним регулярно обращаются российские и зарубежные исследователи, пишущие о танце, пластике, пантомиме и различных эстетических экспериментах 1920-х годов. Ссылки на мемуары Румнева присутствуют в публикациях как российских (Е. Суриц, Н. Рославлева, И. Сироткина, К. Кропотова, Е. Юшкова и др.[26]), так и зарубежных

---

[22] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 37.

[23] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3.

[24] *Нараленкова О.* «Золушка» в самом цвете // Российская газета. 11.12.2009. URL: http://www.rg.ru/2009/12/10/zolushka-site.html.

[25] См.: Иван Грозный. 1944 // Кинопоиск. URL: http://www.kinopoisk.ru/film/42657/cast/.

[26] См.: *Суриц Е.Я.* Московские студии пластического танца // Авангард и театр 1910–1920-х годов. М., 2008. С. 384–429; *Roslavleva N.P.* Prechistenka 20: the Isadora Duncan School in Moscow. New York, 1975; *Сироткина И.Е.* Свободное движение и пластический танец в России. М., 2012.

(Н. Мислер, Н. Штюдеманн, Э. Руджиеро и др.)[27] исследователей балета, пластики, танца, движения.

Что интересует их прежде всего?

Безусловно, та характеристика эпохи с «атмосферой высочайшего накала»[28], которую невероятно талантливо дает Румнев. Его высказывание о том, что в трудные и голодные 1920-е годы «все танцевали или хотели танцевать»[29], практически уже стало хрестоматийным и цитировалось многократно, как и его описания «девушек с чемоданчиками», перемещающихся из одной танцевальной студии в другую с нехитрыми аксессуарами для танца. Кочует из исследования в исследование и рассказ про преподавателя танцев в сыпнотифозном госпитале, увлеченно демонстрировавшего элементы модной свободной пластики. В первоначальных вариантах воспоминаний этим преподавателем был он сам, позже появился некий «юноша», которого он просто знал[30]. Поскольку Румнев являлся участником целого ряда достаточно важных для понимания развития пластического движения студий (в частности, К. Голейзовского и Л. Лукина), то его свидетельства поистине трудно переоценить. Привлекают внимание пикантные рассказы о сотрудничестве художников-авангардистов с хореографами, когда для выступлений обнаженные тела танцовщиков расписывались супрематистскими фигурами[31].

Румнев многократно переписывал текст, явно лавируя в идеологически напряженном поле, чтобы воспоминания увидели свет. С поразительной легкостью он отрекается от своего многолетнего кумира Айседоры Дункан, утверждая в одном из вариантов, что ее танец не выдержал испытания временем[32]. В итоге упоминаний об американской танцовщице в опубликованных при его жизни книгах не осталось совсем, хотя сейчас уже сложно понять, как можно было эту тему миновать, ибо утверждение о ее огромном влиянии на пластические поиски начала XX века сейчас стало практически аксиоматичным. А советской пантомиме в итоге оказались присущи «высокая идейность и правда чувств»[33], выгодно отличавшие ее от буржуазной, эстетской и формалистской западной.

На волне всеобщего интереса к пантомиме исследование Румнева, посвященное этому жанру, увидело свет в 1964. Книга была названа довольно просто – «О пантомиме» – и была издана с большим шиком: в суперобложке,

---

[27] *Stüdemann N.* Dionisos in Sparta. Isadora Duncan in Russiand. Eine Geschichte von Tanz und Korper. Bielefeld. Transcript Veglag, 2008; *Ruggiero E.* Alexander Rumnev and the new dance // Experiment. 1996. Vol. 2. P. 221–228.

[28] РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 15; *Мислер Н.* Вначале было тело. Ритмопластические эксперименты начала XX века. Хореологическая лаборатория ГАХН. М., 2011.

[29] *Золотова Н.М.* Время поисков и экспериментов. Указ. изд. С. 136.

[30] Там же.

[31] См.: Там же С. 138.

[32] *Румнев А.* Годы в Камерном театре. 1960. РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 58.

[33] *Румнев А.А.* О пантомиме. Указ. изд. С. 221.

с изысканным дизайном страниц и многочисленными иллюстрациями в виде пляшущих по страницам фигурок, мастерски сделанными художником-аниматором Львом Мильчиным. Тираж для советского времени не был таким уж большим – 10 000 экземпляров.

В книге Румнев выбирает максимально нейтральный угол зрения – теоретический, исторический и отчасти (когда речь идет о 1920-х) – мемуарный, хотя свою собственную персону никак не афиширует. Александр Александрович берется воссоздать историю развития пантомимы, уделив особое внимание пластическим поискам 1910–1920-х годов в России, свидетелем которых был сам. На наш взгляд, в исследовании Румнева содержится своего рода «диалог культур», перекличка нескольких эпох: Серебряного века, 1920-х годов, хрущевской оттепели, а также затронут целый пласт европейской культуры 1920–1950-х. Известный мим и актер стал свидетелем тех мытарств, которые пережил безобидный, казалось бы, жанр пантомимы в нашей стране. Поэтому книга полна как радости от воскрешения жанра в конце 1950-х, так и горечи от ее долгого непризнания и запрещения. В одном из черновиков Румнев, комментируя международный фестиваль, в рамках которого в Москве собрались пантомимические коллективы как с Запада, так и с Востока, задается полуриторическим вопросом: «Почему в СССР, стране передовой театральной культуры, у народов, прославленных своей музыкальностью и пластической выразительностью, нет своего профессионального театра пантомимы, нет даже самодеятельных кружков, занимающихся этим искусством?»[34] Но в книге «О пантомиме» вопрос переформулирован уже с позитивным посылом: «Кому же как не советским людям, обладающим высокой театральной культурой, прирожденной музыкальностью и пластичностью, проявлять себя в красноречивом жанре пантомимы?»[35]

К сожалению, Румневу пришлось пойти на некоторые компромиссы, чтобы книга увидела свет: в частности, противопоставлять правильную и неправильную пантомиму[36], клеймить условность и декадентство неких ультралевых постановок и даже выражать благодарность коммунистической партии и ссылаться на советскую общественность[37]. Но и в таких жестких рамках ему удалось обобщить опыт свой и своих современников, разобраться с рядом сложнейших дефиниций (которым, в частности, были посвящены напряженные дискуссии журнала «Аполлон» в 1910-х[38]), установить определенные исторические приоритеты, выявить некоторые важные традиции. Да и просто подробно описать некогда модные, но уже забытые постановки А. Таирова, Вс. Мейерхольда, Н. Евреинова и К. Марджанова.

---

[34] РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 97.

[35] *Румнев А.А.* О пантомиме. Указ. изд. С. 242.

[36] Там же. С. 8–9.

[37] Там же. С. 156.

[38] См.: *Юшкова Е.В.* Указ. соч. С. 73–104.

Румнев все время словно извиняется за условность пантомимы, доказывая, что она в советское время активно стремится к реализму и достигает в своем стремлении больших высот, что, конечно же, совершенно не соответствует действительности. «О пантомиме <…> сложилось мнение, еще не всеми изжитое, как о зрелище формалистическом, эстетском и условном. Это представление в корне неверно»[39], ведь пантомима имеет народные основы, что в Советском Союзе служит лучшей рекомендацией. Но при этом автор упорно отстаивает право пантомимы на поэтическую метафору и аллегорию, которые могут быть оправданы именно связью пантомимы с народным искусством. В этих оговорках чувствуется и борьба с формализмом конца 1950-х – начала 1960-х, и наличие сложившегося под чутким партийным руководством канона «народного» искусства (представленного в творчестве ансамблей Игоря Моисеева и «Березки»).

Отдельный раздел книги посвящен западноевропейской пантомиме 1920–1950-х годов, что для того времени, после долгих лет существования железного занавеса, было огромным прорывом[40].

А.А. Румнев, умерший в 1965 в возрасте 66 лет, не застал массового интереса к пантомиме и к пластическому театру, родившемуся из нее. Не увидел он также и огромного читательского интереса к своему исследованию, возрастающего от десятилетия к десятилетию и достигшего пика в 2000-е годы. Каталог РГБ показывает упоминание ее более чем в 40 диссертациях, защищенных в последнее десятилетие, причем диссертации никак не ограничены темой пантомимы, они посвящены танцу, педагогике и психологии, ритмике, музыке, физкультуре, эстраде, маске в актерском искусстве и даже танцевально-пластической культуре коренных народов Севера и мастерству киноактера в Афганистане[41]. При этом публикации о самом Румневе можно сосчитать по пальцам: журнал «Театр» в 1979 отметил его 80-летие[42], «Театральная жизнь» на волне Перестройки вспомнила о нем как об одном из лучших актеров таировского Камерного театра[43]. Исследователь эстрадного танца Н.Е. Шереметьевская в своей книге 1985 года ссылалась на полемическую статью Румнева 1929 года, посвященную пересмотру традиционного отношения к танцу[44], а Е.Я. Суриц, И.Е. Сироткина и Н. Мислер писали о его участии в пластических

---

[39] *Румнев А.А.* О пантомиме. Указ. изд. С. 8.

[40] Данная тема позже будет развиваться в работах театроведа *Е.В. Марковой*. См.: *Маркова Е.В.* Марсель Марсо. Л., 1974; *Маркова Е.В.* Современная зарубежная пантомима. М., 1985; *Маркова Е.В.* Этьен Декру. Теория и школа «mime pur». СПб., 2008.

[41] URL: https://search.rsl.ru/ru/search#q=Румнев.

[42] См.: *Романович И.* Указ. соч.

[43] *Шведова О., Самаркина О.* Последний Пьеро Камерного театра // Театральная жизнь. 1987. № 20. С. 26–27.

[44] *Шереметьевская Н.Е.* Танец на эстраде М., 1985. С. 134–136; автор упоминает статью: *Румнев А.* Реализм в танце // Жизнь искусства. 1929. № 39. 29 сентября. С. 6.

экспериментах 1920-х[45]. В малодоступном сборнике «Искусство движения: история и современность» в 2002 вышла статья К.А. Кропотовой «Александр Румнев: эстетические идеалы»[46], в которой автор на материале архивных исследований представила и прокомментировала некоторые аспекты огромного наследия мима и педагога, в основном анализируя его ранние живописные работы, хранящиеся в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Итальянская исследовательница Николетта Мислер в книге 2011 года «Вначале было тело», внешне больше похожей на роскошный фотоальбом, представила значительное количество снимков, изображающих Румнева, запечатлевших его удивительную пластику и артистизм, а Ирина Сироткина поместила его фото на обложку книги «Свободное движение и пластический танец в России»[47].

Серьезных попыток изучения наследия Александра Александровича Румнева до настоящего времени не предпринималось. Мало что известно о периоде работы Румнева на Дальнем Востоке и в Куйбышеве в 1930-е и в Алма-Ате в 1940-е годы. Недооценен его вклад в советский кинематограф. Но автор данной статьи ни в коем случае не претендовал на полноту изложения и серьезные обобщения, а лишь пытался привлечь внимание к полузабытому театральному деятелю.

---

45 *Суриц Е.Я.* Московские студии пластического танца. Указ. изд. С. 384–429; *Сироткина И.Е.* Указ. соч. Обложка; *Мислер Н.* Указ. соч.

46 *Кропотова К.А.* Указ. соч.

47 *Сироткина И.Е.* Указ. соч.

Ольга Хмельницкая

Фронтовые письма и дневники как архивный источник биографической информации

(на примере Государственного архива Томской области)

Ольга Евгеньевна ХМЕЛЬНИЦКАЯ

начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Томской области, кандидат исторических наук

Государственные архивы большинства стран (Россия – не исключение) располагают в основном документами организаций. Фронтовые письма и дневники обычно остаются у авторов или адресатов, хранятся в семьях и на государственное хранение не поступают. Так происходило до конца 50-х – начала 60-х гг. XX века.

Массовое и организованное краеведческого движение, оформившееся в СССР в этот период, привело к созданию школьных музеев, основными экспонатами которых и стали частные письма с фронта. Архивы также занимались сбором документов, но большинство дарителей не видело разницы между организациями, отдавая предпочтение школам как месту, где непосредственно велась воспитательная работа с молодежью.

Причины, по которым люди готовы были расстаться с семейными реликвиями, различны. Это и стремление расширить границы памяти о любимом человеке, и опасение за судьбу документов в тех случаях, когда не было наследников либо они не проявляли интереса к тематике.

Значимость фронтовой биографии, казалось, возрастала по мере распространения информации о ней.

К сожалению, статус большинства школьных музеев не был закреплен законодательно. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века многие из них были ликвидированы, а коллекции иногда в прямом смысле слова отправлялись бы на свалку, если бы не действия как общественности, так и архивистов, которые смогли собрать и спасти документы.

К этому времени в Государственном архиве Томской области уже имелись на хранении фронтовые документы, поступившие в результате инициативного документирования в 1958–1968 годах. Статус документов, имевших постоянный срок хранения, позволял не беспокоиться за их судьбу, а широкое информационное использование привлекало все новых потенциальных донаторов. Объем исходной биографической информации об авторах писем, оказавшихся в распоряжении архивистов, напрямую зависел от обстоятельств попадания документов в архив. Иногда это было всего несколько строк – ФИО, воинское звание, даты жизни; реже – фотографии. Если документы поступали от родственников, добавлялись подробности довоенной жизни солдата, но в случае, если он не вернулся с фронта, дальнейшая судьба оставалась неизвестной. То есть к документам прилагалась весьма фрагментарная биография.

Та же зависимость от обстоятельств попадания писем и дневников на государственное хранение прослеживается и в физическом состоянии подлинников. В основном чем позднее документ попал в архив, тем хуже он сохранен, что, безусловно, связано с неправильными условиями (в семье реликвии многократно перечитывались и от этого ветшали, текст истирался, бумага рвалась; в музеях они находились на свету, иногда прикрепленными к основе с помощью химически активных клеев; температурно-влажностный режим не соблюдался никогда). Внутренняя борьба потомков-донаторов между желаниями обнародовать и обладать приводила и приводит к тому, что в архив передают копийные экземпляры – в советский период фотокопии, в настоящее время электронные (сканированные) копии и их цветные распечатки. Архивы вынуждены соглашаться на такие условия, поскольку информация представляется более значимой, чем носитель.

Скорее, исключениями являются случаи, когда дарители налагают какие-либо ограничения на использование документов, поскольку их основная цель – именно максимально широкое распространение сведений об их родственниках. Здесь усматриваются явные параллели с общественным движением «Бессмертный полк» – перенесение традиции семейной памяти в публичную сферу, прославление и героизация родных.

Государственные архивы, в соответствии со своими функциями (а также, если можно так выразиться, по зову сердца сотрудников), действительно, не только обеспечивают сохранность, реставрируют и создают страховые копии,

но и способствуют широкому использованию фронтовых документов и документной информации. Традиционные и виртуальные экспозиции, внушительные (по охвату источниковой базы) научные публикации, даже чтение писем в ходе уличных радиотрансляций в Дни Победы – все это производит сильнейшее впечатление и иногда приводит в архив новых дарителей.

Однако большинство людей не знает о тех сложностях, которые могут возникнуть при подготовке текста или изображения к обнародованию. Например, в документальную публикацию включены тексты, не только разные по объему, но и с разной стилистикой (среди авторов были как высокообразованные, так и малограмотные), разным количеством адресатов (и авторской «фильтрацией» информации, предназначенной для разных людей). Тексты, написанные прекрасным слогом, включающие несколько версий каждого события, соседствуют с единственной сохранившейся открыткой от красноармейца, окончившего только начальную школу, и с рублеными фразами и лозунгами политработника (героически погибшего, как и большинство остальных авторов). Выбор принципов археографической обработки подобных документов может обернуться чьей-то семейной драмой. «Причесать» до неузнаваемости? Изъять «неправильное»? Оставить как есть? И каждый раз необходимо учитывать, что с результатом будут знакомиться как родственники, так и совершенно посторонние люди, и крайне желательно, чтобы они сохраняли заинтересованность как в документе, так и в судьбе героя.

Не менее интересна работа по отбору фронтовых писем для экспонирования. Не забывая о содержании, архивисты должны позаботиться и о визуализации. К счастью, иногда сами авторы способствовали упрощению этой задачи. Так, письма, предназначавшиеся для детей, отличает особый почерк, а зачастую и специально выбранный носитель – почтовая карточка «с картинкой». Иногда «картинка» дополнительно обыгрывалась в тексте письма. Любимые женщины часто становились адресатами стихов – как известных, так и специально сочиненных. Некоторые авторы писем делали рисунки, некоторые старались как можно более художественно описать быт (последнее особенно характерно для заключительного периода войны, когда Красная армия находилась за пределами границ СССР). Интерес представляют даже следы вмешательства цензуры: посетители выставок пытаются угадать по содержанию документа, какое именно слово (обычно географическое наименование) вымарано из текста.

Но даже самые интересные документы не полны без установления биографии автора. Как уже было отмечено, донаторы сами не обладают необходимой полнотой информации, особенно в тех случаях, когда автор с войны не вернулся. Однако историки-архивисты обладают знаниями и опытом, которые в настоящее время позволяют восстановить некоторые «белые пятна», используя эвристический потенциал удаленных банков данных. Нередки случаи установления точных даты и места захоронения военнослужащего, обстоятельства гибели

в плену. В сложных случаях возможна попытка реконструкции событий на основании сведений о боевом пути и местах дислокации воинской части, судьбах однополчан. Это относится, например, к воинским подразделениям, попавшим в окружение, чей списочный состав до сих пор не установлен. Даже эти сведения служат пусть слабым, но все-таки подспорьем тем родственникам, которые на протяжении нескольких десятилетий не могут найти информацию о том, как прервался путь их близких. «Чужое» письмо в этих обстоятельствах хоть в какой-то степени замещает «свое» тем, кто был лишен возможности обладания артефактом памяти (а таковых в масштабах страны десятки тысяч).

Архивисты стараются при каждом новом обращении к фронтовым документам максимально восстановить биографии авторов. Иногда реконструированная и документально подтвержденная биография вступает в конфликт с семейным преданием. Обстоятельства могут быть разными, начиная с курьезных (дед рассказывал внукам байки, всячески избегая подлинных, по-настоящему героических историй со своим участием). Надо отметить, что содержание писем не всегда способствует раскрытию тайн. Обычно в документах такого рода крайне мало военных подробностей (причина – и самоцензура, и цензура, и желание отрешиться от окопной действительности). А потомок жаждет восстановить именно недостающие детали. Даже в случае, если солдат вернулся живым, реализация этого желания могла зависеть от характера и темперамента ветерана, а также возраста слушателя. Если солдат не возвращался, на семейную память о нем накладывался эмоциональный фон личных взаимоотношений (не всегда положительных). Архивист выступает в роли следователя, порой при помощи документов «реабилитируя» участника войны в глазах его потомков в тех случаях, когда сохраненная в семейной памяти биография конфликтна. Разумеется, документ не всегда может быть доказательным, особенно для предубежденного человека, но большинство непредвзятых пользователей приветствуют любую дополнительную биографическую информацию, благодаря которой образ обретает объем.

В Государственном архиве Томской области фронтовые документы отложились в составе фондов личного происхождения участников войны и их потомков, а также в составе коллекций документов.

Список использованных фондов:

ГАТО. Ф. Р-1111. Брандт Л.В.
ГАТО. Ф. Р-1576. Ерохин А.К.
ГАТО. Ф. Р-1584. Савиных А.Г.
ГАТО. Ф. Р-1612. Воспоминания томичей
ГАТО. Ф. Р-1655. Коллекция «Копии документов»
ГАТО. Ф. Р-1662. Документы кавалеров ордена Ленина
ГАТО. Ф. Р-1864. Документы ветеранов Великой Отечественной войны и труда

ГАТО. Ф. Р-1865. Документы общественных музеев школ г. Томска
ГАТО. Ф. Р-1909. Торопыгин А.И.
ГАТО. Ф. Р-1918. Авдеенко М.А.
ГАТО. Ф. Р-2047. Агафонова А.Ф.
ГАТО. Ф. Р-2064. Морокова Н.Б., Ибрагимова Л.Е., Замаратский Е.И.

Нина Цветаева

Ресурсы биографической памяти: семейные корни, этническая идентичность и другие ценности и смыслы

Нина Николаевна ЦВЕТАЕВА

научный сотрудник Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург)

Биографические нарративы (истории жизни и другие свидетельства биографического характера обычных людей) – в современной социологии уже признанный источник не только социального знания, но и сохранения исторической и культурной памяти общества. Собирание и изучение такого рода свидетельств осуществляется Биографическим фондом, который был создан в Социологическом институте Федерального научно-исследовательского центра РАН в 1989. На сегодняшний день коллекция Фонда насчитывает более 1000 единиц хранения, в числе которых – биографические нарративы и интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Идея создания Фонда была тесно связана с происходившими тогда в стране переменами, а также с переменами в методологии социального исследования – с обращением социологов к качественным методам[1].

[1] О переменах в методологии социального познания и использовании автобиографических свидетельств обычных людей см.: *Голофаст В.Б.* Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 4; *Рустин М.* Размышления

В отличие от привычных социологических опросов, задающих матрицу ответов на сформулированные исследователями вопросы, методы качественной социологии дают возможность увидеть более полную картину ценностных ориентаций и социальных представлений, которые работают на уровне повседневной жизни людей, и тем самым расширить горизонт понимания происходящих и происходивших в мире и обществе социально-культурных изменений.

Важно подчеркнуть, что методология социологического исследования таких нарративов не ставит вопрос о правдивости изложенной в нарративе истории жизни. Сегодня признается, что представления людей о реальности всегда множественны и всегда субъективны, что люди говорят не столько о некой объективной истине, объективных реалиях своей жизни, сколько о своем опыте переживания этих реалий, об истинах опыта, которые являются результатом пережитого человеком на тот момент времени, когда он об этом рассказывает[2]. О признании значимости этих истин опыта говорит и знаменитая теорема американского социолога У. Томаса, сформулированная им еще в 20-е годы прошлого века: если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям. Понимаются эти истины опыта в процессе интерпретации, когда исследователь определяет тот социально-исторический контекст, в котором они сформировались, а также те нормативные дискурсы и мировоззренческие системы, которые на них повлияли. Таким образом, задача социологической интерпретации автобиографических нарративов – это описание типики представленных в этих нарративах истин опыта, их генезиса и их связи с разными пластами культурного поля, а значит, обнаружение в этих субъективных истинах опыта объективных структур, их организующих. Еще один важный принцип интерпретации биографических нарративов заключается в том, что любой такой нарратив может рассматриваться с точки зрения двух его составляющих. Одна составляющая нарратива – это принятое в таких случаях хронологическое описание институциональных этапов жизненного пути его автора (от детства к взрослению и т. д.), а также тех жизненных стратегий и практик, которые характеризуют его жизнедеятельность. Другая составляющая нарратива – это те оценочные суждения, которыми автор нарратива определяет свой жизненный опыт и свои взгляды на жизнь, упорядочивая свое повествование. В этих суждениях мы видим определившие их нормативные дискурсы, социально-культурные формы, наработанные историей и культурой общества. И, помещая высказанные автором оценки и суждения в контекст его жизненных стратегий и практик, мы можем определить ценностные основания его самоопределений, понять значимые для него ценности и смыслы.

по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. М., 2002. № 1; *Козлова Н.Н.* Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1.

[2] *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.

Произошедшие в начале 1990-х социально-экономические изменения вызвали распад ценностных ориентиров советского времени и поставили людей перед необходимостью переосмысливать привычный для них порядок жизни. В общественной и частной жизни происходила работа по «переоценке ценностей» и формированию нового ценностного порядка, который должен был помочь в адаптации к новым реалиям жизни. И, как свидетельствуют биографические нарративы 1990-х, первым признаком этой работы была актуализация целого ряда застарелых проблем и конфликтов, табуированных и, казалось бы, решенных советской идеологической системой. Возродился интерес к истории семьи, семейным корням и традициям, религиозным убеждениям, национальной идентичности и другим характеристикам идентичности, пересмотр которых позволял людям строить новые поведенческие практики и жизненные стратегии.

Эту сложную и противоречивую работу общества по «переоценке ценностей» в перестроечное время 1990-х мы рассмотрим на материале биографического нарратива мужчины 1934 года рождения. Это большой текст (20 машинописных страниц), который был прислан в наш Фонд в 1993 на конкурс биографий «Я рассказываю о своей жизни».

Начинается этот биографический нарратив с подробного описания истории семьи его автора. Он пишет, что родился в глухой деревне Ижемского района Республики Коми 19 октября 1934 г. Его отец, по рассказам матери, – русский помор, родом из Архангельской губернии. *До октябрьского переворота* он был *капитаном лесоторгового парохода «Ванька», зафрахтованного норвежской компанией «Ульин и К°». Возил лес в Норвегию. В первую мировую войну призывался на русско-турецкий фронт (под Карсом и Эрзерумом)*.

После 1917 отец осел в Коми-крае, работал служащим в сельсовете, а мать, коми-зырянка, *из семьи оленеводов*, работала в колхозе. В этой части нарратива он подробно описывает быт и обычаи жизни в родной деревне: одежду, сшитую ему мамой *из оленьего меха*, *керосиновые лампы*, при которых он учился свои первые четыре класса в местной деревенской школе. Рассказывает, что учился он на *певучем коми языке*, значения слов которого он поясняет на протяжении всего рассказа. Здесь он также пишет, что *по рождении был крещен* и что *веру в Бога впитал с молоком матери*.

Все эти темы (этническая идентичность, история семьи, а тем более религиозные верования), которые описывает наш герой, в советское время, как правило, не присутствовали в биографических нарративах. И то, что эти темы, табуированные в советское время, появляются в нарративах в 1990-е годы, свидетельствует как о происходящих в ценностном сознании общества изменениях, так и о расширении и легализации пространства частной жизни человека.

Следующая важная тема и смысловая структура этого нарратива – это описание перехода нашего героя из традиционной культуры детства к нормам и правилам жизни в городском советском обществе 1930-х. Рассказ об этом

переходе он начинает с того, что первые четыре класса местной деревенской школы на коми языке сменяются его переездом в 1946 в крупный поселок, где он учится в *пятом классе русской школы при электрическом свете и* где впервые он *увидел и услышал радио – черную тарелку на стене. Впервые увидел автомобили, паровозы, поезда*.

В этой части нарратива мы видим, как традиционное сознание выходцев из крестьян того времени встречалось с новыми условиями городской жизни, которые потрясали и восхищали этих людей. Здесь же можно сказать и о довольно типичной для этих людей страсти к чтению, о которой много пишет наш герой, перечисляя прочитанные книги и часто цитируя их на протяжении всего своего рассказа. Но, наряду с этим восхищением перед новой городской жизнью, в его рассказе появляются свидетельства о происходящих в стране репрессиях, свидетелем которых он становится и которые он описывает довольно подробно:

> Летом 1947 года по Печерской железной дороге, где под каждой шпалой, как говорят, кости человеческие лежат, мы переехали в поселок Печора, получивший в 1949 году статус города. Кругом были болота, лагерные зоны, лес подступал к строениям. Люди к своим домам добирались по деревянным мостикам. Дома были деревянные с печным отоплением. Туалеты наружные. Колонка с водой находилась за несколько сот метров. Возле нашего дома проходила колея железной дороги от станции до лесокомбината через зону с вышками по углам. Там была пилорама. Пишу, и в ушах как будто зазвенела она. Ночью часто просыпались от свистков паровозных и выстрелов часовых.

Отметим, что это описание страшных реалий жизни того времени наш герой никак не анализирует. Напротив, тут же он пишет:

> Жили тогда не в пример, как теперь, веселее, дружнее. Помню в Печоре и взрослые и дети вместе играли в лапту. А наших детских игр и не перечислить: городки, в чижика, в футбол, в прятки и т. п. В шестом классе я научился играть в шахматы.

По всей видимости, можно заключить, что автору нарратива трудно разрешить это противоречие: с одной стороны, описание страшных реалий жизни того времени (лагерных зон, выстрелов часовых и т. п.), а с другой – описание обычной (дружной и веселой) жизни. Причем этот диссонанс в его нарративе оказывается не единственным.

Такой же диссонанс образуется при описании автором нарратива двух сторон его студенческой жизни после поступления в 1952 в московский вуз – в Тимирязевскую академию**,** на факультет почвоведения и агрохимии. Одна сторона этой жизни представлена им как ощущение праздника. Он пишет:

> Студенческие годы не забудутся никогда. Вспоминаются праздники, танцы под музыку с пластинок в длинных коридорах общежитий, фильмы итальянского неореализма, которые мы смотрели в студенческом клубе. Навсегда в памяти осталась демонстрация 7 ноября 1952 года. На трибуне Мавзолея я, конечно, видел только Сталина. Из мегафонов неслось на площадь: «Великому Сталину слава! Ура!»

Другая сторона его студенческой жизни представлена в нарративе своего рода критическими замечаниями в отношении идеологических основ обучения того времени. Вот как это выглядит:

> В 1956 году нас собрали в «Большую химичку», в лекционную аудиторию, и прочли нам доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Великий вождь на поверку оказался тираном.

И еще:

> Там же, в «Химичке», Т.Д. Лысенко нам читал лекцию «Новое в науке о видообразовании», где он вещал о превращении ржи в пшеницу, овсюга в овес и т. д. Конечно, лично я, как и многие студенты, слушал его, нисколько ему не веря. Классическая генетика была в полном загоне. Нам курс ее не читали. Чего уж говорить. Курс земельного (аграрного) права был изъят из программы обучения. Теперь только узнал, был такой ученый-экономист В. Чаянов, читал лекции в академии, но был репрессирован. Имя его было запрещено упоминать.

И здесь же он, можно сказать, примиряет противоречие этих двух сторон своего описания студенческой жизни следующим рассуждением:

> Зато нам преподавали прекрасно курсы разных химий, ботаники, физиологии растений, микробиологии, агрохимии, почвоведения сподвижники и ученики Д.Н. Прянишникова, В.Р. Вильямса. Отлично были организованы лабораторные практикумы по этим предметам. С нами, студентами, встречались в порядке культурных мероприятий знаменитые люди (А. Маресьев – герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого; в президиуме районной комсомольской конференции, делегатом которой я был, сидел С.М. Буденный). Проводились экскурсии. Запомнилась поездка в Ясную Поляну – в музей-усадьбу Льва Толстого.

И наконец о двойственности и неоднозначности оценок и позиции автора нарратива по отношению к советскому прошлому говорит следующая фраза его нарратива:

В комсомол меня привлекли уже студентом на втором или третьем курсе, сейчас не помню. Когда уже работал, предлагали вступить в партию. Слава богу, не попутал бес.

Замечательный социальный исследователь Н.Н. Козлова, которая много работала с материалами Народного архива в Москве, в ряде своих работ объясняла такого рода противоречия, часто встречающиеся в нарративах первых поколений выходцев из крестьян, тем, что эти люди принимали новые для них условия и нормы жизни в советском городе по-крестьянски. В этих случаях работало практическое крестьянское сознание, направленное прежде всего на выживание в новых условиях. И в целом по своему мироощущению эти люди оставались крестьянами, старались выжить и адаптироваться, участвовали и уклонялись, как «листья травы», избегая по возможности того, что могло разрушить их жизнь[3]. Нарративы Биографического фонда подтверждают эти выводы. И все же заметим, что автор обсуждаемого нарратива – довольно образованный человек, который в 1952 окончил факультет почвоведения и агрохимии Тимирязевской академии, а в 1961 стал аспирантом института растениеводства и сдал экзамены кандидатского минимума с оценкой «отлично». И если рассматривать это обстоятельство как характеристику ценностного сознания нашего героя, можно предположить, что здесь мы видим еще одну смысловую структуру его нарратива. Отказываясь от объяснения возникающих диссонансов и противоречий своего повествования, он предоставляет читателю возможность самостоятельно делать выводы, в то время как сам он остается как бы в стороне, пытается быть просто объективным.

Еще одну смысловую структуру этого нарратива мы обнаруживаем в описании следующей ступени жизненного пути его автора. После завершения учебы он как специалист – агроном-почвовед – находится в постоянных миграциях по России. И здесь свои переезды с одного места на другое он сопровождает многочисленными яркими описаниями красоты природы, красоты городов и рек как Русского Севера, уроженцем которого он является, так и России в целом. В этих с любовью описываемых им красотах природы разных мест, где он бывает и работает, читается его желание примирить ценности двух контекстов – традиционной культуры детства и родительской семьи, очень значимой, как мы видели раньше, для него и уже усвоенной им и тоже значимой для него культуры образа жизни советского человека. Вот как это выглядит в нарративе:

Прекрасна природа России. Она питала и питает творчество русских поэтов, художников, писателей. Поэтому так чрезвычайно богата наша родина именами знаменитых людей. Поэтому так богат и сочен великий русский язык. Коми язык, на котором я разговаривал в детстве до 5-го класса,

[3] См.: Козлова Н.Н. Крестьянский сын: Опыт биографического исследования // Социологические исследования. 1994. № 6.

тоже очень певучий. Приведу только несколько слов: черн (рыба); чер (топор); юра (умный, толковый); юр (голова); ва (вода); из (камень); шондг (солнце); мича (красивый, пригожий).

Чувствуется, что этими описаниями красоты тех мест, где автор нарратива оказывался по работе, и сопровождающими эти описания замечаниями о приветливых и гостеприимных людях в этих местах он пытается как-то сгладить появляющиеся в нарративе критические высказывания о заброшенных деревнях, разрушенных церквах, превращенных в склады. Кроме того, можно предположить, что эти описания красоты природы России наряду с описанием красоты Русского Севера говорят и о принятии им нормы, декларируемой советской идеологией, о равенстве наций, о многонациональном советском народе.

***

Одной из основных особенностей смыслового конструирования этого биографического нарратива является, на наш взгляд, желание его автора в определенной мере примирить очень значимые для него ценности двух контекстов – традиционной культуры детства и родительской семьи и его жизненного опыта в советское время, культуры образа жизни советского человека. Однако в результате этого примирения его оценки и позиция по отношению к советскому прошлому выглядят двойственными и неоднозначными, образуя противоречия и диссонансы в его повествовании.

Как свидетельствует анализ материалов нашего Фонда, ценностный дискурс смыслового конструирования биографических нарративов людей старших советских поколений, как правило, остается в рамках привычных этим людям формул советской просвещенческой культуры с ее своеобразным идеализмом, противопоставлением ценностей «высокой» культуры и духовности над ценностями материальными. И возможно, противоречивость повествования автора этого нарратива также объясняется его приверженностью этому ценностному дискурсу. Тем более что произошедшие в 1990-х социальные изменения активизировали этот дискурс, поставив под вопрос новые, рожденные переменами, ценностные установки общества.

И наконец, если резюмировать наш анализ особенностей смыслового конструирования биографического нарратива этого человека с точки зрения мотивов его написания и как попытку произвести своего рода переоценку ценностей в перестроечное время 1990-х, то можно сказать, что мы увидели скорее защиту противоречивых ценностей нашего героя, чем их переоценку. Тем не менее анализ особенностей смыслового конструирования этого нарратива дал нам возможность увидеть сложную и противоречивую работу общества по переоценке ценностей в 1990-е годы, а также увидеть некоторую динамику приватного мира, высвобождение пространства частной жизни человека, что до некоторой степени свидетельствует об отмирании советской системы и о начавшихся в то время изменениях в ценностном сознании нашего общества.

Ольга Новиковская

Связь времен в контексте семейной истории: неожиданные пересечения и резонансы прошлого и настоящего

Ольга Андреевна НОВИКОВСКАЯ

независимый исследователь, Санкт-Петербург

Корни говорят с ветвями (вместо предисловия)

Мне уже приходилось рассказывать о своем родословии, о предках – далеких и близких, о «корнях и ветвях» своей семьи[1]. Данная статья будет включать в себя извлечения из предыдущих рассказов (а иногда и дополнения к ним), отобранные под определенным углом зрения, что я попыталась выразить в заголовке «Связь времен».

Пользуясь свидетельствами старших родственников, материалами семейных и государственных архивов, а также литературными источниками и информацией из интернета, я постараюсь показать примеры таких сближений во времени. В данной статье отражены события из жизни моих предков по материнской линии.

---

[1] *Новиковская О.* Аносовы и Пузановы: Генеалогические поиски продолжаются // Когита.ру / Блог А.Н.Алексеева. 12.01.2016. URL: http://qps.ru/K5OHj; *Новиковская О.* Дорошевские, Румянцевы и Ларионовы // Семь искусств. 2017. № 10 (91). URL: http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-novikovskaja/.

Аналогичный рассказ о предках по отцовской линии представлен на Пятнадцатых чтениях памяти В.В. Иофе «Право на имя»[2].

Адрес литературного Петербурга и дом моего детства

Начну с рассказа о доме своего детства, расположенном в Поварском переулке. «Поварской» – типично петербургская улочка, сохранившая свой колорит. Длина Поварского – 390 метров. Его возникновение относится к концу 1730-х. Поварской переулок до середины XIX века назывался улицей и входил в состав Дворцовой слободы. Дом 13 – один из выдающихся историко-литературных памятников Петербурга, однако мемориальной доски он, как ни странно, не имеет. Здесь на четвертом, самом верхнем и самом дешевом, этаже в разные годы жили Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, часто бывали В.М. Гаршин, Ф.М. Достоевский, Н.А. Добролюбов. Т.Г. Шевченко читал здесь свои стихи.

Мне же дом 13 в Поварском переулке дорог тем, что в нем 65 лет подряд жили три поколения моей семьи по материнской линии. Да я и сама провела здесь детские годы. С 1911 семья моего прадеда – генерала от инфантерии Николая Федотовича Дорошевского – стала снимать квартиру в этом литературном доме (правда, не на четвертом, а на третьем этаже).

Генерал, военный юрист Н.Ф. Дорошевский (1855–1919) – мой прадед

Впервые о том, кем был мой прадед по материнской линии, я узнала в 12 лет. Тогда, гуляя около своего дома, я случайно услышала рассказ экскурсовода. Придя домой, я сообщила маме, что, оказывается, в нашем доме раньше жили знаменитые писатели, а в нашей квартире – генерал. Мама ответила: «Это был твой прадед». Тогда же она впервые показала мне старые открытки и фотографии моих, как мне тогда казалось, очень далеких предков. Но фотографии Николая Федотовича Дорошевского там не было.

Бабушка Ольга Тимофеевна (приемная мать моей мамы) вспоминала, что до революции в кабинете генерала (одна из двух комнат, где мы продолжали жить в большой коммуналке до середины 70-х годов XX века) висел его портрет. Прадед был изображен в полный рост в парадном мундире с наградами. К сожалению, картина не сохранилась. Дочери царского генерала в послереволюционные годы вынуждены были сжечь ее в печке, опасаясь за свою жизнь и жизнь своих детей.

Как выглядел мой прадед по материнской линии, я узнала недавно – в 2014 году. Тогда на сайте, посвященном генералам Первой мировой войны[3],

---

[2] *Новиковская О.* Связь времен в контексте семейной истории: Неожиданные пересечения и резонансы прошлого и настоящего: Ч. 1 // Пятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». СПб., 2018. С. 116–123.

[3] Дорошевский Николай Федотович // История Пскова и Псковской области / Войны на Псковщине / Первая мировая война. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Дорошевский_Николай_Федотович.

была помещена его фотография (к сожалению, позже ее убрали с сайта) и краткая историческая справка о жизни военного судьи Н.Ф. Дорошевского – уроженца Черниговской губернии.

При первом же взгляде на фотографию меня поразило внешнее сходство моей мамы Елены Ивановны (внучки генерала) и ее родной матери Людмилы Николаевны (дочери генерала) с Николаем Федотовичем.

В биографической справке о жизни прадеда указаны основные вехи его службы. Н.Ф. Дорошевский окончил 2-е военное Константиновское училище, затем Александровскую военно-юридическую академию, был участником русско-турецкой войны 1877–1878. В 1906 стал председателем Варшавского военно-окружного суда, а с 1909 – постоянным членом Главного военного суда. После революции Дорошевский принимал участие в Белом движении на юге России.

Был Николай Федотович ранен, имел награды: ордена Св. Анны 4-й степени (1878); Св. Станислава 1-й степени (1905); Св. Анны 1-й степени (1908); Св. Владимира 2-й степени (1911); Белого Орла (1913); Св. Александра Невского (06.12.1916).

Лишь прочитав эту справку, я наконец-то поняла, что означают даты, выгравированные на пьедестале знакомой мне с детства статуэтки, изображающей скачущего коня: *«Счастливо впередъ»*, а рядом дата *«1873 – 10 августа – 1898»*.

Как мне стало известно благодаря биографической справке, 10 августа 1873 прадед окончил военное училище, был оттуда «выпущен Прапорщиком с зачислением по армейской пехоте и прикомандированием к лейб-гвардии Измайловскому полку». Именно с этим полком он участвовал в русско-турецкой войне, сражался под Плевной.

Эти первые исторические внутрисемейные открытия вдохновили меня начать дальнейшие поиски. Для этого я отправилась в Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Дети генерала Н.Ф. Дорошевского

В ЦГИА СПб среди других хранятся документы «Императорского Воспитательного общества благородных девиц» (так тогда назывался Смольный институт). В нем, как мне было известно от мамы, учились моя бабушка Людмила Николаевна Дорошевская и две ее сестры – старшая, Мария, и младшая, Ксения.

Кроме того, в архиве я обнаружила еще два заинтересовавших меня дела, принадлежавших Вере и Николаю Дорошевским. Это оказались старшие сводные брат и сестра моей бабушки Людмилы Николаевны, о существовании которых я прежде не знала. Вера – старшая дочь прадеда, как и ее младшие сестры, училась в Смольном институте, а будущий юрист Николай Николаевич Дорошевский был студентом Санкт-Петербургского Императорского университета.

Так что, подумала я, не только мои родители и я окончили это учебное заведение, но и представители предыдущих поколений нашей семьи (и по отцовской, и по материнской линиям).

Наличие у прадеда двух детей от первого брака – Веры и Николая – подтвердил и обнаруженный мной в ЦГИА Санкт-Петербурга «Полный послужной список Генерал-Лейтенанта Н.Ф. Дорошевского», составленный в мае 1910. В нем было указано имя моей прабабушки (второй жены генерала) Нины Владимировны (в девичестве Бернгард), а также даты рождения всех шести детей Николая Федотовича.

К сожалению, о дальнейшей судьбе детей прадеда мне почти ничего не известно. Из дореволюционных почтовых открыток, хранящихся в семейном архиве, можно сделать вывод, что Георгий Дорошевский (родной брат моей бабушки) был военным и в 1917 служил в Варшаве. Приемная мать моей мамы рассказывала, что младшая из сестер Дорошевских – Ксения – в возрасте 19 лет погибла в Петрограде от пули красных. Старшая сестра, Мария (в замужестве Янович), – пережила Великую Отечественную войну, но связь с ней оборвалась.

О своей родной бабушке Людмиле Николаевне – средней из сестер Дорошевских – мне известно больше.

Родители моей мамы: Румянцевы и Ларионовы

О тяжелой послереволюционной жизни своих предков Дорошевских–Румянцевых и их гибели от голода в блокадном Ленинграде я писала на портале «Когита.ру»[4].

Теперь скажу кратко.

В квартире № 4 дома № 13 по Поварскому переулку после смерти генерала в 1919 продолжала жить его средняя дочь Людмила Николаевна (1896–1943) с мужем, Константином Васильевичем Румянцевым. Это были мои родные бабушка и дедушка. После революции семью уплотнили, квартира стала коммунальной. Среди их соседей были супруги Ларионовы – бывшие крестьяне, уроженцы Новгородской губернии. Ольга Тимофеевна Ларионова до революции была какое-то время горничной в семье Дорошевских–Румянцевых. В 1933 у супругов Румянцевых, уже имевших сына, родилась дочь – Лена (моя мама, 1933–2002). Во время блокады погибли от голода все Румянцевы – родственники маленькой Лены – отец, мать и 16-летний брат. Людмила Николаевна перед смертью просила не отдавать 9-летнюю Лену в детский дом, и бездетные супруги Ольга Тимофеевна и Иван Иванович Ларионовы удочерили девочку. Лена выросла в их семье, окончила филфак ЛГУ, вышла замуж за выпускника этого же факультета Андрея Николаевича Алексеева (1934–2017). В 1960 родилась я.

---

[4] *Новиковская О., Новиковский И.* Дом в Поварском переулке и его обитатели // Когита.ру / Блог А.Н. Алексеева. URL: http://qps.ru/ZwtTn.

Для моей мамы и меня Ольга Тимофеевна (1899–1983) и Иван Иванович (1898–1979) Ларионовы (мамины приемные родители) стали родными и дорогими людьми. Недаром меня зовут Ольга, а моего старшего сына – Иван.

Деревня Стрелка Новгородской области

Каждый год я провожу свой летний отпуск в деревне Стрелка Боровичского района Новгородской области. Там до сих пор стоит деревянный дом, построенный сто лет назад приемными родителями моей мамы. Я бываю в этих местах с детства и считаю, что и здесь тоже мои корни – и в буквальном, и в переносном смысле этого слова. Ведь перед домом растет береза, посаженная в честь моего рождения дедом Иваном Ивановичем.

Летом 2018 в деревне Стрелка случился страшный пожар – один за другим сгорели четыре соседских дома. Наш домик, по счастью, выстоял. Спасибо пожарным и... моей березе. Она хоть и пострадала от огня, но не пропустила через свою пышную зеленую крону искры, летящие от горящих по соседству домов.

Бывая в Стрелке, я всегда навещаю на деревенском кладбище могилы бабушки и дедушки (Ларионовых) и их родных – Антоновских (работавших в местной школе с конца XIX века). Школы в деревне Стрелка, где более полувека преподавали учителя Антоновские, уже нет, но память об этих людях жива до сих пор.

Педагоги среди моих предков

Изучая семейную историю, я обратила внимание на то, что часто интересы родственников, в том числе профессиональные, повторяются. Многие мои предки и по отцовской, и по материнской линии преподавали. Видимо, и я по окончании ЛГУ и работы в институтах Академии наук пришла в педагогику не случайно. Получив дополнительное образование, более 20 лет работаю учителем-логопедом в детском саду, пишу книги по обучению дошкольников.

Моя бабушка по матери – Людмила Николаевна Дорошевская – и ее сестры по окончании «Императорского Воспитательного общества благородных девиц» приобрели право преподавания французского языка. В советские годы они учили детей.

Как уже было сказано, среди родных приемной матери моей мамы были педагоги – династия сельских учителей Антоновских: Иван Васильевич, его старшая сестра Ольга Васильевна и жена Зинаида Васильевна. (Зинаида Васильевна имела звание заслуженного учителя РСФСР.)

Память в книге и душе

В «Книге памяти жертв политических репрессий Новгородской области» есть три с половиной строчки о погибшем в сталинских лагерях учителе: «АНТОНОВСКИЙ Иван Васильевич 1889 г. р., урож. д. Стрелка, русский, грамотный,

беспартийный, учитель, проживал в д. Стрелка. Арестован 3 марта 1933 г. Приговорен 5 апреля 1933 г. к 5 годам концлагерей»[5].

Об этом человеке я слышала много добрых слов. Бабушка Ольга Тимофеевна говорила, что из предварительного заключения Иван Васильевич сумел передать домой записку. Там было написано: «Методами ведения следствия был вынужден подписаться под тем, чего никогда не делал и о чем даже не думал».

Начал Антоновский преподавать еще до революции. Своих детей у них с Зинаидой Васильевной не было, но был любимый племянник Сережа. Сергей Анатольевич Антоновский (1925–1997) одновременно приходился племянником и моей бабушке Ларионовой Ольге Тимофеевне, поэтому часто навещал ее в деревне Стрелка в 1960–1970-е годы. Я хорошо его помню. Дядя Сережа был участник Великой Отечественной войны. И тоже провел в заключении около 10 лет, но уже в послевоенные годы.

Исторический пример для современной педагогики

Вернусь в сегодняшний день. Будучи педагогом, не могу не сказать о некоторых проблемах, которые возникли в педагогике последнего времени. На медико-педагогическом совещании, состоявшемся в младшей логопедической группе детского сада № 196 29.09.2015, мне довелось высказаться о нелепом нововведении последнего времени[6]. Теперь медицинские данные воспитанников от педагогов, в том числе коррекционных, скрываются, так как подпадают под пресловутую статью о «персональных данных». Не владея же информацией о неврологическом состоянии здоровья ребенка, логопед и дефектолог затрудняются выработать правильную стратегию преодоления речевого (или иного) нарушения. В качестве исторического примера я привела документ из дела об обучении в Смольном институте старшей сестры моей бабушки. Документ 120-летней давности. Вот его текст:

> Дано сие в удостоверении того, что дочь полковника В.Н. Дорошевская психически и физически совершенно здорова и что ей была привита предохранительная оспа, следы коей видны и в настоящее время.

К истории Смольного института

Работая в архиве, перелистывая документы своих давно ушедших родственников, я почувствовала себя сопричастной к ним… Даже возникло ощущение, что я становлюсь неким проводником между днем минувшим и днем

---

[5] Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 5. Новгород, 1996. С. 44.

[6] См.: Меньше знаешь – крепче спишь? / Фрагмент выступления учителя-логопеда О.А. Новиковской на медико-педагогическом совещании, состоявшемся в младшей логопедической группе детского сада № 196 29.09.2015 // Наш любимый детский сад: Журнал для сотрудников детского сада № 196, воспитанников и их родителей. URL: http://dou196.kirov.spb.ru/images/zhurnal__18.pdf.

сегодняшним. Захотелось рассказать об этих людях своим современникам. И такой случай представился. В Детской школе искусств Красносельского района, где когда-то учился мой сын, в 2015 году проходил конкурс творческих работ. Была среди них и такая: «История и традиции Смольного института благородных девиц». Ученица седьмого класса старалась раскрыть предложенную ей тему, но чего-то, с точки зрения ее педагога, в этой работе не хватало. Я предложила в качестве исторической иллюстрации свои архивные записи о трех сестрах Дорошевских – выпускницах Смольного института начала XX века. Как сказали члены жюри, подлинные документы выпускниц Смольного института решили судьбу работы Даши Горбуновой. Школьница заняла в конкурсе первое место. А я была рада тому, что биографии моей бабушки и ее сестер и через сто с лишним лет оказались интересны и полезны людям.

Возобновление родственных связей

После публикации в 2014–2015 на портале «Когита.ру» моих материалов о семейной истории[7] удалось восстановить прежде утраченные родственные связи. В социальной сети «ВКонтакте» меня нашли сын Сергея Анатольевича Антоновского – Владимир Сергеевич – и мой троюродный брат Андрей Викторович Янович – внук Марии Дорошевской (сестры моей бабушки, погибшей в блокаду). Владимир Антоновский недавно прислал мне текст воспоминаний и фотографии документов своего отца, участника Великой Отечественной войны.

Эстафета памяти

Первую часть доклада «Связь времен» я готовила при поддержке своего отца Андрея Николаевича Алексеева. Доклад был посвящен нашим с ним общим предкам – Аносовым и Пузановым.

В 2018 я продолжила то, что мы с отцом планировали, – показала связи во времени между разными поколениями своей семьи – теперь уже по материнской линии.

Осенью 2017 Андрей Николаевич Алексеев ушел из жизни. И в том же году появился на свет его правнук – мой внук Гриша. Этим дорогим мне людям, принадлежащим к разным поколениям семьи, я и хочу посвятить свою работу «Связь времен».

Важная задача старших членов семьи, в том числе и моя, заключается в передаче «эстафеты памяти» (выражение А.Н. Алексеева). Ведь если потомки знают и дорожат своей семейной историей, то обязательно осознают ответственность перед предками и постараются быть достойными их.

---

[7] URL: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-1; URL: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-2; URL: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-4.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Левинская
Элиас Бикерман: нежелательная биография 3

Никита Елисеев
Николай Баскаков (1896–1937). 12

Сергей Прудовский
Архивное уголовное дело «японского шпиона» 25

Андреа Гуллотта
Псевдонимы соловецких литераторов:
вопросы исторической и творческой биографии 37

Наталья Крук
Библиотека Академии наук и госбезопасность. Штрихи к истории БАН 46

Сергей Фокин
Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) и его окружение. 53

Татьяна Шманкевич
«Только не дай бог никому такого счастья».
Чтобы трагедии не повторялись, о них нужно помнить 63

Марина Муравьева
Фрагменты судьбы: барон Георгий Алексеевич фон-дер Остен-Сакен
(1888–1937) 74

Анна Биконт
Как я написала биографию польской национальной героини
Ирены Сендлер. 84

Татьяна Косинова
Польская группа ВСХСОН в нарративах и документах спецслужб. 92

Александр Иванов
Принципы формирования «инструктивного пространства» на ленинградской
выставке «Евреи в царской России и в СССР» (1939–1941) 109

Алексей Вовк
СССР – Франция – СССР. Биография Николая Борисова. 121

Мурат Валиев, Николай Родин
Другие Бенуа. Офицеры Николай Леонтьевич
и Александр Леонтьевич Бенуа 129

Алексей Емелин, Валентин Наумов
Тайна старинной книги: биография, зашифрованная на полях 135

Елена Юшкова
Александр Румнев: штрихи к портрету биографа российской пантомимы . . 148

Ольга Хмельницкая
Фронтовые письма и дневники как архивный источник биографической информации (на примере Государственного архива Томской области). 157

Нина Цветаева
Ресурсы биографической памяти: семейные корни, этническая идентичность и другие ценности и смыслы. 162

Ольга Новиковская
Связь времен в контексте семейной истории: неожиданные пересечения и резонансы прошлого и настоящего. 169

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Польский институт в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ
Биографика 20 века:

Шестнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе
20–22 апреля 2018
Сборник докладов

Редактор Е.В. Русакова
Корректор Д.М. Капитонов
Обложка: А. Ходот
Компьютерная верстка: И.Ю. Малышева

ISBN 978-5-87857-286-6

НИЦ «Мемориал»: 191002, СПб., ул. Рубинштейна, д. 23, оф. 103

АО «Норма»: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25, лит. А, пом. 14-Н № 7

Подписано в печать 4.04.2019
Формат 60x90/16. Печ. л. 11,25
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 32433
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Типография АРСИ»
Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32